

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»
Институт истории и культуры народов Приуралья

Р. Д. Голдина, Е. М. Черных

**Археологическая карта Каракулинского района
Удмуртской Республики**

Материалы и исследования
Камско-Вятской археологической экспедиции

Том 18

Ижевск 2011

УДК 930.26 (470.51)
ББК 63.48 (2Рос.Удм)+К
Г601

СОДЕРЖАНИЕ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Администрации Каракулинского района, Министерства спорта, физической культуры и туризма УР, Удмуртского государственного университета.

Ответственный редактор – научный сотрудник Института истории и культуры народов Приуралья Н.Ф.Широбокова.

Рецензенты: д.и.н. Л.Д.Макаров;
ГУК «Центр по эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия»

На обложке: вид с р.Камы на Партизанские II-IV, VI поселения;
медный кельт из погребения 151 Зуевского могильника

Голдина Р.Д., Черных Е.М. Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.18. Ижевск, 2011. 168 с.

ISBN

Данное издание является продолжением свода информации об археологических памятниках Удмуртской Республики. В нем систематизированы данные по Каракулинскому району – одному из самых «богатых» в сфере археологического наследия народов УР. В книге представлена история изучения памятников археологии, приведены их основные характеристики: топография, датировка, культурная принадлежность, результаты исследований, данные о месте хранения коллекций и библиография.

Публикация предназначена для научных работников, специалистов в сфере сохранения историко-культурного наследия и формирующейся инфраструктуры туризма, а также в качестве необходимого справочного пособия для работников государственных учреждений и ведомств.

УДК 930.26 (470.51)
ББК 63.48 (2Рос.Удм)+К

© Р. Д. Голдина, Е. М. Черных, 2011
© Удмуртский государственный университет, 2011

I. Введение	4
II. Очерк истории археологических исследований в Каракулинском районе Удмуртской Республики.....	9
III. Археологические памятники Каракулинского района	19
Древние поселения (стоянки, селища)	19
Городища	55
Могильники	84
Места отдельных находок	95
IV. История Каракулинского района по археологическим источникам (вместо заключения)	105
V. Библиография	142
Архивные материалы	142
Литература	147
VI. Список сокращений	158
VII. Алфавитный указатель археологических памятников	159

I. Введение

Всем, кто изучал прошлое Прикамья с лопатой в руках - москвичам, петербуржцам, уральцам, ученым и студентам, пожилым и молодым, тем, кто уже покинул этот мир и тем, кто еще готов каждое лето выехать в «поле» - посвящается...

Предлагаемая вниманию Археологическая карта продолжает работу, начатую в 2004 г. коллективом ученых УдНИИ и Национального музея (А.Г.Иванов, М.Г.Иванова, Т.И.Останина, Н.И.Шутова) по северным районам Удмуртии. Публикуемое издание посвящено картированию памятников одного из южных районов республики – Каракулинского. Авторы придерживались заданной предыдущим изданием структуры, но с некоторыми корректировками, впрочем, не меняющими общего содержания и назначения начатой работы. Основной раздел книги составляет каталог археологических памятников, где приведены научно-справочные статьи об отдельных объектах археологии по данным на начало 2010 г. (всего 173 объекта). Ему предшествуют введение и краткий очерк археологического изучения Каракулинского района, как части удмуртского Прикамья. Вслед за каталогом помещен очерк древней и средневековой истории Каракулинского Прикамья по археологическим эпохам (периодам), как это следует из археологической изученности района.

Выбор Каракулинского Прикамья для продолжения большой работы ученых Удмуртии по картографированию объектов археологического наследия обусловлен, прежде всего, насыщенностью района археологическими памятниками. Но этот район еще и наиболее уязвим перед «лицом» катастрофической ситуации, складывающейся в сфере охраны, сохранения и использования историко-культурного наследия. Благоприятные природно-географические условия, близость Камы – крупнейшей водной магистрали края, проницаемость границ, популярность среди туристов – вот лишь малая часть тех факторов, которые обеспечили Каракулинскому Прикамью приоритеты в определении его будущего развития. Перспективное планирование развития Удмуртской Республики до 2025 г. отводит Каракулинскому району роль «туристического рая». Это накладывает особую ответственность не только за обеспечение сохранности его культурного достояния, но и за умелое управление этим наследием. Памятники археологии в нем составляют абсолютную доминанту.

Федеральный закон №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 г. существенно изменил статус объектов археологического наследия. В соответствии со статьями 4, 18 и 64 ФЗ №73-ФЗ, памятники археологии, состоящие на государственной охране на основании решений, постановлений органов государственной власти, считаются включенными в единый Государственный реестр в качестве объектов культурного наследия федерального значения. Вместе с тем перераспределение компетенций на разных уровнях власти и управления, изменения в структуре органов охраны памятников на фоне масштабной приватизации земли и хозяйственного строительства отнюдь не способствуют сохранности памятников археологии. Так, в пределах района в последние годы сотрудниками кафедры археологии УдГУ зафиксированы неоднократные нарушения законодательства. Несогласованные земляные работы уже привели к разрушению целого ряда памятников археологии (Устьбельское III селище, Зуевоключевская II стоянка, Зуевоключевское II поселение и т.д.). Нельзя не упомянуть о катастрофическом состоянии памятников археологии, расположенных на береговых обнажениях Камы, в зоне подтопления

Нижнекамского водохранилища. К сожалению, в бюджете республики средства на выполнение аварийно-спасательных раскопок разрушающихся объектов археологического наследия, не предусмотрены. Не закончена до сих пор работа по учету и инвентаризации археологического наследия. Такая работа сегодня должна проводиться на качественно ином уровне. Предусмотренное законодательством нанесение памятников на растровые планы с привязкой границ путем фиксации их географических координат с помощью современного оборудования должно способствовать скорейшему включению их в единый государственный реестр. Составление Археологической карты на этом пути является очень важным шагом. Авторы надеются, что она окажет существенную помощь как специалистам-археологам, так и республиканским и муниципальным органам, уполномоченным в области охраны культурного наследия. Администрацией района, безусловно, много делается для его пропаганды и сохранения. С этой целью в последние годы были проведены обучающие семинары для представителей всех муниципальных образований, районной Администрации, учителей, с участием УОПИК МК УР (ныне – ГУК «Центр по эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия») и ученых университета. При содействии Отдела культуры Администрации (В.Н.Коткин, А.А.Тощевикова) в 2005 г. организован выезд участников Международной научной конференции на Боярский могильник III-V вв. н.э., в целях пропаганды историко-культурного наследия района проведен социологический опрос в нескольких населенных пунктах района и подготовлен ряд публикаций в республиканской и местной печати («Удмуртская правда», «Прикамская правда»). Учащиеся Вятской средней школы принимали участие в раскопках Боярского могильника. Благодаря увлеченности В.С.Буторина, в этой школе вот уже более 20 лет работает краеведческий музей, один из немногих в республике, имеющий статус народного.

Физико-географическая характеристика района. Каракулинский район расположен на самом юго-востоке Удмуртской Республики. Здесь расположена крайняя южная точка

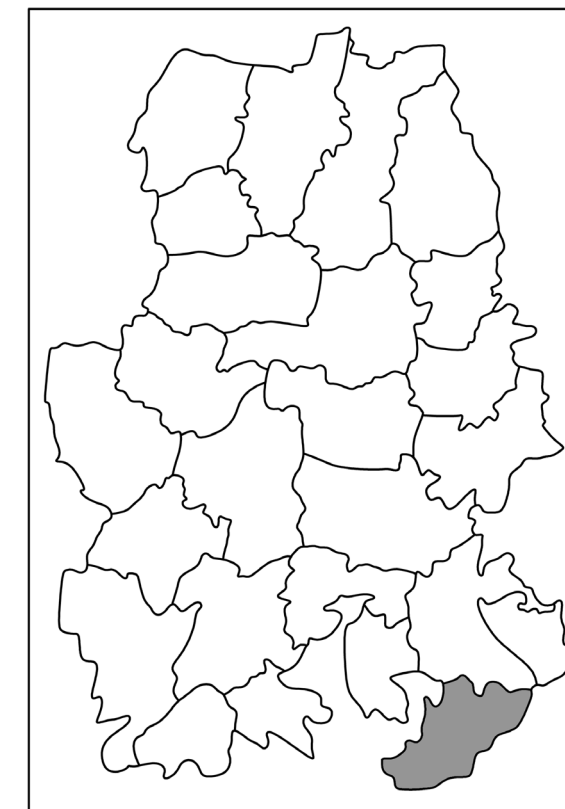

Схема расположения Каракулинского района на карте Удмуртской Республики

республики – у д.Зуевы Ключи. Рельеф района во многом определяется местоположением на восточном фланге Восточно-Европейской равнины, там, где она постепенно переходит в отроги Уральских гор. Еще одним фактором, определяющим особенности рельефа района, явилось его расположение вдоль крупнейшей речной артерии Предуралья – Камы, в правобережье которой и лежит основная часть его территории. Орография Каракулинского Прикамья характеризуется южной оконечностью Сарапульской возвышенности, экспонированной к Каме и испытывающей мощное воздействие реки и, особенно, Нижнекамского водохранилища. При общем равнинном характере район отличается значительной увалистостью и расчлененностью. Увалы с их плоскими или выпуклыми вершинами, изрезанными овражно-балочной сетью, придают району неповторимый колорит. Возвышения порою настолько круты, что именуются в народе горами, или «Рёлками» (Юньгинская гора, Окуловская гора (д.Зуевы Ключи), Архирейская Релка, Релка «Уточка», Чертова Гора и т.п.). Самая высокая

точка района – 221 м – также находится в окрестностях д.Зуевы Ключи. Южная ветвь Сарапульской возвышенности в пределах района служит водоразделом Камы и Ижа. Правый берег р.Камы крутой, высокий, поднимающийся постепенно уступами-террасами к основному плато. Левый берег низменный, представляет собой плоскую активно подмываемую пойму, с большим числом старичных озер и болот. Северо-западная граница района проходит вдоль небольшого левого притока р.Кырыкмас – реки Бима (длина не более 20 км), а северная – по верхнему и среднему течению р.Кырыкмас. Но гидрографическую характеристику району обеспечивают все же не они, а Кама и ее одиннадцать правых притоков – малых речек – Большой Емаши, Чегандинки, Быргындинки, Буторихи и других, а также многочисленные ручьи, питаемые родниками, и озера – Ольховое, Инеевское, Маляши. Особенно большим количеством озер славятся четыре участка в пределах района – к северо-востоку от с.Галаново, между с.Вятским и д.Бояркой, у д.Зуевы Ключи и, конечно же, в левобережье Камы (устье р.Белой).

Климат района умеренно-континентальный, как и в Удмуртии в целом, но по обеспеченности теплом он занимает первое, а по увлажнению последнее место в республике. Лето теплое, преимущественно с ясной погодой, ливневыми дождями и грозами, температура +20°+30°С. Зимы холодные, снежные, с преобладанием пасмурной погоды, дневной температурой -8-12°С. В среднем за год выпадает около 450 мм осадков. Преобладающие ветра – южные и юго-западные летом и северные – зимой.

Для территории района характерен весь спектр почв, присущих республике в целом. 47,5% площади района занимают дерново-подзолистые, на севере района – сильно- и среднеподзоленные, на юге – слабо- и среднеподзолистые, серые лесные оподзоленные и дерново-карбонатные. В поймах широко представлены аллювиальные дерновые, перегнойно-глеевые и аллювиальные болотные почвы. В целом агроклиматические условия благоприятны для выращивания яровых, картофеля, овощей, плодово-ягодных деревьев и кустарников. В благоприятные годы на участках местных любителей-садоводов удаются даже такие не свойственные средним широтам культуры как арбузы, дыни, виноград.

Рельеф и почвенный фон обусловили растительный мир района, впрочем, сильно измененный антропогенным вмешательством. 60% территории занимают сельскохозяйственные угодья на месте прежних хвойно-широколиственных формаций. Леса занимают всего 8% территории. Это, в основном лиственные (липа, береза, вяз, рябина, черемуха), ель встречается небольшими ареалами у с.Колесниково и д.Юньга, в черновском и арзамасцевском лесах. Вдоль дорог и склонов мощных оврагов повсеместно встречается сосна, искусственные посадки которой призваны обеспечить задержание снега и предотвращение почвенной эрозии. Как исключение сохранились дубравы у д.Быргында, а также на левобережье Камы. В окрестностях сел Каракулино, Вятское, Чеганда встречаются заросли лещины обыкновенной, или орешника. Известны отдельно сохранившиеся заросли степной вишни (например, вблизи д.Зуевы Ключи). Из 149 редких и исчезающих видов растений Удмуртии 46 зарегистрированы в Каракулинском районе (ковыль перистый, сальвия плавающая, горец альпийский, алтей лекарственный).

Современный животный мир характеризуется представителями подзоны смешанных лесов – кабан, волк, белка, заяц, лось. Окрестности Усть-Бельска славятся колонией сурков-байбаков. Орнитофауна – утка, тетерев, куропатка, орлан-белохвост, перепелятник. Озера привлекают перелетных птиц – лебедей, журавлей, северных уток. В реках и пойменных озерах водятся норка, ондатра, бобр. Многообразен мир рыб – лещ, щука, судак, карась, стерлядь, линь, неслучайно рыбное хозяйство района делает ставку на специализированный промысел. В прошлом животный мир во многом определял хозяйственно-культурный тип населения Каракулинского Прикамья, формируя систему его

жизнеобеспечения. В настоящем – этот участок природного ландшафта южной Удмуртии испытывает мощное давление человека и выглядит очень незащищенным. И хотя в 2001 г. здесь был создан природный парк «Усть-Бельск», площадь его чрезвычайно мала – 1770 га. И эта мера, как показывает действительность, не в силах остановить продажу земельных участков, дачную застройку и неорганизованных туристов. Есть опасения, что очень скоро все эти факторы совершенно изменят живописность здешних мест, нарушив уникальную целостность природного и культурного комплекса.

Структура научно-справочного описания археологического объекта. Принцип расположения статей следующий: памятники археологии распределены по категориям (типам памятников), внутри которых отдельные памятники располагаются в алфавитном порядке. Каждый памятник археологии имеет свой порядковый номер, который соответствует его номеру на приводимой карте расположения памятников.

В пределах района описываемые археологические памятники группируются в следующем порядке: (I) открытые поселения, селища, стоянки; (II) городища; (III) могильники; (IV) отдельные находки, местонахождения и клады. При выделении типов памятников, что закреплено в их названиях, использована распространенная в археологической литературе терминология. Остатки кратковременных поселений каменного и бронзового веков названы *стоянками*. Многослойные поселенческие памятники именуются *поселениями*. Неукрепленные поселения раннего железного века и средневековья обозначены *селищами*, укрепленные – *городищами*. Встречаются объекты, имеющие двойную категориальную принадлежность (например, Чегандинское II городище (селище)). Сохранение двойной принадлежности вызвано закрепившейся в официальных документах статусностью объекта. *Остатки древних кладбищ* названы *могильниками*. Находки отдельных археологических предметов, связь которых с культурным слоем поселений или могильниками точно не документирована и не установлена, именуются *местонахождениями (местами находок)*. Обнаруженные комплексы древних вещей, включающие предметы из драгоценных металлов или монет, названы *кладами*.

Статья начинается с порядкового номера объекта. Нумерация сплошная. В ряде случаев, в сплошную нумерацию объектов были внесены изменения. Последнее вызвано путаницей, возникшей в ходе разведочных обследований 1980-90-х гг. Речь идет о группах археологических памятников в окрестностях населенных пунктов Первомайск, Нырғында, Зуевы Ключи. Номер в тексте соответствует номеру объекта на карте.

Далее полужирными буквами приведено его закреплённое официальное название, данное в соответствии с названием расположенного рядом (или ранее располагавшегося) населённого пункта. В скобках, при необходимости, указаны другие известные и вошедшие в научную литературу названия объекта. Если одноимённых и однотипных памятников несколько, после его официального названия римской цифрой указан его номер.

После названия объекта перечислены его принадлежность к определённом историческому периоду (относительная дата), принадлежность к конкретной археологической культуре и абсолютная дата, указанная в веках римскими цифрами. Если культурно-хронологическое определение памятника неизвестно или спорно, вместо них или рядом ставится знак вопроса – соответственно ? или (?).

Следом, через запятую, указана привязка объекта к населённому пункту (чаще всего отражённая в названии объекта) и ближайшему водному источнику. Написания названий всех населённых пунктов и рек уточнены по имеющимся справочникам. Описание водной системы доводится до р.Камы. Если сведения о населённом пункте и водном источнике не совсем точны и требуют проверки, это указывается рядом расположенным знаком вопроса в скобках.

Пример: Быргындинское IV поселение. А.к., Ч.к., М.тип, X-XI, XIII-XIV вв.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Принятые условные обозначения для культурной принадлежности памятников следующие:

- А.к. – ананьинская археологическая культура;
- Б.к. – быргындинская археологическая культура;
- В.к. – верхнеутчанская археологическая культура;
- Им.к. – именьковская археологическая культура;
- Луг.к. – луговская археологическая культура;
- М.тип – мазунинский тип чегандинской культуры;
- Макл. к. – маклашеевская археологическая культура;
- РЖВ – ранний железный век;
- Ч.к. – чегандинская археологическая культура

Далее идёт краткая характеристика археологического объекта, включающая описание его местонахождения относительно населённых пунктов и водных источников, ландшафтно-топографические особенности его расположения, линейные и площадные размеры объекта и его отдельных частей, сведения о степени изученности памятника, когда и кем исследовалось, краткие данные о мощности культурного слоя, о вскрытых объектах и обнаруженном вещевом материале. Данные о местоположении археологических памятников проверены и уточнены по современным топографическим картам (использован картографический материал ФГУП «Уралаэрогеодезия» масштаба 1:100000 (общегеографический атлас «Удмуртская Республика»).

Статья по каждому объекту заканчивается указанием на место хранения коллекций памятника, номерами этих коллекций и библиографическими сводками. В библиографию включена вся литература и архивные источники, в которых так или иначе отражены описания и характеристики объекта или его отдельного комплекса. Архивные материалы учтены пока не полностью: остались не изученными, например, архивы ГИМ, МАЭ, ГАКО, КОКМ. В библиографию также не вошли газетные статьи и заметки. В тексте и в научно-справочных статьях об объектах использованы сокращения, список которых приводится в конце книги.

Разделы I-III написаны Е.М.Черных, раздел IV – Р.Д.Голдиной. Первичный сбор информации о памятниках осуществлен В.К.Ткаченко и Т.К.Ютиной. Картографические материалы выполнены А.В.Богдановым, прорисовка археологических находок – художниками кафедры археологии и Института истории и культуры народов Приуралья Л.И.Липиной и Н.Ф.Шишкиной. Компьютерная обработка текстовых и иллюстративных материалов осуществлены В.Г.Базановой и И.Г.Соловьевой.

Издание карты Каракулинского района обобщает бесценный опыт многих ученых, преподавателей, студентов, краеведов, оставивших очень разный след на каракулинской земле, изучавших археологические памятники на протяжении по меньшей мере 150 лет.

Нам хотелось бы выразить благодарность всем местным краеведам, учителям, работникам культуры – нашим главным помощникам в деле охраны археологических богатств Прикамья. С особой признательностью хотелось бы упомянуть руководителей района С.А.Третьякова и С.Н.Русинова, работника аппарата А.В.Корепанова, народных депутатов В.А.Шайдурова и В.С.Буторина, рядовых жителей района У.К.Ижболдину, З.И.Белоусову, П.Н.Петухова и всех, кому небезразлична история края и его будущее.

В это издание, как и всегда, вложили свой труд многие сотрудники кафедры археологии, Института истории и культуры народов Приуралья, музея древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского госуниверситета. Мы признательны тем, кто помогал нам – художникам, редакторам, картографам.

II. Очерк истории археологических исследований в Каракулинском районе Удмуртской Республики

Каракулинский участок Камы занимает одну из ключевых позиций в системе региональных связей Западного Приуралья. Это обстоятельство, а также историко-культурное наследие территории обусловили давний и устойчивый интерес к нему со стороны ученых-археологов и краеведов. История археологических исследований в Прикамье и Приуралье многократно становилась предметом специального изучения. Достаточно назвать лишь специальные работы В.А.Семенова (1978 г.), М.Ф.Обыденнова (1994 г.) и Г.Т.Обыденновой (2002 г.), Т.И.Оконниковой (2002 г.), историографические обзоры, сопутствующие монографическим исследованиям по древней и средневековой истории Удмуртии (Голдина Р.Д., 1999; История Удмуртии..., 2007). В этом же ряду следует упомянуть публикации, посвященные итогам исследований отдельных экспедиций (Нижнекамской, Удмуртской, Камско-Вятской) или районов Удмуртии (Бадер О.Н., 1950; Генинг В.Ф., 1958; Голдина Р.Д., 1976; Ютина Т.К., 1984; Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985, 1987; Широбокова Н.Ф., 2002; Черных Е.М., 2008а), а также отдельным персоналиям (Останина Т.И., 2000а, с.30-51).

Самое раннее упоминание о памятниках археологии Каракулинского Прикамья, очевидно, следует отнести к 1764 г., когда столичный чиновник А.И.Свечин, ревизовавший Вятскую губернию, оставил довольно подробное описание крепости волостного села Каракулино: *«Бывший город что ныне село Каракулина. Не более 60 лет как дворцового ведомства из разных волостей крестьянами на сем месте селить начето. Но как башкирские бунты в 7187 (1679), в 708 (1708), в 736 (1736) годов происходили, то для болшей безопасности городовое укрепление сосновое рубленой изгибами четвероугольной, во окружении оного 400 сажен, со обыкновенными четырьмя башнями и двумя воротами сими же жителями зделано, в коем и воеводское правление было. На 40 лет тому назад как оной оставлен и почитается в числе сел, в которой и поныне от дворцовой канцеляри определяются одне управители. Хотя в 7162 (1654) году бунтовщика Алдара и в 736 (1736) году от Акайки на сие поселение 12 раз нападение и было, но по немалом от жителей супротивлении без всякого вреда избавились... Город и внем церковь деревянная, так же управителскои дом на горе и около его несколько обывателского поселения, которое простирается по полу горе вниз к Каме, где две деревянные немалои изрядные церкви, так же и окроме сего еще в двух местах под горою же изрядные обывательские дома находятся. В коем жители 834 души, дворов 300, промысел имеют рыбные ловли и наивываются под извозы, так же и много бывает, что жители великои ущерб в хлебе от оных почитают. Земля черная, к хлебогодю посредвенная, не употребляющее навозу, для содержания скота и птиц, а особливо и лошадей удобная. Место виду хорошого и веселаго. Через Каму перевоз на поромах»* (Цит. по: Перевозииков, Отчет 2006 г., с.5-6).

Эпизодический интерес к памятникам археологии Прикамья обнаруживается во второй трети XIX в., когда на страницах губернской печати (Вятские губернские ведомости) нет-нет да появляются заметки о древностях, составленные любителями-одиночками. С созданием в 1835 г. Вятского губернского статистического комитета эта информация с мест постепенно начинает принимать системный характер. Историографами края подчеркивается особая роль, которую играли в Вятской губернии общественные и государственные организации. Именно в статистических материалах, собранных местными врачами, учителями, священниками, сохранились упоминания об отдельных находках,кладах уникальных предметов, большей частью впоследствии утерянных (Материалы по статистике..., 1892). Часть этой информации в XX в. попытались систематизировать и издать в виде материалов к карте

сотрудники Общества изучения Прикамского края Д.В.Шабердин (1928) и Ф.В.Стрельцов (1926). Но и эта попытка осталась в значительной мере незавершенной.

Научный характер исследования памятников археологии в Прикамье обретают во второй половине XIX в. Громадную роль в этом процессе сыграло Общество археологии, истории и этнографии, созданное при Казанском Императорском университете в 1878 г. Оно объединяло в своих рядах ученых, преподавателей университета, представителей местной интеллигенции, купцов, дворян, увлекавшихся собирательством и коллекционированием древних вещей. Благодаря широкой научной и просветительской деятельности Общества в 70-80-е гг. в Прикамье были проведены исследования целого ряда городищ и могильников, а также дискуссии относительно их культурной и этнической принадлежности. Тогда же археологические изыскания впервые были осуществлены в пределах Сарапульского уезда Вятской губернии, включавшего территорию нынешнего Каракулинского района УР. В 1887-88 гг. преподаватель Вятской гимназии А.А.Спицын – впоследствии профессор Санкт-Петербургского университета – совершил масштабную поездку по Вятской губернии. Заручившись поддержкой губернатора А.Н.Волкова, а также Московского археологического общества и Вятского губернского статистического комитета, выдающийся ученый осуществил первое на Урале крупное обследование памятников археологии. На отрезке Камы от Воткинского завода до Елабуги он собрал информацию о многочисленных городищах, на некоторых произвел раскопки. Итоги этой поездки по Каме и Вятке были подведены им в большой работе 1893 г., изданной в Санкт-Петербурге под заголовком «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии». В этом фундаментальном издании была систематизирована информация об известных на тот момент древних памятниках, выделены их группы по совокупности внешних признаков (топография, фортификация, инвентарь), предложена датировка и этнокультурная атрибуция, в том числе приведены сведения о 13 городищах (с.116-121) по каракулинскому течению р.Камы. В ходе этой поездки А.А.Спицын впервые близко познакомился с каракулинской землей. В 1898 г., уже будучи сотрудником Императорской Археологической Комиссии, он вновь посетил эту область Прикамья, где провел успешные раскопки двух могильников пьяноборского времени в д.Ныргында и ананьинского – в Зуевском починке (совр. д.Зуевы Ключи). Зуевский могильник дал выразительную коллекцию оружия и украшений середины I тыс. до н.э., поступивших на хранение в Археологическую комиссию в Санкт-Петербурге (ныне Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа). До настоящего времени он остается единственным такого рода некрополем на территории Удмуртии, но место, где находится могильник, активно разрушается дачной застройкой д.Зуевы Ключи. Ни о каком сохранении и дополнительном изучении этого интереснейшего объекта говорить в нынешних условиях не приходится.

Еще один ананьинский могильник в пределах района был исследован профессором Казанского университета И.Н.Смирновым, более известным своими этнографическими трудами. В ходе нескольких поездок с научными целями (т.н. «экскурсий») по поволжским губерниям И.Н.Смирнов, заручившись поддержкой ИАК, провел «пробные» раскопки и на Каме, в частности, в Сарапульском уезде. В 1892 г. он посетил с.Каракулино и лежавшее выше по Каме с.Вятское, где обследовал место находки медных и бронзовых вещей. В ходе осмотра ему удалось обнаружить остатки четырех, почти обрушившихся в Каму, погребений. Лишь одно из них сопровождалось бронзовыми вещами (копье, пряжка, кельт и сосуд в изголовье костяка), аналогичными найденным в Ананьинском могильнике, из чего И.Н.Смирнов сделал вывод, что новый Каракулинский (как его назвал сам автор исследований) могильник одновременен ему и может быть отнесен к эпохе бронзы (Смирнов И.Н., 1895, с.264-265). Последующим исследователям найти могильник долго не удавалось. Дело

в том, что в начале 50-х гг. XX в., когда в Прикамье начала работать Удмуртская археологическая экспедиция под руководством В.Ф.Генинга, перед одним из ее разведочных отрядов была поставлена задача обследовать состояние уже известных памятников. Молодая сотрудница экспедиции Г.И.Матвеева при обследовании Каракулинского могильника воспользовалась помощью крестьян с.Вятского. Один из них показал разведчикам якобы то место, где его прадед находил древние вещи. Археологи осмотрели указанный мысок, заложили на нем разведочные шурфы, но погребений не нашли. Тем не менее, ими был снят топографический план обследованного места. За ним и закрепилось название Каракулинского («Вятский Клесть») могильника, а также убеждение, что могильник был исчерпан раскопками И.Н.Смирнова. Теперь уже остается только догадываться, почему археологов не смущал тот очевидный факт, что указанное местоположение могильника удалено от Камы. Ведь в публикации И.Н.Смирнова ясно указывалось, что изученные им погребения находились на краю первой террасы Камы, разрушаемой половодьем (кости он собирал на бичевнике). Лишь в 1983 г. сотрудник Сарапульского музея Н.Л.Решетников при разведочном обследовании берега у д.Партизан (совр. пос.Первомайск), на окраине которой и находился Каракулинский могильник, вновь наткнулся на остатки погребения, как раз на мысу первой надпоймы Камы. Как и в описании И.Н.Смирнова, погребение находилось в культурном слое более раннего поселения, насыщенного находками костей животных и керамики раннеананьинского времени. В современной археологической номенклатуре оно получило название Партизанского VI поселения.

Но вернемся к работам профессора И.Н.Смирнова. В 1894 г. он вновь посетил Сарапульский уезд. На сей раз ученый пользовался материалами подворной переписи, проведенной Статистическим комитетом в 1892-93 гг. В них, в частности, содержалась информация о «чуждских ямах» вблизи д.Калмаши и с.Мазунино. Здесь и начиналась очередная «экскурсия» И.Н.Смирнова (Иванов А.Г., 2007, с.39). В Калмашах ученый приобрел костяную острогу, а в Мазунино – медный кельт. Там же ему удалось найти череп и обломок железного предмета. Лишь в 1954-56 гг. в Мазунино были проведены раскопки, в ходе которых открыто 69 погребений (Генинг В.Ф., Мырзина Е.М., 1967, с.85). Этот могильник дал название выделенной В.Ф.Генингом археологической культуре Прикамья III-V вв. – мазунинская.

Одновременно с И.Н.Смирновым и А.А.Спицыным прикамские древности попали в сферу интересов Ф.Д.Нефедова, русского писателя, активнейшего члена Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ. В 80-90-е гг. XIX в. он совершил несколько научных экспедиций в Прикамье, провел раскопки Ананьинского и Котловского могильников в Елабужском уезде, а в 1894 г., после раскопок Пьяноборского («Рёлка») могильника, осмотрел городище недалеко от д.Ильнеш. С пашни им были собраны как керамика и вещи ананьинского облика, так и предметы более позднего времени. Среди них особый интерес представляют бронзовая подвеска-конек, железный меч и булава (Нефедов Ф.Д., 1899, с.52). Все последующие поиски указанного городища учеными результатов не дали. По всей видимости, как полагал В.Ф.Генинг, в данном случае речь должна идти о Ныргындинском I городище. Путаница в названиях могла быть вызвана тем, что Ф.Д.Нефедов добирался с запада, со стороны с.Пьяный Бор и д.Ильнеш, тогда как А.А.Спицын – со стороны д.Ныргында.

Деятельность в крае общественных организаций и усилия отдельных ученых способствовали распространению интереса к прошлому в широких массах. Реакцией на этот интерес можно считать появление в начале XX в. первого научно-краеведческого общества и земского музея в уездном Сарапуле. Археологическое изучение древних памятников в пределах уезда проводил в 1909-1913 гг. молодой сотрудник музея, получивший специальную археологическую подготовку в Петербурге Л.А.Беркутов. Имея для этого весьма скудные

средства (Мельникова О.М., 2004б, с.145-149), он, тем не менее, сумел осмотреть значительное количество археологических памятников в Сарапульском уезде, снять их планы, собрать выразительные коллекции, а на некоторых организовать стационарные раскопки. В Каракулинском Прикамье им были обследованы Юньгинские, Колесниковское, Каракулинское IV («Крепость»), Ныргындинские, Чегандинские, Зуевключевское и Вятское (Верхнемошкарское) городища. Открыты Быргындинское II (Каменный Лог) и «Подкаменное»^{*} городища (Беркутов Л.А., 1914). Одновременно с Л.А.Беркутовым большую работу по археологическому просвещению в Прикамье проводил один из основателей Общества изучения Прикамского края Ф.В.Стрельцов. Не являясь по роду своей деятельности профессиональным археологом, он чаще выступал в роли «эксперта» древностей, а также организатора «экскурсий» (так называл свои археологические поездки еще И.Н.Смирнов) на древние памятники Удмуртии. Подобная поездка была осуществлена им на Чертово городище в устье р.Белой (Бельский Шихан, Саузовское) с целью осмотра места обнаружения человеческих захоронений, раскопанных местным краеведом-любителем инженером А.Е.Марковым (Стрельцов Ф.В., 1914, с.97-98).

Деятельность Общества была настолько активной и многогранной, что известный финский ученый – авторитетный специалист по эпохе бронзы и раннего железного века Европы и России А.М.Тальгрэн, неоднократно бывавший в России и Прикамье, нашел возможность посетить в 1909 г. и уездный Сарапул, и его музей. Результатом этого посещения явилась статья, написанная А.М.Тальгреном для «Известий Сарапульского земского музея», – образец тщательного источниковедческого анализа двух железных мечей в экспозиции музея, найденных на Чегандинском и Якимковском городищах (Тальгрэн А.М., 1917, с.20-24).

Революционные потрясения первых десятилетий XX в. не прервали деятельности научных обществ в Прикамье, более того, можно говорить о дальнейшей активизации ответственности в деле изучения истории и культуры родного края. В 1925 г. краеведческое пространство Удмуртии пополнило научное общество по изучению Вотского края (НОИВК), проделавшее за короткое время огромную работу по сбору археологических материалов. Но полевые исследования, инициированные НОИВК, напрямую Каракулинского Прикамья не касались (Куликов К.И., 1991, с.4-13).

Новые археологические источники способствовали созданию первых реконструкций археологического прошлого удмуртского народа. Основные концептуальные положения были сформулированы в трудах М.Г.Худякова (1917; 1920; 1923), А.В.Шмидта (1934), А.П.Смирнова (1938; 1952), Н.А.Прокошева (1949), А.В.Збруевой (1952). Значительное место в этих работах отводилось проблематике ананьинской и пьяноборской эпох, а центральную роль в их освещении играли археологические материалы, полученные, в том числе с территории Каракулинского района. И все же их было явно недостаточно. Увидевшие свет в начале 50-х гг. археологические карты О.Н.Бадера (1950) и И.А.Талицкой (1952) наглядно демонстрировали неполноту данных по Удмуртии. Но со всей очевидностью недостатки изучения как отдельных районов, так и целых исторических эпох Удмуртии обнажились при подготовке учеными края первых очерков по истории УАССР.

В 1954 г. на базе республиканского краеведческого музея и научно-исследовательского института (УдНИИ) была создана Удмуртская археологическая экспедиция во главе с В.Ф.Генингом. Перед экспедицией была поставлена цель – исследование этногенеза и ранней истории удмуртского народа (Генинг В.Ф., 1954, с.62; Мельникова О.М., 2004а, с.20). В работах экспедиции принимали участие антропологическая экспедиция МГУ под руководством М.С.Акимовой и Кировский краеведческий музей. Основные силы экспедиции в 1954-56 гг. были сосредоточены в южных районах Удмуртии и, прежде всего, в Каракулинском.

^{*} До сих пор остается неясным, какое из городищ имел в виду Л.А.Беркутов под данным названием.

Стационарные работы повсюду сопровождались разведочными (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961, с.76). За три года напряженной работы сотрудниками экспедиции было обследовано более 100 памятников, из них 40 открыты вновь (Генинг В.Ф., Итоги трехлетних..., с.10-11). Раскопками охвачены 18 памятников в прикамских районах Удмуртии, среди них в Каракулинском районе – 6 (городище Чеганда I и могильник Чеганда II, Ныргындинские I, II могильники, Быргындинский I могильник, Барановское селище). Наряду с памятниками соседних Сарапульского района УР и Красноборского района РТ, они послужили основой для создания новой схемы археологических культур Прикамья раннего железного века. Уже в 1958 г. увидела свет первая археологическая карта Удмуртии, составленная В.Ф.Генингом, а в 1959 г. его же «Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа». Новые локальные и этнические культуры, выделенные на археологических материалах Камы и Вятки, получили в них свои первые контуры.

Следующие 10 с лишним лет археологических исследований в районе не проводилось. И только в 1968 г. он вновь оказался в центре внимания археологов. Археологические памятники Каракулинского Прикамья, особенно те, что находились непосредственно на берегу Камы, попадали в зону затопления строящегося Нижнекамского водохранилища. В 1968-1972 гг. Институт археологии АН СССР организовал в Нижнем Прикамье большие спасательные работы. Руководителем специально созданной с этой целью экспедиции был назначен О.Н.Бадер. Угроза уничтожения большого числа памятников потребовала мобилизации усилий всех заинтересованных в их изучении специалистов из разных научных центров – Казани, Уфы, Свердловска, Москвы.

Значительные работы были проведены на целом ряде городищ и могильников Каракулинского района Уральской археологической экспедицией (г.Свердловск). Общее руководство экспедицией осуществлял хорошо знакомый с районом работ В.Ф.Генинг, а отдельными отрядами руководили молодые сотрудники Уральского университета, Удмуртского краеведческого музея и пединститута Р.Д.Голдина, В.Е.Стоянов, А.В.Прокопов, Л.И.Ашихмина, Г.В.Бельтикова, Т.И.Останина. Раскопки развернулись на Ныргындинских I и III, Быргындинском II (Каменный Лог) городищах, Быргындинских I и V поселениях, но наиболее крупные исследования проведены на Зуевключевском I городище (Генинг В.Ф., 2003, с.164) и Ныргындинских I (294 захоронения; раскопки Р.Д.Голдиной) и II (198 погребений; раскопки В.Ф.Генинга, В.В.Одинцова) могильниках. Полученные в ходе этих работ материалы нашли частичное освещение в научной литературе. Выборочно опубликованы результаты исследований на ананьинско-пьяноборских поселениях (Генинг В.Ф., 1970, 1971; Ашихмина Л.И., 1977, 1985; Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986; Голдина Р.Д., 1976, 1999), поселениях и могильнике эпохи бронзы (Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1977, 1984; Генинг В.Ф., 1975); более полно опубликованы результаты изучения городища Чеганда I и могильника Чеганда II, давшие название культурному образованию прикамских племен II в. до н.э. – II в. н.э. Введены в оборот и материалы небольших раскопок на памятниках II тыс. н.э. – Быргындинском II могильнике и Зуевключевском II городище (Голдина Р.Д., 1976). К сожалению, остались не изданы результаты исследования ранних фортификаций, предпринятого на ряде камских (каракулинских) городищ В.Е.Стояновым.

Работы Удмуртской, а затем Нижнекамской археологических экспедиций, следует признать весьма результативными. Несомненно, они способствовали заполнению «белых пятен» на карте южных районов Удмуртии. Особенно впечатляющими были раскопки ананьинско-пьяноборских памятников. При изучении ананьинских поселений получены колоссальные коллекции керамических материалов из стратифицированных слоев, позволившие выделить хронологические комплексы и дать обоснованную схему эволюции керамических традиций у населения Среднего Прикамья (Ашихмина Л.И., 1977, 1985а). Анализ систем

расселения, динамики численности обитателей памятников Средней Камы и Нижней Белой привел В.Ф.Генинга к выводу о процессе консолидации позднеананьинских популяций и их концентрации в сравнительно небольшом районе Камско-Бельско-Икского междуречья. За этими процессами ученый усматривал значительные социальные изменения, приведшие к формированию постоянных союзов племен, в частности, чегандинского – важного звена в начальном этногенезе удмуртов (Генинг В.Ф., 1967, с.272; 1970, с.195-209; 1988, с.201-221).

После 1973 г., когда научно-исследовательское пространство Удмуртии оказалось пополненным еще одним коллективом – Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета, – ее сотрудники под руководством Р.Д.Голдиной продолжили изучение памятников в пределах южных районов Удмуртии, в том числе и в Каракулинском Прикамье. Этот район все последующие годы оставался в ряду приоритетных в сфере деятельности экспедиции и являлся своеобразным творческим полигоном. В 1975 г. КВАЭ совместно с Коми филиалом АН СССР были продолжены раскопки Зуевключевского I городища и Ныргындинского I могильника. В этих работах принимали активное участие и учащиеся Ныргындинской средней школы (Голдина Р.Д., 1977, 1996). Во второй половине 70-х гг., в связи с проводившейся паспортизацией памятников археологии УР, в районе вновь были организованы как «точечные» разведочные маршруты, так и сплошное обследование некоторых наиболее перспективных микрорайонов. Так, Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1977 г. был обследован Ныргындинско-Зуевключевской «куст», в 1978 г. – быргындинско-чегандинский, в 1979 г. – вновь быргындинский, а также каракулинско-вятский (Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985). В ходе этих работ осмотрены уже известные памятники, уточнены их топографические планы, степень сохранности, произведена фотофиксация. Были открыты и новые памятники. Сотрудничество с Удмуртским отделением ВООПИК (руководитель З.Я.Боткина) и Сарапульским краеведческим музеем (директор В.А.Шадрин) способствовало организации в эти годы охранных археологических раскопок на двух поселениях раннего железного века – Быргындинском IV и Устьбельском I («Плоское место»). Особенно значительные работы были проведены Г.Н.Клюевой на Быргындинском IV поселении, где вскрыто около 2000 кв.м. культурного слоя, изучены жилые и хозяйственные сооружения чегандинской культуры рубежа новой эры, получено более 8000 находок из глины, камня, кости и металла (Клюева Г.Н., 1984, с.20-35). Столь большие работы оказались возможны только благодаря финансовой поддержке хозяйствующих организаций, ответственных за подготовку зоны Нижнекамского водохранилища (Отдел при Совете Министров УАССР). До настоящего времени Быргындинское IV поселение остается самым крупным среди поселений открытого типа памятником чегандинской культуры, изученным в таких объемах. Практически одновременно Г.Н.Клюева завершила раскопки на Ныргындинском I могильнике, исследования на котором были начаты еще в 1898 г. А.А.Спицыным. Всего в ходе исследования этого чегандинского некрополя изучено 323 захоронения.

Отход Г.Н.Клюевой от активной полевой работы, «замораживание» на некоторое время проектных работ в зоне Нижнекамского водохранилища и общее смещение вектора научно-исследовательских работ экспедиции на Вятку и в Сылвенский бассейн обусловили достаточно длительный перерыв археологических исследований в районе. Но он всегда оставался в поле зрения археологов, и не только по причине богатства его культурного наследия. За время работ в районе у ученых здесь сформировался свой «незримый колледж» среди местных краеведов, учителей, представителей администрации и рядовых сельских жителей, понимающих значимость археологии. Именно благодаря одному из них, учителю Галановской средней школы П.Н.Петухову, в руки археологов попала уникальная находка – бронзовая секира VI-V вв. до н.э. с изображением хищного зверя и птицы (Киржнер Е.Э., Арматынская О.В., 1990, с.256-259; Голдина Р.Д., 1995а, с.35-36). Разведочные

обследования, проведенные в окрестностях с.Галаново в 1987 г. О.В.Арматынской, привели к открытию трех новых памятников.

Параллельно оперативные наблюдения за разрушительными процессами в зоне подтопления Нижнекамского водохранилища проводились научным сотрудником Сарапульского музея истории и культуры Среднего Прикамья Н.Л.Решетниковым. Периодический мониторинг береговой зоны привел к открытию и изучению в 80-90-х гг. Зуевключевского II поселения эпохи бронзы, сегодня уже смытого водохранилищем. Аналогичные спасательные работы были проведены на Партизанских II, IV-VI поселениях и могильнике, ситуация с разрушением которых на сегодняшний день выглядит крайне безотрадной.

Некоторые надежды на исправление катастрофического положения с археологическим наследием в зоне Нижнекамского водохранилища возлагались в середине 90-х гг. на принятую российским правительством программу «Сохранение культурного наследия народов Российской Федерации». В рамках этой программы удалось организовать первые после 1954 г. масштабные археологические работы в Каракулинском районе, предусматривавшие разведочное обследование уже известных памятников, поиск новых и спасательные раскопки на Барановском III поселении, Зуевключевских II поселении, I могильнике (Зуевском) и III стоянке, Партизанских II и IV поселениях (Волков С.Р., Макаров Л.Д. и др., 1994, с.30-32; Лещинская Н.А., Волков С.Р. и др., 1997, с.258-259; Перевошиков С.Е., Широкова Н.Ф., 1996; Перевошиков С.Е. и др., 1997; Решетников Н.Л., 1996). Разведочными работами были охвачены почти все известные на то время памятники, были вновь сняты топографические планы, выполнены фотосъемка, сборы подъемного материала, зачистка обнажений. На некоторых участках предпринята методика сплошного обследования территорий. В результате удалось обследовать 68 уже известных памятников и открыть 21 новый. Таким образом, к исходу XX в. археологическая карта района оказалась представлена почти полутора сотней памятников.

Опасения за состояние первоклассных памятников прошлого требовали неотложных работ на многих из них, но социально-экономическая ситуация 90-х гг. существенно ограничивала возможности вузовской науки. Тем не менее, Р.Д.Голдиной было принято решение возобновить раскопки на памятниках у д.Зуевы Ключи и, прежде всего, на Зуевключевском I городище. Уже в первый год – 1997-й – работы были проведены за счет учебной археологической практики, но характер памятника, его значение для археологии Прикамья, диктовали необходимость иной организации исследований. Принципиально новый подход оказался возможен благодаря грантовой поддержке науки и содружеству археологов университета с учеными-естественниками. При финансовой поддержке РГНФ и Федеральной целевой программы «Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997-2000 годы» на городище был реализован многолетний проект комплексного изучения культурного слоя. В проекте принимали участие специалисты из Физико-технического института УрО РАН (И.В.Журбин, В.П.Зверев), географического (А.В.Сергеев) и биолого-химического (А.В.Туганаев, В.И. и О.А.Капитоновы) факультетов УдГУ, Института экологии растений и животных УрО РАН (П.А.Косинцев), Национального музея РТ (О.Г.Богаткина). Цель проекта заключалась в совершенствовании практики полевых исследований, поиске эффективного комплекса естественно-научных методов исследования культурного слоя на городище, являющемся сложностратифицированным памятником. Приоритетным в данном проекте был опыт электрометрического зондирования культурного слоя, осуществлявшийся с помощью аппаратно-программных средств (Журбин И.В., 2004; Черных Е.М., Журбин И.В., 1999а; 1999б; Черных Е.М., Журбин И.В. и др., 2002). В ходе реализации проекта были получены карты послойных измерений, учитывавшие стратиграфические и планиграфические особенности Зуевключевского I городища.

Эти наблюдения были дополнены изучением механических и химических свойств культурного слоя городища, особенностей археозоологических и других остатков. Результаты исследований опубликованы в местных, региональных и российских изданиях, озвучены на конференциях различного уровня (Черных Е.М., 2004; 2009). Одновременно с изучением городища осуществлялось сплошное обследование окрестностей памятника. В итоге выделен археологический микрорайон, включающий 3 городища, 3 могильника, 3 стоянки бронзового века, 11 разновременных поселений (Карпушкина О.А., Черных Е.М., 2007). Раскопки проведены на всех городищах и могильниках, трех поселениях, включающих остатки бронзового и раннего железного веков. Благодаря усилиям ученых Зуевключевское I городище является на сегодня одним из наиболее полно изученных памятников раннего железного века Западного Приуралья и может рассматриваться в качестве эталонного (Кузьминых С.В., Чижевский А.А., 2009, с.4).

Памятники археологии в окрестностях д.Зуевы Ключи, став достоянием науки в конце XIX в. благодаря деятельности А.А.Спицына, в настоящее время испытывают массивное давление со стороны общества. С одной стороны им угрожают планы по подъему воды в Нижнекамском водохранилище. Береговая эрозия и подтопление уже разрушили десятки памятников, буквально на глазах в течение 6 лет (1990-1995 гг.) смыто Зуевключевское II поселение. Другая опасность исходит от безудержной приватизации земли. Привлекательные берега Камы в пределах Каракулинского района без согласования с органами охраны памятников переходят в частные руки, и археологи из года в год вынуждены с горечью констатировать утрату все новых и новых объектов историко-культурного наследия народов Удмуртской Республики.

На крупнейшем в Прикамье и единственном в Удмуртии ананьинском некрополе – Зуевключевском I (Зуевском) могильнике, несмотря на протест общественности, строятся дачи «нуворишей». Спасти этот замечательный уголок нашего прошлого (да и настоящего тоже!) может только перевод территории в категорию земель историко-культурного назначения и организация на них музея-заповедника, о чем уже 15 лет говорят ученые республики (Голдина Р.Д., 1995б; Черных Е.М., Русинова А.А., 2009).

В конце 90-х гг. археологами университета были проведены спасательные работы на Нырғындынском II городище. Этот памятник, после раскопок В.Ф.Генинга в 1954 г., пытались спасти местные власти. Их усилиями на городище были высажены лиственницы, но эти меры лишь приостановили овражную эрозию. Сопоставление внешних характеристик укрепленного мыса в 1954 г. и 1998 г. убедительно демонстрирует сокращение площадки памятника почти вдвое. Раскопками 1998 г. предпринята попытка получить весь продольный стратиграфический срез городищенского мыса, для чего по всей линии разрушения выполнена зачистка. Уточнена дата строительства внешнего вала, изучены, кроме ананьинско-пьяноборских, интересные хозяйственные объекты мазунинской, бахмутинской и именьковской АК (Голдина Р.Д., Волков С.Р. и др., 2000, с.225-226). В этом же году экспедицией Национального музея УР проведены новые раскопки на городище Чеганда I (Останина Т.И., 2000б).

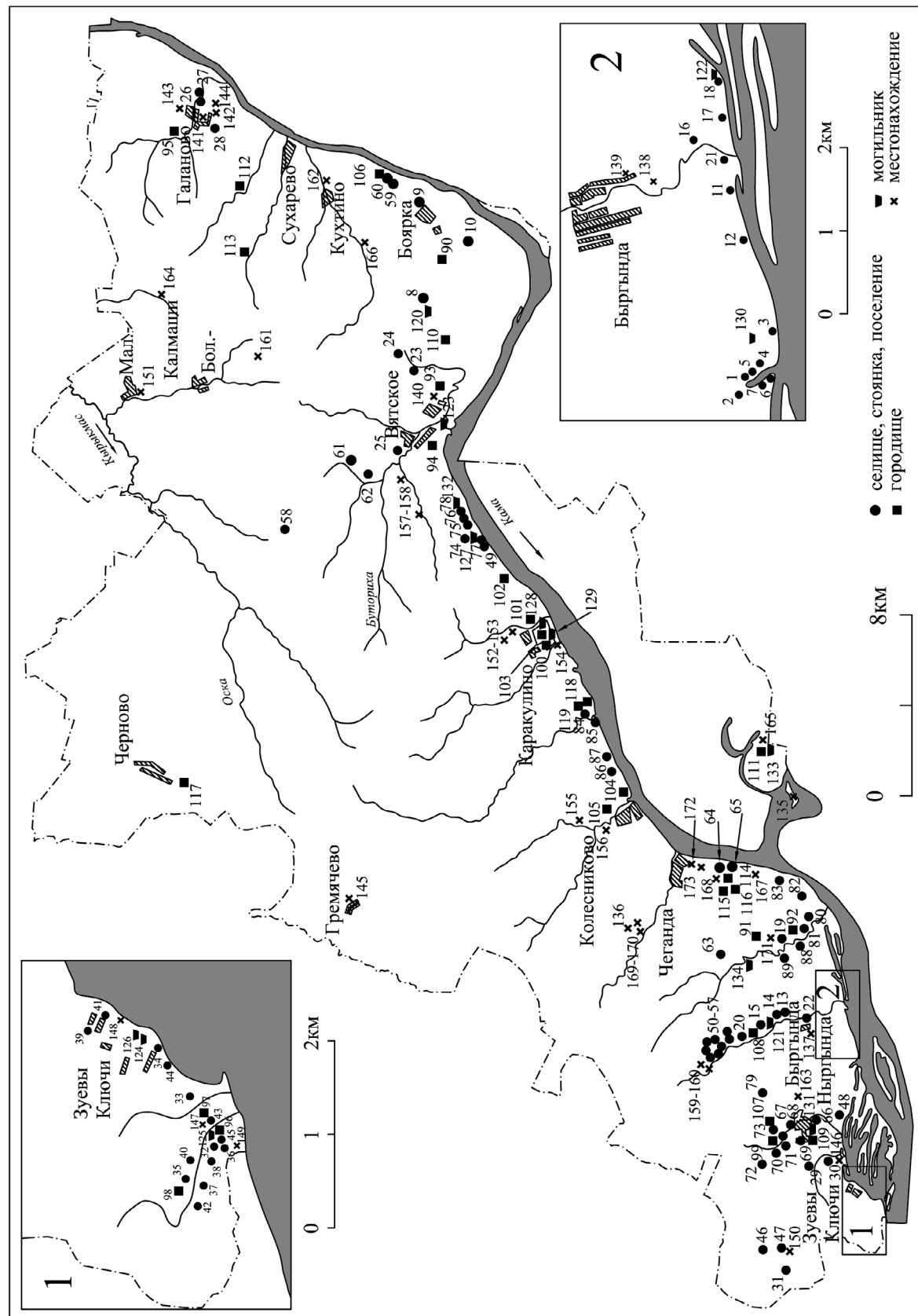
В 2002 г. в пределах Каракулинского Прикамья открыт новый археологический микрорайон – вблизи д.Боярка (Черных Е.М., Лаптева Т.А. и др., 2003, с.305-306). Начало его изучения связано с грабительскими раскопками неизвестного ученым могильника IV-V вв. Спасательные работы на Боярском («Арай») могильнике проводились ежегодно в течение 7 лет за счет бюджетных средств Удмуртского университета. Скудные финансовые возможности ограничивали объемы раскопок и позволяли вывозить на объект лишь небольшие группы практикантов и научного персонала. Тем не менее, за все время работы на некрополе было изучено 180 погребений. Параллельно велись разведочные работы в окрестностях

могильника, принесшие открытие городища рубежа эр и трех поселений. Результаты исследований могильника ждут своей публикации, а сам микрорайон – дополнительных, более тщательных изысканий.

В течение 10 последних лет работы археологов на территории района носят почти исключительно характер охранных. Помимо выполнения экспертных работ по ряду проектов хозяйственного строительства (дороги, газопровод, пункты нефтедобычи), археологами предпринимались попытки проведения охранно-спасательных раскопок на территории самого районного центра. Большие надежды ученые возлагали на возможность изучения культурного слоя в границах Каракулинского IV городища, «Крепости», – одного из первых пунктов русского освоения Прикамья. Дело это оказалось достаточно сложным. От стен деревянного острога, его башен и ворот не сохранилось никаких внешних следов. Село Каракулино неоднократно перестраивалось, земляные укрепления острога, выстроенного в конце XVI в., были сnivelированы последующей хозяйственной деятельностью, хотя для специалистов они очевидны еще и сегодня по едва приметным особенностям ландшафта. В таких условиях надежда на то, что земля позволит нам приоткрыть тайну каракулинской крепости XVII-XVIII вв. (той, о которой говорилось в цитированном выше (на с.9) фрагменте описания) мала, но она еще есть. Здесь очень важно, чтобы это осознавалось самими жителями села. Все находки, обнаруживаемые при земляных работах, необходимо хранить и передавать ученым. Такой ситуации, как в 2006 г. при строительстве храма Св. Пантелеимона, когда найденные человеческие захоронения остались не задокументированы, а археологам пришлось довольствоваться очень невнятными рассказами очевидцев, не должно повториться. В настоящее время, благодаря деятельному участию Администрации района, институтом «Удмуртгражданпроект» разработана документация по выделению охранных зон культурного слоя исторического поселения. Хотелось бы верить, что эта работа будет принята как руководство к действию и перспектива для новых открытий в историческом прошлом Каракулинского Прикамья.

III. Археологические памятники Каракулинского района

Древние поселения (стоянки, селища)

Карта археологических памятников на территории Каракулинского района Удмуртской Республики

1. Барановское I селище. Ч.к., 2-я пол. I тыс. н.э.; д.Ныргында, правый берег р.Камы.

Расположено в 2,2 км к ВЮВ от д.Ныргында и в 3 км к ЗЮЗ от д.Быргында, в 0,7 км к ЗСЗ от бывшей Барановской (Ижболдино) пристани, на двухметровой надпойменной террасе, сильно разрушенной выемками грунта для строительства запруды и трассы мелиоративного канала. Ранее распахивалась, в настоящее время задернована. Частично занята лесопитомником. Открыто в 1954 г. М.А.Бухтеевой, тогда же раскопано В.Ф.Генингом. Культурный слой в среднем достигает 0,5 м, представляет собой серо-коричневый суглинок, сильно насыщенный золой, находками лепной керамики и костей животных. Раскопом площадью 64 кв.м исследована, по всей видимости, часть слабоуглубленного жилища прямоугольной формы, длиной около 12,0 м, а также одно, более позднее, захоронение человека в вертикальном положении. Материальная культура селища представлена лепной округлодонной и плоскодонной посудой, с примесью раковины, шамота, мелкого песка в тесте, орнаментированной ямочными вдавлениями округлой, ромбической и треугольной формы, резе шнуром и косо поставленным гребенчатым штампом. Найдены также немногочисленные изделия из кости, камня (зернотерки, пест, отбойник, брусок), глины (т.н. «лепешки»). Повторно осматривалось в 1978 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. – Р.Д.Голдиной, в 2001 г. – Е.В.Лукшиным.

Колл. НМУР, №11.

Колл. УдГУ, №876.

Бухтеева, Отчет 1954 г., с.62; Генинг, Отчет 1954 г., с.182-188; его же, 1955, с.64; его же, 1957, с.162; его же, 1958, №235; его же, 1971, с.93-95; Клюева, Отчет 1978 г., с.9; Памятники истории и культуры, 1979, с.85, №104; Памятники истории и культуры, 1990, с.82, №844; Голдина, Отчет 1995 г., с.16-17; Лукшин, Отчет 2001 г., с.9-10; Останина, 2004, с.15.

2. Барановское II селище. А.к.; д.Ныргында, правый берег р.Камы.

Находится к СЗ от Барановского I селища, на западном берегу пруда, на распахиваемой террасе высотой 2 м, в 0,63 км к СЗ от устья небольшого залива р.Камы, в 0,9 км к СЗ от бывшей Барановской (Ижболдино) пристани, в 2 км к ВЮВ от д.Ныргында. Открыто В.Ф.Генингом в 1954 г., установившим распространение находок на 200-300 м вдоль речного русла. Собраны мелкие фрагменты лепной керамики, обломок тигля и два грубых каменных орудия. В 1978 г. повторно осмотрено Г.Н.Клюевой (Журавлевой). В 1995 г. на селище был заложен шурф, давший характеристику культурного слоя в виде гумусированного суглинка мощностью до 10 см. Установлена площадь распространения культурного слоя – 7700 кв.м. Керамика селища – лепная, коричневого цвета, с примесью в глине раковины, принадлежит чашевидным сосудам с вертикальным горлом и «воротником», украшенным оттисками шнура.

Колл. НМУР, №50.

Колл. УдГУ, №877.

Генинг, Отчет 1954 г., с.183-184; его же, 1956а, с.58; его же, 1958, №236; Клюева, Отчет 1978 г., с.9-10; Памятники истории и культуры, 1979, с.85, №105; Памятники истории и культуры, 1990, с.82, №845; Голдина, Отчет 1995 г., с.17-18; Лукшин, Отчет 2001 г., с.10; Останина, 2004, с.15-16.

3. Барановское III поселение. А.к., Ч.к., Новое время; дд.Ныргында, Быргында, правый берег р.Камы.

Находится в 1,8 км к ЮЗ от д.Быргында, в 0,3 км выше по течению р.Камы от бывшей пристани, на территории бывшего пункта «Заготзерно», на дюнном всхолмлении, размерами

400x100-250 м, правого берега Камы, высотой 4-5 м. Прибрежная часть поселения сильно нарушена фундаментами построек, в настоящее время продолжает разрушаться карьерами по добыче песка и береговой абразией. Открыто в 1969 г. разведкой А.В.Прокопова, повторно осматривалось в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой). В 1995 г. обследовано в рамках Всероссийской программы по инвентаризации объектов ИКН. В ходе обследования на разрушаемой поверхности были выявлены 5 крупных скопления разновременного материала: лепной керамики, украшенной ямками и шнуром, сколов и отщепов из беловатого доломита и серого кремня. В одном из обнажений собраны человеческие кости (череп, позвонки, ребра).

Выполненные зачистки, шурфовка, а также рекогносцировочные раскопки (ок. 18 кв.м) показали двухслойный характер памятника, а также его сильную разрушенность. По этой причине в 1996 г. на поселении были осуществлены охранные спасательные работы под руководством Н.А.Лецинской. Раскопки были приурочены к кромке берега, краю карьера для выемки грунта в северной части поселения и северо-западной (непотревоженной) периферии памятника. Общая вскрытая площадь составила около 380 кв.м. на ней изучены 17 ям, 5 проколов, 44 столбовых ямки, сооружение неясного назначения и настил из обугленных плах, относящиеся к раннему железному веку, а также многочисленные объекты периода XIX-XX вв.

Наиболее массовой категорией находок из раскопок является лепная керамика, представленная свыше 600 фрагментами от 40 сосудов. Сосуды – типично прикамских форм, чашевидные, со слабой или средней профилировкой, с примесью раковины и других органических элементов в тесте, с тщательной обработкой поверхности. На ананьинской посуде отмечены следы лощения. Ананьинский комплекс характеризуется керамикой каменноложского и ныргындинского этапов (по Л.И.Ашихминой). Пьяноборская керамика украшена в исключительных случаях рядом ямок по шейке (рис.1). Вещевой комплекс (рис.2) характеризуется глиняными пряслицами, фрагментами тиглей и большим количеством шлаков. Имеются в коллекции также костяные кочедык и пряжка, 5 железных ножей, две бронзовых накладки, а также изделия из камня (зернотерка, абразивы, сколы, оселок). Поздний комплекс представлен поливной керамикой XIX-XX вв., железными изделиями поздних типов (рыболовный крючок, коническая втулка, гвозди). Последнее обследование проводилось в

2001 г. Е.В.Лукшиным.

Колл. НМУР, №519.

Колл. УдГУ, №200, 1916.

Прокопов, Отчет 1969 г., с.79; Клюева, Отчет 1977 г., с.14-15; Памятники истории и культуры, 1979, с.85, №106; Памятники истории и культуры, 1990, с.82, №846; Голдина, Отчет 1995 г., с.20-23; Лецинская, Отчет 1996 г.; Лецинская и др., 1997, с.258-259; Лукшин, Отчет 2001 г., с.12-13.

4. Барановское IV селище. Ч.к.; д.Ныргында, пристань Барановская (бывш. Ижболдино), устье залива правого берега р.Камы.

Расположено на выступе надпойменной террасы р.Камы высотой 2 м, в 0,4 км к западу от Ныргындинского I могильника и в 2,6 км к ЮЮВ от д.Ныргында, в 0,75 км к З от бывш.

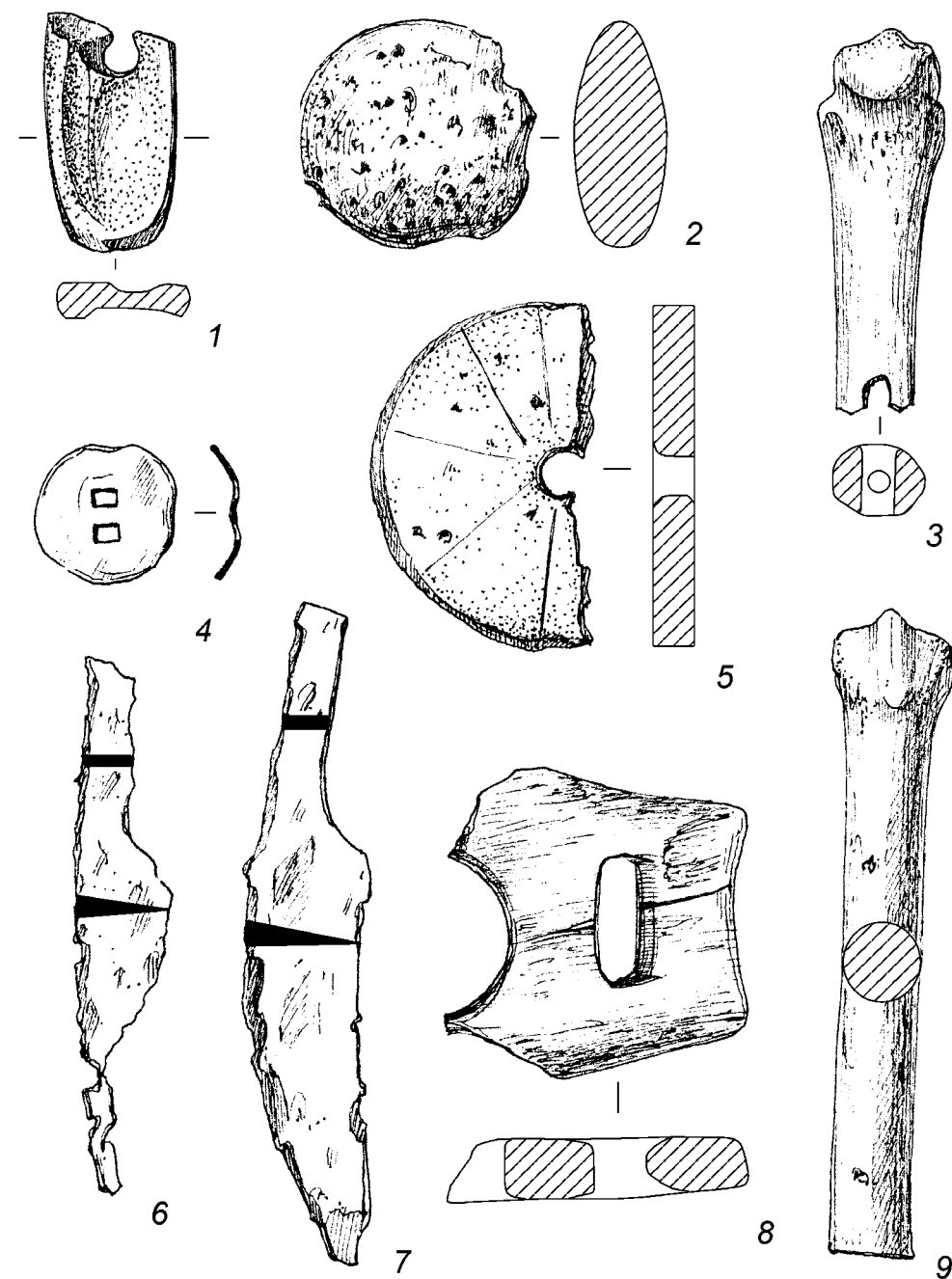

Рис. 2. Барановское III поселение. Вещевой инвентарь: 1 – оселок; 2 – «лепешка»; 3, 9 – обломки изделий; 4 – пуговица; 5 – пряслице; 6, 7 – ножи; 8 – пряжка. 1 – камень; 2, 5 – глина; 3, 8, 9 – кость; 4 – медь; 6, 7 – железо (раскопки Н.А.Лецинской)

Барановской пристани. Площадь 4000 кв.м. Поверхность задернована, но в средней части повреждена дорогой Ижболдино-Быргында. Открыто в 1970 г. Л.И.Ашихминой. Повторно обследовано разведочной группой КВАЭ в 1995 г. и в 2001 г. Стратиграфия селища: дерн до 10 см, серая супесь с находками, мощностью до 20 см. Находки – лепная керамика серого и коричневого цвета с примесью раковины и растительности, без орнамента.

Колл. УдГУ, №1897.

Ашихмина, Отчет 1970 г., с.3; Памятники истории и культуры, 1979, с.85, №107; Памятники истории и культуры, 1990, с.82, №847; Голдина, Отчет 1995 г., с.19-20; Лукшин, Отчет 2001 г., с.12.

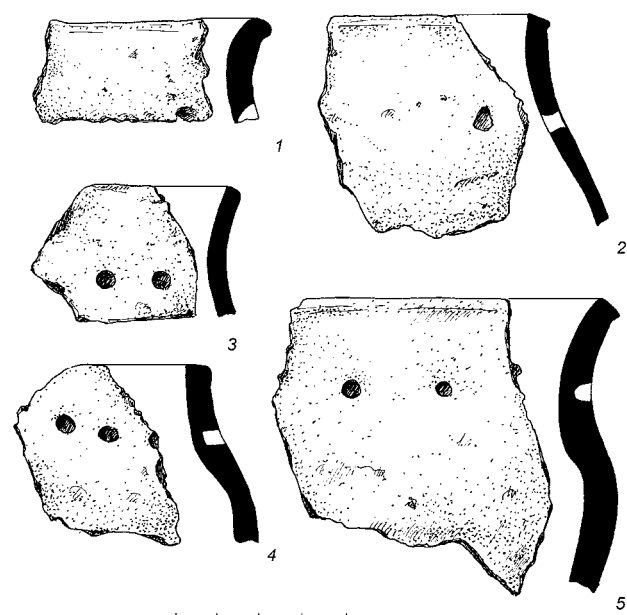

Рис. 1. Барановское III поселение. Керамика раннего железного века (раскопки 1996 г. Н.А.Лецинской)

5. Барановское V селище. РЖВ; пристань Барановская (Ижболдино), д.Ныргында, правый берег р.Камы.

Занимает южную оконечность небольшого мыса высотой 2 м на краю возвышенности, южнее Барановского I селища, в 2,25 км к ВЮВ от д.Ныргында, в 3 км к ЗЮЗ от д.Быргында. С восточной стороны возле памятника проходит дорога д.Ныргында – пристань Ижболдино. Открыто в 1970 г. Л.И.Ашихминой. Поверхность распахивалась, культурный слой разрушен мелиоративными работами и распашкой. Сейчас задернована. Найдено несколько мелких фрагментов керамики без орнамента, серого и коричневого цвета, с раковинной примесью. Площадь 2000 кв.м. Повторно осматривен в 1995 г. и 2001 г.

Колл. УдГУ, №1985.

Ашихмина, Отчет 1970 г., с.3; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.85, №108; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.82, №848; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.18; *Лукишин*, Отчет 2001 г., с.11.

6. Барановское VI селище. РЖВ; д.Ныргында, бывш. Барановская (Ижболдино) пристань, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,7 км к З от бывшей пристани, в 2,5 км к ЮВ от д.Ныргында, в 0,23 км к З от устья залива р.Камы, на СВ окраине охотничьей базы. Занимает северный пологий край мыса высотой 3 м, частично занятого лесом. Восточная часть памятника разрушена карьером, западный край – ЛЭП. Открыт в 1995 г. в ходе выполнения Всероссийской программы по инвентаризации объектов ИКН. Шурф показал наличие небольшого культурного слоя в виде серой супеси с находками керамики и глиняной обмазки, мощностью до 0,2 м. Керамика тонкостенная (3-6 мм), серого и коричневого цвета, с примесью раковины и растительности в тесте, без орнамента. Площадь 1600 кв.м. Повторно обследовано Е.В.Лукишиным в 2001 г.

Колл. УдГУ, №1899.

Голдина, Отчет 1995 г., с.18-19; *Лукишин*, Отчет 2001 г., с.11.

7. Барановское VII селище. РЖВ; д.Ныргында, бывш. Барановская (Ижболдино) пристань, правый берег р.Камы.

Расположено на мысу залива р.Камы, высотой более 3 м, в 0,75 км к З от бывшей пристани, в 0,14 км к СВ от охотничьей базы, в 2,3 км к ЮВ от д.Ныргында, в 0,35 км к ЗСЗ от устья залива. Поверхность задернована. Открыто в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. Шурф показал наличие культурного слоя – коричневого суглинка с находками керамики и кусков обмазки. Мощность слоя 18-26 см. Площадь около 7000 кв.м. Керамика лепная, серо-коричневого цвета, примесь в тесте – раковина, шамот, песок, без орнамента.

Колл. УдГУ, №1895.

Голдина, Отчет 1995 г., с.19.

8. Боярское селище. А.к., Ч.к., IV в. до н.э. – рубеж н.э.; д.Боярка, правый берег р.Камы.

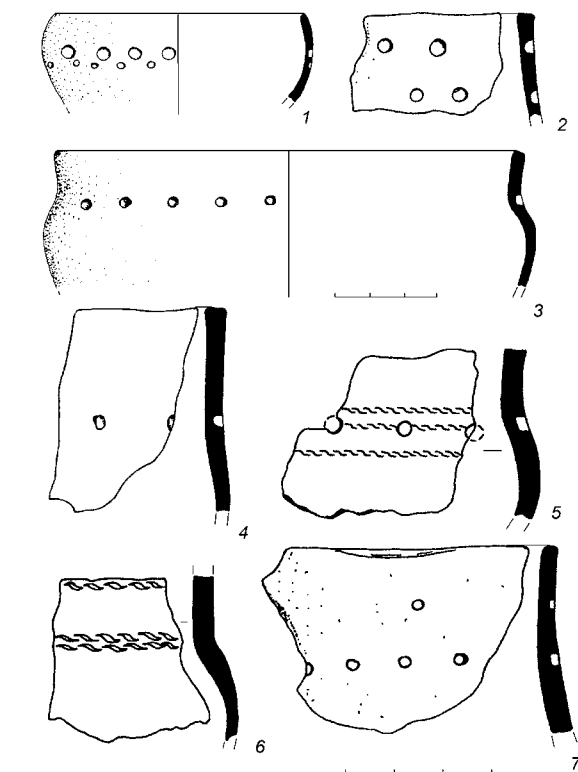

Рис. 3. Боярское селище. Керамика (раскопки О.А.Карпушкиной)

Расположено в 6 км к З от д.Боярка, в 5 км к С от современного русла р.Камы, в 30 м к В от Боярского («Арай») могильника. Памятник расположен на вытянутом мысу (высота 16 м)

коренной террасы правого берега р.Камы, образованном двумя древними балками, одна из которых (между могильником и селищем) интенсивно разрушается современным оврагом. Поверхность задернована. Селище занимает СЗ край мыса, площадь около 70 кв.м. Культурный слой мощностью 0,3 м залегал ниже распаханного горизонта, толщиной 20-35 см. Открыто в 2004 г. в ходе исследований Боярского («Арай») могильника. Обследовано в 2008 г. рекогносцировочным раскопом площадью 18 кв.м. Находки из слоя представлены керамикой (более 350 фрагментов), точильным бруском, каменным орудием. Посуда лепная, цвет черепков от светло-серого до черного, с примесью в тесте раковины, шамота. Сосуды округлодонные, с цилиндрической слабопрофилированной горловиной, слабораздутым туловом. Более половины сосудов орнаментированы. Самый популярный орнамент – ямочные вдавления, нанесенные в один ряд, в «шахматном» порядке, сгруппированы по 3. Встречены оттиски шнура, одинарного, или сдвоенного (рис.3).

Колл. УдГУ, №2208.

Карпушкина, Отчет 2008 г., с.28-34.

9. Боярское I поселение. Железный век, Новое время; д.Боярка, правый берег р.Камы.

Расположено на мысу первой надпойменной террасы высотой 40-60 м, в 0,02 км к СВ от д.Боярка, вдоль ЮЗ склона мыса протекает ручей. Площадка задернована, используется под пастбище, в СВ части расположена электроподстанция. Открыто в ходе хозяйственных исследований 2004 г. Культурный слой – темный гумусированный суглинок толщиной до 5 см – залегает под мощным слоем пахоты (до 30 см). Из слоя происходит лепная керамика от тонкостенного сосуда светло-коричневого цвета, без орнамента, из пахоты – фрагмент круговой керамики красно-коричневого цвета, толщиной 4 мм, с коричневой поливой на внутренней поверхности. Площадь памятника не установлена.

Колл. УдГУ, №2154.

Перевощиков, Отчет 2004 г., с.14-15.

10. Боярское II поселение. М.тип, IV-V вв. н.э., XVIII-XIX вв.; д.Боярка, правый берег р.Камы.

Занимает край первой надпойменной террасы высотой до 2 м, в 2,5 км к ЮЗ от д.Боярка, в 1,1 км к ВЮВ от оз.Большое, в 3,5 км к С от реки. В настоящее время часть площадки занята кустом скважин (действующая №8910). Площадь около 11,5 тыс. кв.м. Памятник многослойный. Верхний слой принадлежал деревне Старая Боярка, мощность его 18-20 см. Находки в нем представлены русской столовой посудой из серожгущейся глины, а также красноглиняной; фрагментами чугунок, железными изделиями. Нижележащий слой светло-коричневого суглинка толщиной 20-25 см содержал поливную и неполивную горшководную посуду, с незначительной примесью песка в тесте, с низкими горловинами, крутым плечом. На красножгущейся керамике отмечены следы поливы оливкового цвета. Серожгущаяся керамика более архаичного облика. Найдены также кованый гвоздь. Третий слой, самый ранний, – темно-коричневый

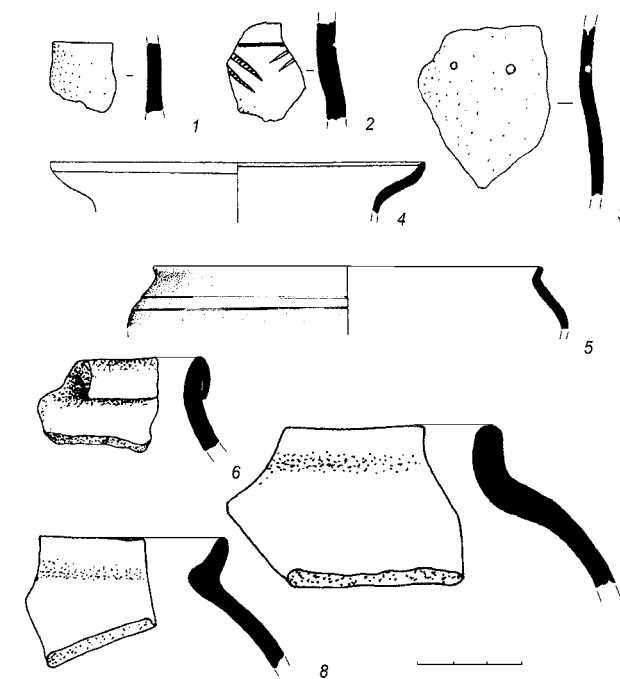

Рис. 4. Боярское II поселение. Керамика: 1-3 – лепная; 4-8 – круговая (из разведочных шурфов О.А.Карпушкиной)

гумусированный суглинок мощностью 25-40 см. В нем найдены фрагменты лепной керамики, кости и зубы животных, кусок шлака. Керамика серого и светло-коричневого цвета, с примесью шамота, песка, от сосудов горшковидной формы, с цилиндрическим или блоковидным горлом, слабопрофилированных. Имеется обломок плоского дна, довольно толстостенного (10-11 мм). Орнамент на сосудах – ряд ямочных вдавлений, двоянный зигзаг «гусеничного» штампа (рис.4).

Колл. УдГУ, №2196.

Карпушкина, Отчет 2008 г., с.22-28.

11. Быргындинская I стоянка. Б.к., XI-IX вв. до н.э.; д.Быргында, правый берег р.Камы.

Находится в 0,8 км к югу от деревни, на останцовом холме надпойменной террасы, образованном р.Быргындинка и старичным руслом р.Камы. Поверхность задернована, сильно повреждена карьерами по добыче песка, северо-восточная часть залесена. Памятник открыт в 1953 г. Г.В.Юсуповым, в 1957 г. обследован В.Е.Стойновым. В 1969-1970 гг. В.Е.Стойновым и Л.И.Ашихминой были заложены два раскопа площадью около 400 кв.м. Исследованы два жилища, местоположение которых отмечено впадинами на поверхности. При одинаковых размерах – 9,6x11,0 м – жилища отличались конструктивно. Жилище I – полуземлянка, глубиной котлована до 1,0 м, с двумя выходами, очагом и ямой в центре пола. Жилище II – со слабоуглубленным полом, без очага – погибло от пожара. Культурный слой выявлен лишь вблизи жилища II, представлен серой рыхлой супесью с углистыми включениями мощностью 20-50 см. Материальная культура стоянки характеризуется изделиями из кремня плохого ка-

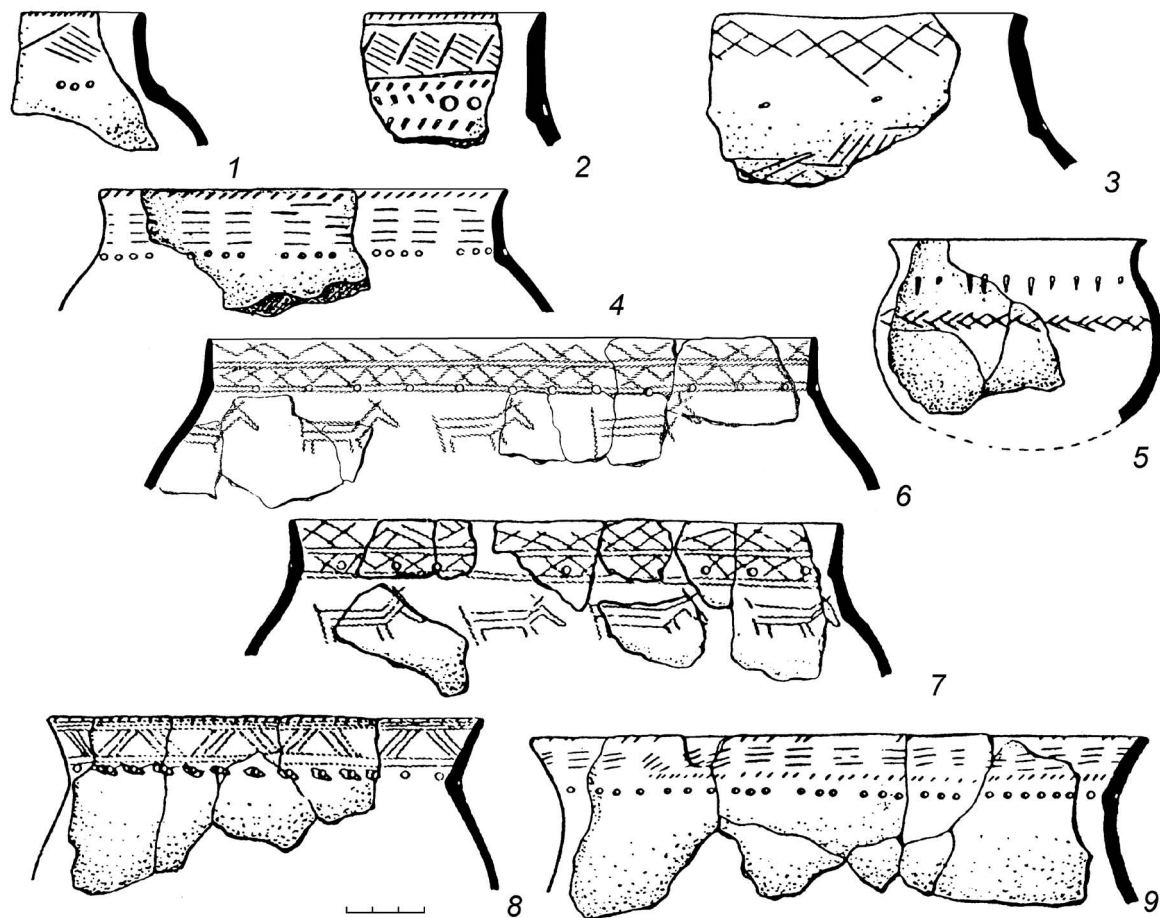

Рис. 5. Быргындинская I стоянка. Керамика (по В.Ф.Генингу и Л.И.Ашихминой)

чества и галечника (отщепы, сколы, скребки на отщепах, оформленные небрежной крупной ретушью, наконечник стрелы листовидной формы с прямым основанием) и фрагментами сосудов. Керамика, в основном, светло-коричневая, в тесте – примесь раковины, изредка шамота или песка. Отличия выявлены по формальным признакам: 1) сосуды с высокой вертикальной горловиной и «бомбовидным» туловом, валиком или «воротничком» на шейке, украшенной геометрическими узорами в резной технике (реже гребенчатого штампа) и ямочными вдавлениями; 2) сосуды более мягкой профилировки с отогнутыми наружу шейками, украшенными шнуровыми узорами, либо рядом ямок. Первая группа керамики оставлена пришлым маклашевским населением, вторая – местным быргындинским (рис.5).

В 1995 г. памятник вновь осмотрен разведочной группой КВАЭ. Установлено, что он интенсивно разрушается. Из 10800 кв.м сохранилось не более 3000. В обнажениях собрано около 100 фрагментов керамики, 3 скребка на отщепах, фрагменты тиглей, оплавленный кусочек бронзы, каменные отбойник и зернотерки и железный нож более позднего происхождения.

Колл. МИКСП, №912.

Колл. НМУР, №183.

Колл. УдГУ, №887, 1905.

Генинг, 1956а, с.46, 65, №153; Стоянов, Отчет 1957 г., л.298-301; Генинг, 1958, №238; Ашихмина, Генинг и др., 1970, с.138; Генинг, Отчет 1970 г., с.1-6; Ашихмина, Генинг и др., 1971, с.147-148; Ашихмина, Генинг, 1977, с.93-138; Клюева, Отчет 1978 г., с.10-11; Памятники истории и культуры, 1979, с.85, №109; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №849; Голдина, Отчет 1995 г., с.25-26; Голдина, 1999, с.154-155; УРЭ, 2000, с.215; Останина, 2004, с.11.

12. Быргындинская II стоянка. Эпоха бронзы; д.Быргында, правый берег р.Камы.

Находится в пойме р.Камы на останцовом всхолмлении первой надпойменной террасы высотой около 4 м, в 1,2 км к ЮЮЗ от д.Быргында, в 0,7 км к В от Барановского III поселения. Юго-восточная часть дюны разрушена поздними ямами, обрывом к реке. Поверхность задернована. Культурный слой – серая супесь с углистыми включениями – мощностью 35 см содержит кремневые изделия и фрагменты лепной керамики с примесью раковины в тесте. Памятник открыт в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), повторно обследован в 1995 г. и 2001 г. С разрушаемой поверхности собраны фрагменты лепной неорнаментированной керамики и куски глиняной обмазки. Площадь памятника около 5000 кв.м.

Колл. УдГУ, №1906.

Клюева, Отчет 1977 г., с.18; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №110; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №850; Голдина, Отчет 1995 г., с.24-25; Лукин, Отчет 2001 г., с.13-14.

13. Быргындинское I селище. А.к., Ч.к.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Расположено в 0,5 км к северу от деревни, на высоком (12-21 м) мысу коренного плато. Поверхность распахивается, культурный слой разрушен, имеет значительную покатость в сторону реки. Памятник открыт в 1956 г. В.Е.Стойновым, повторно обследовался в 1969 г. А.В.Прокоповым, в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и 1995 г. Р.Д.Голдиной. Площадь селища 17000 кв.м. С поверхности собрана лепная керамика с примесью мелкотолченой раковины, украшенная защипами по венчику и ямками – по шейке.

Колл. НМУР, №124.

Колл. УдГУ, №891.

Стойнов, Отчет 1956 г., с.81; Генинг, 1958, №240; Прокопов, Отчет 1969 г., с.77-78; Клюева, Отчет 1979 г., с.20; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №111; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №851; Голдина, Отчет 1995 г., с.15; Останина, 2004, с.16-17.

14. Быргындинское II селище. А.к., М.тип, Им.к.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Расположено в 0,8 км к С от деревни на высоком покатом к реке подтреугольном мысу. Поверхность распаивается, частично задернована. Культурный слой – плотный гумусированный суглинок – около 30 см. Площадь селища около 2000 кв.м. Памятник открыт в 1956 г. В.Е.Стойновым, повторно обследовался в 1969 г. А.В.Прокоповым, в 1995 г. – Р.Д.Голдиной. С селища происходит лепная керамика с примесью раковины в тесте, толщиной стенок 0,3-0,6 см, украшенная ямками, а также шамотная неорнаментированная именковского типа.

Колл. НМУР, №119.

Колл. УдГУ, №879.

Стойнов, Отчет 1956 г., с.83; Генинг, 1958, №241; Прокопов, Отчет 1969 г., с.78; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №112; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №852; Голдина, Отчет 1995 г., с.15-16; Останина, 2004, с.32-33.

15. Быргындинское III селище. М.тип; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Расположено в 0,9 км к СЗ от деревни, на следующем по порядку мысу коренной террасы после Быргындинского II селища Мыс имеет треугольную в плане форму, ограничен с З и В глубокими логами, по дну западного течет ручей, восточный – разрушается эрозией. Со стороны реки склон также сильно подмывается. Культурный слой частично распахан, имеет мощность до 30 см. Площадь селища около 15000 кв.м. Селище открыто в 1956 г. В.Е.Стойновым, в 1969 г. осмотрено А.В.Прокоповым, в 1979 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Разведочные сборы представлены керамикой, аналогичной материалам Быргындинского II селища. В 1995 г. повторно осматривался разведочной группой КВАЭ. Материал не обнаружен.

Колл. НМУР, №120.

Колл. УдГУ, №880.

Стойнов, Отчет 1956 г., с.83; Генинг, 1958, №242; Прокопов, Отчет 1969 г., с.78-79; Клюева, Отчет 1979 г., с.21; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №113; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №853; Голдина, Отчет 1995 г., с.16; Останина, 2004, с.33.

16. Быргындинское IV поселение. А.к., Ч.к., М.тип, X-XI, XIII-XIV вв.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Занимает прямоугольный мысовидный выступ первой надпойменной террасы р.Камы, вдоль левого берега р.Ижболдинка, в 0,3 м к С от протоки (бывш. оз.Митук), в 1,0 км к ЮВ от д.Быргында. Высота террасы 5 м. Поверхность ровная, ранее распаивалась, нарушена поздними ямами. Площадь поселения 3000 кв.м. Открыто в 1969 г. Л.И.Ашихминой. В 1979-80, 1982 гг. исследовалось Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Вскрытая площадь составила 1955 кв.м. Культурный слой представлен серой, различных оттенков, супесью, мощностью 40-50 см, насыщенной находками. В раскопе изучено 7 сооружений, в том числе, жилые, около 150 ям различного назначения, более 8000 артефактов из глины, камня, железа, бронзы (рис.6). Остатки жилищ представлены наземными прямоугольными постройками размерами более 100 кв.м, с очагами, разведившимися в ямах или на глиняной вымостке, и хозяйственными ямами. Керамика – типичные для Прикамья чашевидные сосуды с отогнутыми наружу шейками, плавным переходом к тулову, либо низкие чаши без шеек. По характеру орнамента выделяются сосуды со шнуровыми узорами, присущими начальной поре железного века, пьяноборские – украшенные рядом ямочных вдавлений, а также более поздний комплекс со штампованными узорами. Вещевой инвентарь весьма выразительный, характерный для пьяноборской эпохи – бронзовые крупные полусферические бляхи, плоские бляшки с петлей на обороте, конусо-

видная височная подвеска, глиняные фигурки антропо- и зооморфные, пряслица, «лепешки». Средневековый комплекс представлен шумящей арочной подвеской, железными удилами и булавкой-спицей. Обследовалось КВАЭ в 1995 г. и 2001 г.

Колл. УдГУ, №156, 886, 1058, 1131, 1172.

Ашихмина, Отчет 1969 г., с.13-15; Клюева, Отчет 1979 г., с.7-18; ее же, 1980, с.150-151; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №114; Клюева, Отчет 1980 г., с.3-14; ее же, Отчет 1982 г., с.3-40; ее же, 1984, с.20-35; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №854; Голдина, Отчет 1995 г., с.26-27; УРЭ, 2000, с.215; Лукин, Отчет 2001 г., с.16; Останина, 2004, с.33.

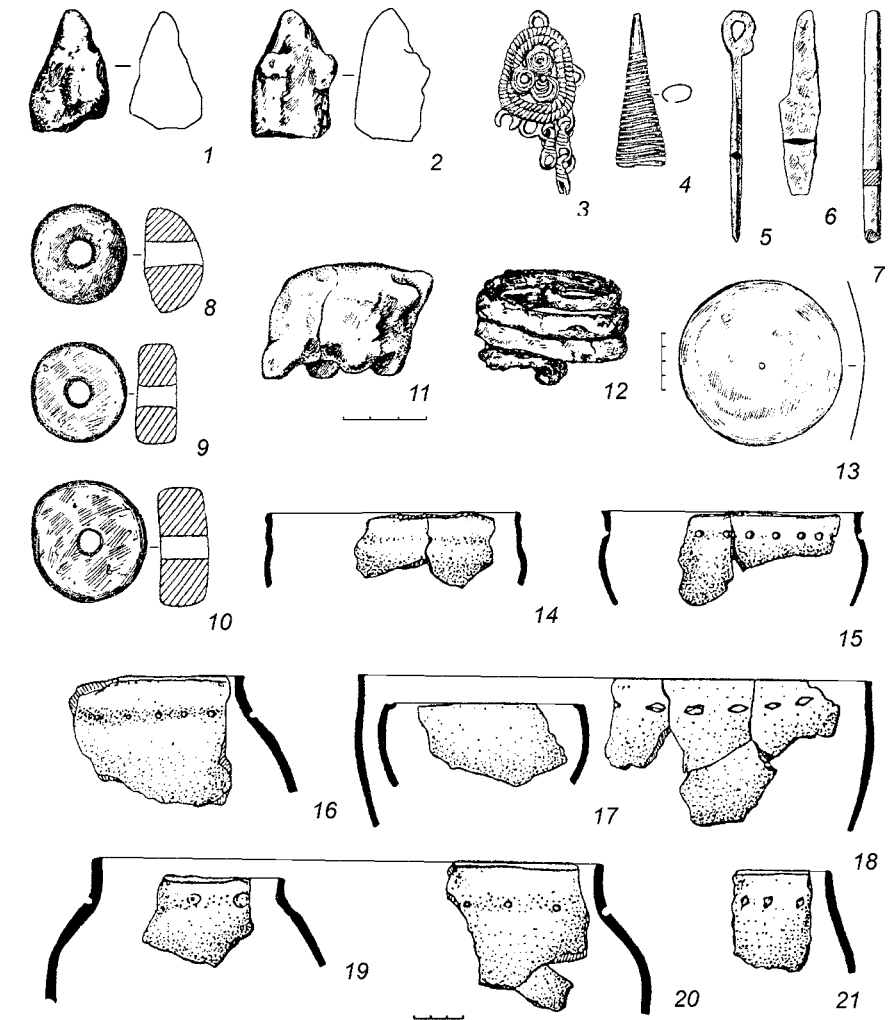

Рис. 6. Быргындинское IV поселение. Вещевой инвентарь: 1-2 – антропоморфные фигурки; 3-4 – подвески; 5 – игла; 6 – нож; 7 – шило; 8-10 – пряслица; 11 – зооморфная фигурка; 12 – браслет; 13 – нагрудная бляха; 14-21 – посуда. 1, 2, 8-11, 14-21 – глина; 3-5 – бронза; 6-7, 12 – железо (раскопки Г.Н.Клюевой (Журавлевой))

17. Быргындинское V поселение. Ч.к.; д.Быргында, оз.Митук, правый берег р.Камы.

Расположено в 1,5 км к ЮВ от деревни, в 0,25 км к ЗСЗ от старичного озера Митук, в 0,5 км к СВ от устья р.Ижболдинка. Поселение располагается на 8-метровой террасе старицы р.Камы. Поверхность террасы хорошо задернована и густо поросла дубовым лесом. Склон ее обнажен и осыпался. Мощность культурного слоя 0,5-0,6 м, в углублениях – до 0,75 м. Поселение открыто в 1969 г. Л.И.Ашихминой, в 1970 г. исследовано Р.Д.Голдиной. На площади 120 кв.м. изучено 8 ям – хозяйственного и столбового назначения. Основная

масса находок – фрагменты лепной керамики с примесью мелкотолченой раковины, типичной для Прикамья чашевидной формы, и орнаментацией в виде редких круглых, линзовидных или подтреугольных ямок. Найдены обломки тиглей, дробильник, глиняные лепешки, кости животных, костяной втульчатый наконечник (рис.7). Повторно осматривалось в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. – Р.Д.Голдиной, в 2001 г. – Е.В.Лукшиным. Установлено продолжающееся разрушение памятника вдоль береговой линии. Площадь поселения, вытянутого вдоль берега более чем на 100 м, составляла около 3000 кв.м.

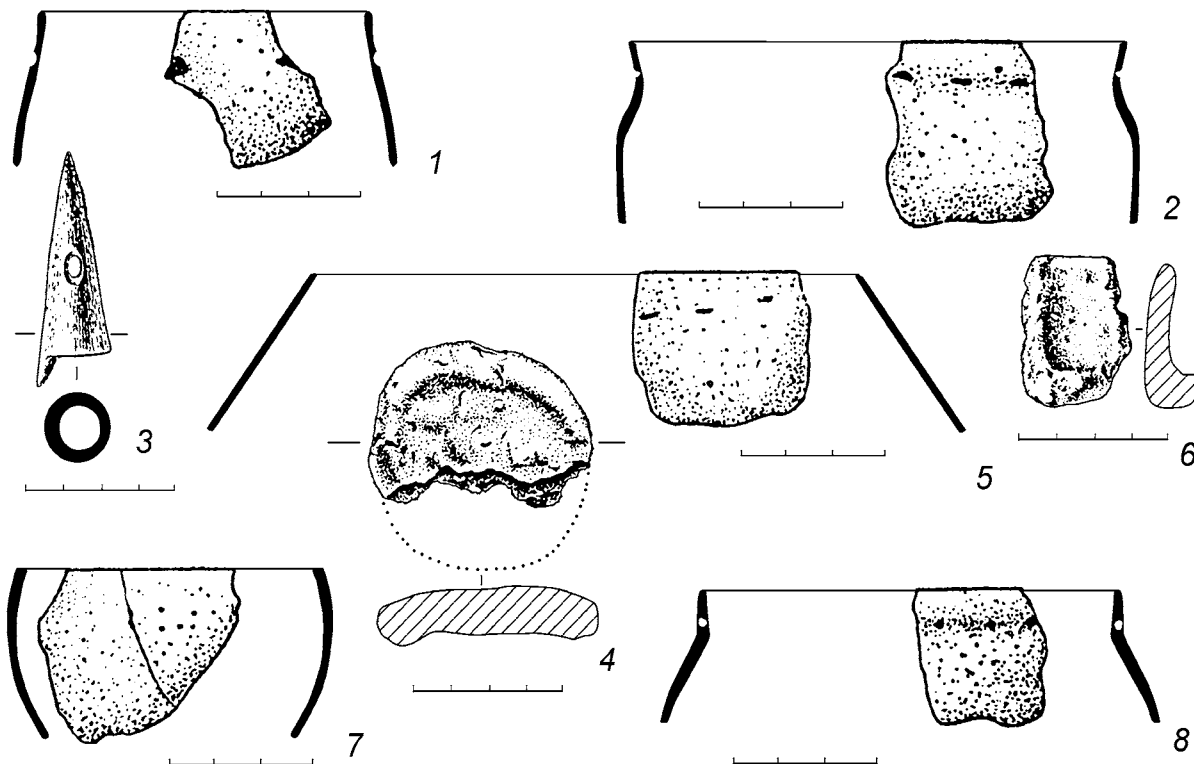

Рис. 7. Быргындинское V поселение. Находки из раскопок Р.Д.Голдиной: 1, 2, 5, 7, 8 – керамика; 3 – наконечник стрелы; 4 – «лепешка»; 6 – обломок тигля. 3 – кость; остальное – глина

Колл. УдГУ, №856, 1060, 1908.

Ашихмина, Отчет 1969 г., с.13; Голдина, Отчет 1970 г., с.27-30; Ашихмина, Генинг и др., 1971, с.148; Голдина, 1976, с.75-83; Клюева, Отчет 1979 г., с.21-22; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №115; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №855; Голдина, Отчет 1995 г., с.27-28; УРЭ, 2000, с.215; Лукин, Отчет 2001 г., с.14.

18. Быргындинское VI селище. А.к., М.тип; д.Быргында, оз.Митук, правый берег р.Камы.

Расположено на надпойменной террасе р.Камы высотой 6 м, в 1,5 км к ВЮВ от деревни, в 0,4 км к СВ от Быргындинского V поселения. С западной стороны селища проходит дорога из д.Быргында на луга. У подножия террасы находится озеро Митук. Поверхность задернована и поросла дубовым лесом. Площадка нарушена большими заплывшими ямами, СВ часть – котлованом компрессорной станции. Мощность слоя 10-25 см. Площадь памятника 12000 кв.м. Памятник открыт в 1970 г. Л.И.Ашихминой. Собрано небольшое количество мелких костей и фрагментов лепной керамики, орнаментированной оттисками шнура. Повторно осмотрено в 1995 г. и 2001 г.

Колл. НМУР, №521.

Колл. УдГУ, №1909.

Ашихмина, Отчет 1970 г., с.3-4; Вотякова, Клюева и др., 1978, с.162; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №116; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №856; Голдина, Отчет 1995 г., с.28; Лукин, Отчет 2001 г., с.14-15.

19. Быргындинское VII («Каравай») селище. (?); д.Усть-Бельск, левый берег р.Большая Емаша, правого притока р.Камы.

Занимает останец овальной формы в пойме р.Большая Емаша, высотой 14 м, в 0,7 км к Ю от тракта с.Каракулино – д.Быргында, в 0,6 км к ССВ от Быргындинского II («Каменный Лог») городища. Размеры останца составляют 135x95 м, поверхность сильно залесена. Впервые памятник упоминается Л.А.Беркутовым, в 1978 г. осмотрен Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко. Культурный слой не выявлен, находки отсутствуют.

Беркутов, 1914, с.49; Талицкая, 1952, №347; Клюева, Отчет 1978 г., с.14; Памятники истории и культуры, 1990, с.83, №857; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.15-16.

20. Быргындинское VIII селище (Быргындинское IV, по В.Ф.Генингу). М.тип; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка, правого притока р.Камы.

Селище находится на соседнем, расположенном к западу от Ныргындинского III городища, пологом мысу. Мыс распахивался, в настоящее время задернован. Культурный слой полностью разрушен пахотой, из которой происходят мелкие фрагменты лепной керамики светло-коричневого и темно-серого цвета, с примесью раковины и растительности в глиняном тесте. Найдены также очень мелкие кости. Памятник обнаружен В.Е.Стояновым в 1956 году, в отчете значится как Быргындинское IV селище.

Колл. НМУР, №121.

Стоянов, Отчет 1956 г., л.86-89; Генинг, 1958, с.170, №244; Останина, 2004, с.33.

21. Быргындинское IX поселение. РЖВ; д.Быргында, правый берег р.Быргындинка (Ижболдинка), правого притока р.Камы.

Находится в 0,7 км к Ю от д.Быргында, в 0,1 км к СЗ от устья р.Быргындинка, в 0,2 км к В от Быргындинской I стоянки и 0,15 км к ЮЮЗ от Быргындинского IV поселения, на надпойменной террасе высотой 3 м. Площадь поселения 220x20-30 м (4500 кв.м). Современная поверхность задернована, нарушена несколькими ямами (старые шурфы?) и полевой дорогой. Памятник выявлен разведочной группой КВАЭ в 1995 году. В шурфах и зачистках выявлен культурный слой в виде темно-серого суглинка мощностью 10-18 см; из слоя происходит фрагмент стенки лепного сосуда толщиной 5 мм серо-коричневого цвета, в примеси к тесту отмечены растительность и шамот.

Колл. УдГУ, №1910.

Голдина, Отчет 1995 г., с.20.

22. Быргындинское X поселение. Ч.к., Новое время; д.Быргында, левый берег р.Быргындинка (Ижболдинка), правого притока р.Камы.

Находится на территории современной д.Быргында, в границах усадьбы Т.И.Юминовой (ул.Труда, д.23), на мысовидном выступе левого обрывистого берега р.Быргындинка, образованном излучиной реки и небольшим оврагом. Высота мыса около 2,5 м, форма его близка треугольной. Культурный слой полностью разрушен долговременной распашкой, глубина которой составляет 25-30 см, а также усадебными постройками. Из слоя происходят фрагменты круговой, фаянсовой и лепной посуды, а также железные вещи – втульчатый двузубец, дверной крючок, скоба из круглого дрота, кованый гвоздь; каменное точило и кости животных. Круговая посуда представлена обломками горшков и мисок из серо- и красножгущихся глин, иногда с поливой бесцветной, светло- или темно-оливкового цвета, украшенных каннелюрами, горизонтальными или волнистыми линиями. Фрагмент лепной керамики темно-серого цвета и примесью органики и песка в глиняном тесте. Поселение открыто О.А.Карпушкиной в 2008 г.

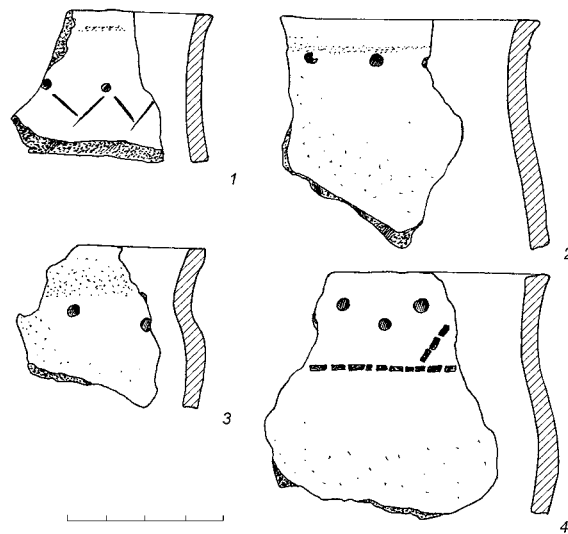

Рис. 8. Вятское I селище. Керамика из разведочных сборов Г.Н.Клюевой и С.Н.Брызгаловой

Керамика – собрана с поверхности в ходе разведочного обследования в 1978 г., повторно – в 1986 г. (рис.8). Площадь распространения находок около 10000 кв.м.

Колл. УдГУ, №857.

Клюева, Отчет 1978 г. (рукопись); Брызгалова, Отчет 1986 г. (рукопись); *Памятники истории и культуры*, 1990, с.83, №859.

24. Вятское II селище. РЖВ; с.Вятское, правый берег ручья, правого притока старичного озера р.Камы.

Селище находится в 0,2 км к СВ от Вятского I селища, в верховьях лога, над ключом, из которого вытекает ручей, в 2,7 км к В от с.Вятское. Занимает край второй надпойменной террасы высотой 24 м. Открыто Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1978 г. Поверхность террасы распахивалась, с пахоты подняты фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета (рис.9). В 1986 г. повторно обследовано С.Н.Брызгаловой. Площадь памятника определена очень приблизительно – около 4000 кв.м.

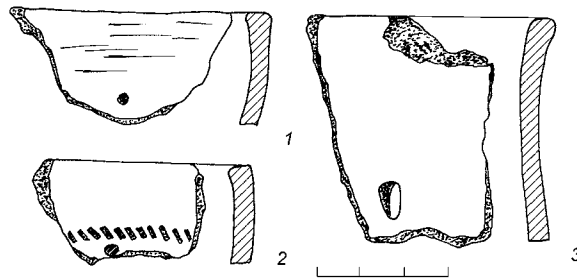

Рис. 9. Вятское II селище. Керамика (разведки Г.Н.Клюевой и С.Н.Брызгаловой)

25. Вятское III селище. РЖВ; с.Вятское, левый берег р.Буториха, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,5 км к ЗСЗ от окраины села, на подпрямоугольном мысу высотой до 14 м, ограниченном с СЗ и ЮВ логами, дно последнего заболочено. У подножия террасы с юго-западной стороны проходит дорога к нефтекачалкам. Поверхность памятника распахивалась, в настоящее время здесь высажены сосны. Открыт в 1987 г. О.В.Арма тынской. Культурный слой разрушен. С площади 24000 кв.м происходят фрагменты керамики с примесью мелко толченой раковины, песка и шамота, обмазка. В 1995 г. повторно осматривался разведочной группой КВАЭ.

Колл. УдГУ, №1613.

Колл. УдГУ, №2211.

Карпушкина, Отчет 2008 г., с.17-21.

23. Вятское I селище. РЖВ; с.Вятское, правый берег безымянного ручья, правого притока старичного озера р.Камы.

Расположено в 2,5 км к В от села и 1,0 км к В от д.Обухи (бывш.), 0,4 км к С от р.Камы, на мысовидном выступе второй надпоймы Камы, образованном краем террасы и небольшим логом, по дну которого протекает ручей, берущий начало из родника. Высота террасы 22-24 м. У подножия террасы проходит проселочная дорога из с.Вятское в д.Боярка. Здесь же есть еще один родник. В настоящее время русло Камы отошло к югу, оставив после себя старичное озеро.

Поверхность террасы в прошлом распахивалась. Находки – фрагменты лепной ке-

рамики – собрана с поверхности в ходе разведочного обследования в 1978 г., повторно – в 1986 г. (рис.8). Площадь распространения находок около 10000 кв.м.

Колл. УдГУ, №857.

Клюева, Отчет 1978 г. (рукопись); Брызгалова, Отчет 1986 г. (рукопись); *Памятники истории и культуры*, 1990, с.83, №859.

24. Вятское II селище. РЖВ; с.Вятское, правый берег ручья, правого притока старичного озера р.Камы.

Селище находится в 0,2 км к СВ от Вятского I селища, в верховьях лога, над ключом, из которого вытекает ручей, в 2,7 км к В от с.Вятское. Занимает край второй надпойменной террасы высотой 24 м. Открыто Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1978 г. Поверхность террасы распахивалась, с пахоты подняты фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета (рис.9). В 1986 г. повторно обследовано С.Н.Брызгаловой. Площадь памятника определена очень приблизительно – около 4000 кв.м.

Колл. УдГУ, №858.

Клюева, Отчет 1978 г. (рукопись); Брызгалова, Отчет 1986 г. (рукопись); *Памятники истории и культуры*, 1990, с.83, №860.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.31-32; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.83, №861; Голдина, Отчет 1995 г., с.40.

26. Галановское I селище. РЖВ; с.Галаново, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,8 км к югу от села, в 2 км к ЮЗ от р.Камы, на мысу подтреугольной формы коренного берега Камы, высотой 21 м, ограниченном с южной стороны оврагом. Западная часть памятника нарушена при установке нефтьвышки. Стрелка мыса вытянута в восточном направлении. Поверхность распахивается, культурный слой разрушен. С поверхности собраны фрагменты керамики с примесью мелкозернистого песка, толщиной 3-7 мм, орнаментированные ямками, оттисками двойного шнура.

Колл. УдГУ, №1616.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.32-33; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №862.

27. Галановское II селище. РЖВ; с.Галаново, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,8 км к югу от села, в 2 км к ЮЗ от р.Камы, на мысу подтреугольной формы высотой до 20 м, к ЮВ от I селища, по другую сторону оврага. Стрелка мыса вытянута в северном направлении, северный и северо-западный склоны мыса залесены. Поверхность памятника поката к северу. Южная часть площадки выше северной на 8-9 м. Площадка распахиывается. Открыто О.В.Арма тынской. Зачистка обнажения показала наличие культурного слоя мощностью до 30 см. Найдены фрагменты керамики (более 10), серого и коричневого цветов, с примесью песка в тесте, толщиной 3-7 мм. На одном из фрагментов сохранился ряд ямочных вдавлений.

Колл. УдГУ, №1617.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.32-33; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №863.

28. Галановское III селище. РЖВ; с.Галаново, правый берег р.Камы.

Расположено на южной окраине села, к востоку от тракта с.Галаново – с.Каракулино, на мысу коренного берега Камы, высотой 12 м. С севера мыс ограничен глубоким оврагом, с востока, на протяжении 2 км, – камской поймой, заболоченной и поросшей кустарником. По свидетельству местных жителей, мыс долгое время был занят волостным кладбищем, следы захоронений заметны по всей площадке. Открыто в 1987 г. О.В.Арма тынской при осмотре места находки бронзовой секиры. В заложенной траншее выявлен культурный слой – темно-коричневый гумусированный суглинок мощностью до 30 см, в одном из обнажений, ниже его фиксировался слой серого суглинка с вкраплениями углей, толщиной 15-20 см. Из слоя происходят мелкие фрагменты лепной керамики от тонкостенных сосудов черного и темно-коричневого цвета, с примесью шамота и мелкозернистого песка. На одном из фрагментов сохранился ряд круглых ямочных вдавлений.

Колл. УдГУ, №1620.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.33-35; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №864.

29. Дубровское I селище. А.к., Ч.к.; д.Дубровка, левый берег р.Серьга, правого притока р.Камы.

Находится на СЗ окраине д.Дубровка, в 1,5 км к ЮЗ от д.Нырғында, на мысу, образованном глубоким оврагом с восточной стороны и руслом реки Серьга – с ЮЗ. Мыс имеет в плане форму прямоугольного треугольника, стрелка его узким и длинным языком вытянута в ЮЮВ направлении. В сторону ручья поверхность мыса спускается полого, вглубь террасы повышается, достигая 40-метровой отметки. Стрелка мыса завершается 15-метровым останцем. Поверхность распахиывается, повсеместно разрушается овражной эрозией. Площадь распространения находок – около 18000 кв.м. Открыто в 1954 г. разведочной группой Г.И.Карповой, повторно обследовалось в 1969 г. – А.В.Прокоповым, в 1974 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко. С распахиваемой поверхности происходят кусочки шлака и фрагменты тонкостенных слабопрофилированных

чашевидных сосудов, с примесью раковины в тесте. Часть венчиков украшена по шейке рядами ямочных вдавлений круглой или треугольной формы.

Колл. НМУР, №96, 517.

Колл. УдГУ, №890.

Колл. УрГУ, №906.

Карпова, Отчет 1954 г., с.44-45; Генинг, 1957, с.162; Генинг, 1958, №228; Прокопов, Отчет 1969 г., с.79-80; Клюева, Отчет 1977 г., с.13-14; Памятники истории и культуры, 1979, с.86, №117; Памятники истории и культуры, 1990, с.84, №865; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.13; Останина, 2004, с.36.

30. Дубровское II поселение. Эпоха бронзы, Макл.к., раннее средневековье; д.Дубровка, правый берег р.Серьга, правого притока р.Камы.

Расположено к Ю от д.Дубровка, в 20 м к 3 от моста через р.Серьга, на краю надпойменной террасы Камы, прорезанной руслом р.Серьга. Высота мыса 12 м. Северная часть мысовой площадки нарушена двумя промоинами и ложбиной с дорогой в пойму р.Камы. У подножия террасы проходит грунтовая дорога из д.Дубровка в д.Зуевы Ключи. Площадь поселения около 13600 кв.м. Открыто разведочной группой И.Ю.Пастушенко в 1992 г. В шурфе и обнажениях выявлен культурный слой – желто-серая супесь с находками керамики мощностью до 15 см. Изучены остатки хозяйственной ямы прямоугольной в плане формы и колоколовидной в разрезе, глубиной 1,15 м, с находками мелких фрагментов керамики. Материал поселения представлен обломками сосудов, выполненных в двух технологических традициях – с примесью органики и песка и примесью шамота. Имеется один обломок шейки сосуда, украшенный оттисками гребенчатого штампа по срезу венчика, ниже – рядом глубоких ямочных вдавлений с «жемчужинами».

Колл. УдГУ, №1931.

Пастушенко, Отчет 1992 г., с.3-5.

31. Желановское селище. Ч.к.; д.Желаново (бывш.), верховья ручья, правого притока руч.Ильнешка, правого притока р.Бима, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,5 км к Ю от бывшей д.Желаново, где ныне осталась только МТФ, в 0,3 км к ЗСЗ от истока ручья, впадающего в 3,0 км к ВСВ в руч.Ильнешка, в 0,8 км к Ю проходит ЛЭП, на распахиваемой террасе высотой до 10,0 м. Терраса сильно расчленена мо-

лодыми балками, заросшими небольшим лесом. Открыто в 1995 г. разведочным отрядом С.Р.Волкова. В шурфе, под слоем пахоты мощностью до 20 см, выявлен культурный слой с находками керамики – светло-серый суглинок толщиной до 10 см. Фрагменты принадлежали 12 сосудам ручной лепки из глины коричневого и серого цвета, с примесью раковины и органики. Форма сосудов чашевидная, либо горшководная, слабопрофилированная. Украшены ямочными вдавлениями, в том числе, сгруппированными по 3 (рис.10). Площадь распространения находок 2400 кв.м.

Колл. УдГУ, №1886.

Голдина, Отчет 1995 г., с.6.

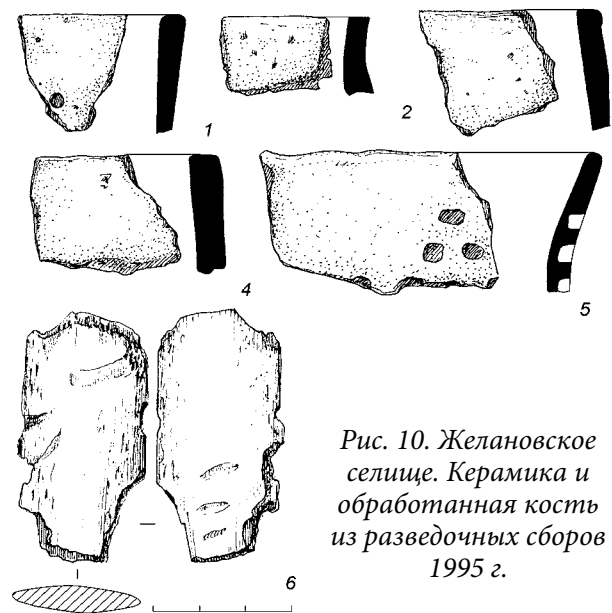

Рис. 10. Желановское селище. Керамика и обработанная кость из разведочных сборов 1995 г.

32. Зуевоключевская I стоянка. Луг.к., XIV-XII вв. до н.э., эпоха бронзы; д.Зуевы Ключи, правый берег руч.Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Занимает северный край площадки Зуевоключевского I городища, расположенного на мысовидном участке III надпойменной террасы, в 1,5 км к ЗЮЗ от д.Зуевы Ключи. Высота террасы около 20 м. Открыта в 1970 г. Р.Д.Голдиной. В 1971-72 гг. раскопки продолжены В.Ф.Генингом и Л.И.Ашихминой. В изданных в 1979 и 1990 гг. каталогах стоянка не упоминается. Установлено, что слой эпохи бронзы – светло-серая супесь с вкраплениями угля, залегающий ниже напластований раннего железного века, имел мощность до 0,6 м. Раскопками изучены остатки 6 полуземляночных жилищ, четыре из которых были соединены между собой переходами. Размеры жилищ 25-72 кв.м, отапливались очагами-кострищами. В сгоревших постройках найдены обломки более 90 лепных плоскодонных сосудов, украшенных в верхней части геометрическими узорами из ромбов, заштрихованных треугольников, елочки, меандров. Узоры наносились мелким гребенчатым штампом или острием палочки (рис.11). Площадь стоянки около 300 кв.м, хотя, как установлено дальнейшими раскопками на городище, слой распространялся и дальше вдоль северного склона.

Колл. МИКСП, №893, 894, 928, 983, 984.

Колл. НМУР, №62.

Голдина, Отчет 1970 г., с.4-14; Генинг, Отчет 1971 г., с.7-25; Ашихмина, Генинг и др., 1971, с.147-149; Ашихмина, Генинг и др., 1972, с.182-183; Генинг, Ашихмина, 1984, с.123-137; Голдина, 1999, с.153-154.

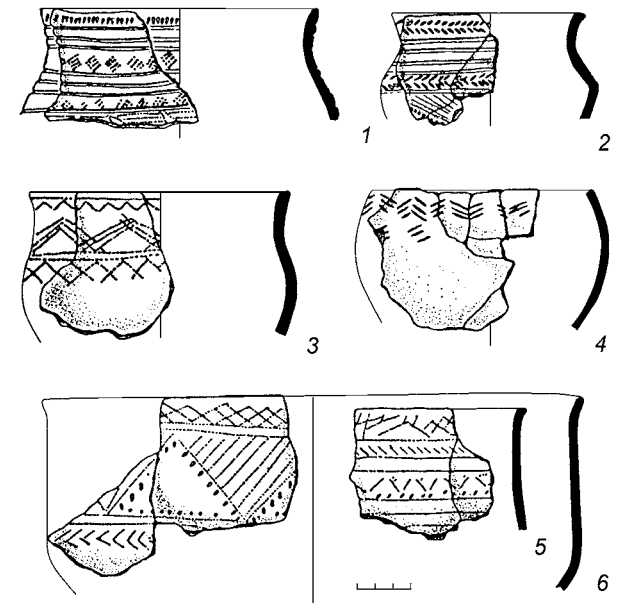

Рис. 11. Зуевоключевская I стоянка. Керамика (по: Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1984)

33. Зуевоключевская II стоянка (поселение). Неолит (?), эпоха бронзы, А.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Расположена в 0,15 км к Ю от деревни на дюнном всхолмлении высотой 6-7 м, длиной 130 м и шириной 50 м. Поверхность задернована, восточная часть дюны в прошлом была занята кладбищем, нарушена силосными ямами. На южном склоне памятника Л.И.Ашихминой в 1971 г. заложена траншея, в которой обнаружены фрагменты керамики светло-коричневого цвета эпохи бронзы, украшенные оттисками гребенки в виде вертикального зигзага, несколько кремневых сколов и кусочков бронзы. Мощность слоя светло-серой супеси – 0,2 м. В 1977 г. обследование проведено Г.Н.Клюевой, обнаружившей керамику ананьинско-пьяноборского типа и около 20 кремневых изделий (скребки, нож, отщепы). В 1992 г. повторно осмотрено И.Ю.Пастушенко: собрано 5 кремневых отщепов; в 2001 г. – Е.В.Лукшиным.

Колл. УдГУ, №644, 1912.

Ашихмина, Отчет 1971 г., с.10-11; Клюева, Отчет 1977 г., с.12-13; Памятники истории и культуры, 1990, с.84, №867; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.11-12; Лукшин, Отчет 2001 г., с.19-20.

34. Зуевоключевская III стоянка. Эпоха бронзы; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Расположена на ЮВ окраине д.Зуевы Ключи, на уступе надпойменной террасы высотой около 5 м. Впоследствии на месте стоянки был устроен Зуевский (Зуевоключевской I)

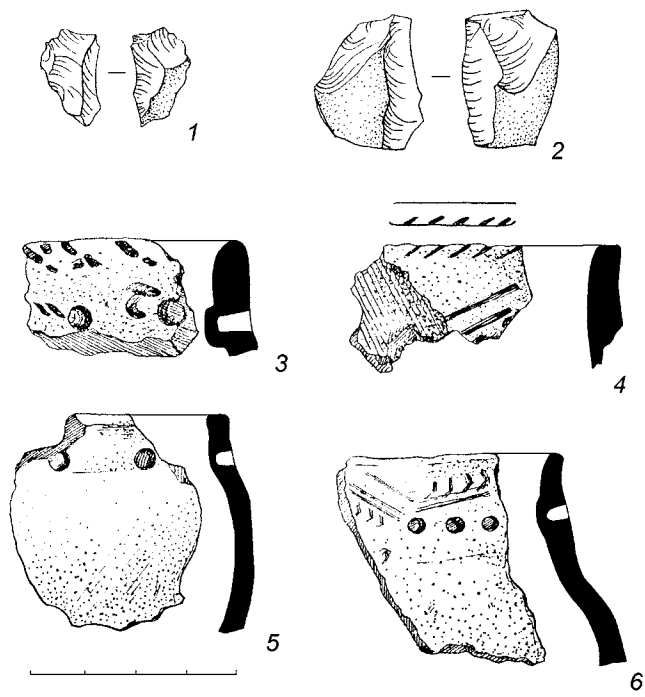

Рис. 12. Зуевоключевская III стоянка. Кремневые изделия (1, 2) и керамика (3-6) (раскопки С.Е.Перовицкова)

могильник ананьинской культуры. В 1898 г. в ходе раскопок могильника А.А.Спицыным были найдены несколько кремневых орудий и фрагментов плоскодонных сосудов. Осмотрена в 1977 г. Г.Н.Клюевой. В каталог 1979 г. вошла как Зуевоключевская I стоянка. В 1996 и 1998 гг. находки из разрушенного слоя стоянки были выявлены при раскопках могильника С.Е.Перовицковым. Среди них преобладают фрагменты лепных сосудов различных оттенков серого и коричневого цвета. В глиняном тесте отмечена в качестве примеси органика. Сосуды короткошейные, оформлены «валиком» в средней части или по краю венчика. Украшены резными линиями, оттисками шнура, гребенки, глубокими ямочными вдавлениями. Найдено несколько отщепов из серого кремня (рис.12). Тогда же получила наименование III стоянки

Колл. НМУР, №94.

Колл. УдГУ, №1986, 1991, 2100.

Древности Камы..., 1933, с.14; *Генинг*, 1958, №226; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.11-12; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86, №118; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №866; *Перовицков*, Отчет 1996 г., с.4-6; его же, Отчет 1998 г., с.6; *Перовицков*, *Широбокова и др.*, 1997, с.273-274; *Останина*, 2004, с.12.

35. Зуевоключевское I селище. Ч.к.; д.Зуевы Ключи, левый берег руч.Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Расположено в 1 км к ЮЗ от деревни, в 0,30 км к ЗСЗ от Зуевоключевского I городища, на мысовидном выступе коренного плато Камы, высотой над руслом ручья 18-29 м. Открыто в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Впоследствии обследовалось разведочными группами КВАЭ в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко, в 2001 г. – Е.В.Лукшиным. Слой полностью разрушен длительной распашкой. Площадь распространения находок 7000 кв.м. Ошибочно соотнесено с Зуевоключевским селищем, открытым в 1954 г. Г.И.Карповой.

Колл. НМУР, №93.

Колл. УдГУ, №622.

Карпова, Отчет 1954 г., с.46; *Генинг*, 1958, №224; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.8; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №868; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.9; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.20; *Останина*, 2004, с.19.

36. Зуевоключевское II селище. А.к., Ч.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег руч.Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Расположено за валом Зуевоключевского I городища, занимает ровную поверхность террасы, ограниченную с севера Гремячим логом, с юга – вершиной безымянного лога, в 1,5 км к ЗЮЗ от д.Зуевы Ключи. Высота террасы 18-23 м. Поверхность длительное время распахивалась, сейчас частично задернована. Площадь распространения находок около 10000 кв.м. Открыто в ходе раскопок Зуевоключевского I городища в 1971 г. Л.И.Ашихминой. Повтор-

но обследовалось в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. И.Ю.Пастушенко, в 2001 г. Е.В.Лукшиным. В 1999-2000 гг. в южной части селища Е.М.Черных был заложен раскоп около 130 кв.м, в котором изучены остатки напольного рва городища и оборонительной канавы, шириной 1,1 м, глубиной 0,8 м, также, по-видимому, относящейся к системе городищенских фортификаций. Культурный слой полностью разрушен пахотой, из нее происходят большое количество костей животных, кусков железных шлаков, обломок точильного камня, сильно коррозированная бронзовая накладка, глиняное пряслице. Керамика селища лепная, с мелкотолченой раковинной в тесте, песком и органикой в виде примесей к тесту, украшена оттисками шнура, гребенки, ямочными вдавлениями различной формы (рис.13).

Колл. УдГУ, №699, 1371, 2103, 2148.

Клюева, Отчет 1977 г., с.9; *Ашихмина*, Отчет 1979 г., с.11-12; *Памятники истории и культуры*, 1979, №86; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №869; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.10; *Черных*, Отчет 1999 г., с.2-9; ее же, Отчет 2000 г., с.27-32; *Вязников и др.*, 2001, с.179-181; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.21; *Карпушкина*, *Черных*, 2007, с.88-91.

37. Зуевоключевское III селище. А.к., Ч.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег руч.Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Селище занимало прямоугольный мыс третьей надпойменной террасы р.Камы, высотой 16-17 м над уровнем ручья, в 0,35 км к СЗ от Зуевоключевского I городища. Мыс образован склоном Гремячего лога и двумя глубокими оврагами, выходящими устьями к ручью, протекающему по дну Гремячего лога. Памятник обнаружен в 1971 г. Л.И.Ашихминой, повторно обследовался Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1977 г., И.Ю.Пастушенко в 1992 г., Е.В.Лукшиным в 2001 г. Поверхность мыса распахивалась, в настоящее время задернована. Культурный слой сохранился местами, ближе к склону Гремячего лога, достигает 0,35 м, содержит большое количество золы и углей. Площадь 16000 кв.м. Находки представлены кремневыми отщепами и пластинами, фрагментами лепной керамики, украшенной гребенчатым штампом, ямочными вдавлениями, резными линиями.

Колл. УдГУ, №601, 708, 1915.

Ашихмина, Отчет 1971 г., с.12; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.9-10; *Памятники истории и культуры*, 1979, №86; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.84, №870; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.10-11; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.21-22.

38. Зуевоключевское IV селище. Макл.к., А.к., Ч.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег руч.Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Расположено в 2,0 км к ЮЗ от д.Зуевы Ключи, в 0,5 км к СЗ от Зуевоключевского I городища, на одном из мысов III надпойменной террасы, образованном двумя залесен-

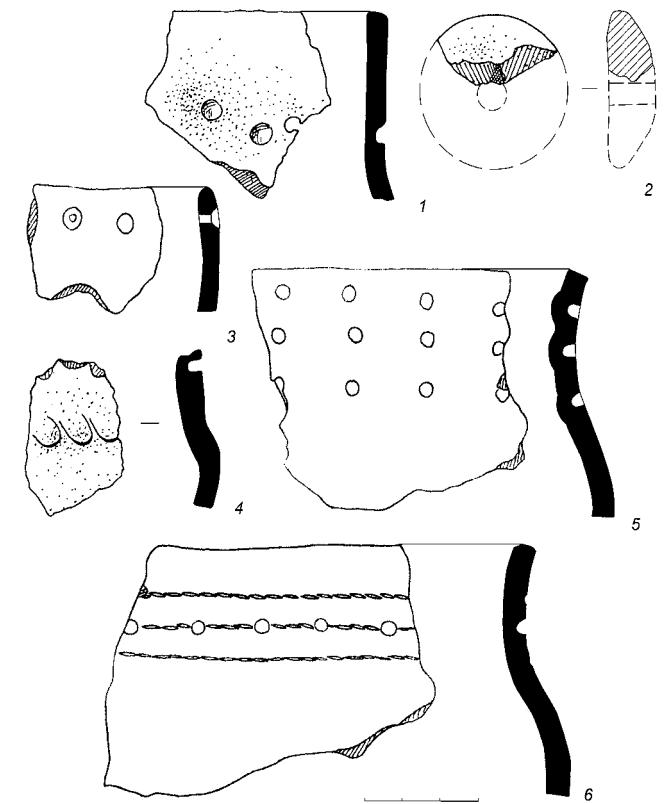

Рис. 13. Зуевоключевское II селище. Керамика (1, 3-6), обломок глиняного пряслица (2) (раскопки Е.М.Черных)

ными логами и склоном Гремячего лога. Высота террасы составляет 16-18 м. Площадь селища 13500 кв.м. Поверхность частично распахана под огородные культуры, по краям залесена и засажена кедровником. Открыто в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), выявившей в шурфах культурный слой мощностью 0,3 м, перекрытый пахотой (до 0,25 м). Находки были представлены керамикой раннего железного века, кальцинированными и сырыми костями, обломком сосуда позднего бронзового века. В 1992 г. вновь осмотрено И.Ю.Пастушенко. В 1999 г. Е.М.Черных в восточной части селища был заложен небольшой раскоп (площадь 54 кв.м), давший следующую стратиграфию: дерн толщиной до 5 см, темно-серая супесь (пахота) мощностью 0,2-0,35 м, светло-серая супесь мощностью до 0,15 м. В раскопе изучены остатки слабоуглубленного сооружения прямоугольной формы, размерами 5,5x3,5 м, с выходом в ЮЗ стенке. Рядом с выходом находился небольшой очаг – кострище, заполненное золой и галечником. В пределах выхода зафиксирована небольшая яма овальной формы. Находки из сооружения и слоя представлены фрагментами лепных горшковидных и чашевидных сосудов от светло-коричневого до черного цвета, вылепленных из глины с примесью раковины, песка, органики. Сосуды украшены ямочными вдавлениями округлой формы в нижней части шейки, нанесенными в один ряд, либо сгруппированными по 2-3.

В 2005 г. хозяйка земельного участка З.И.Белоусова передала в университет несколько бронзовых изделий раннепьяноборского типа, собранных ею с пахоты в восточной части селища (рис.14). В том же

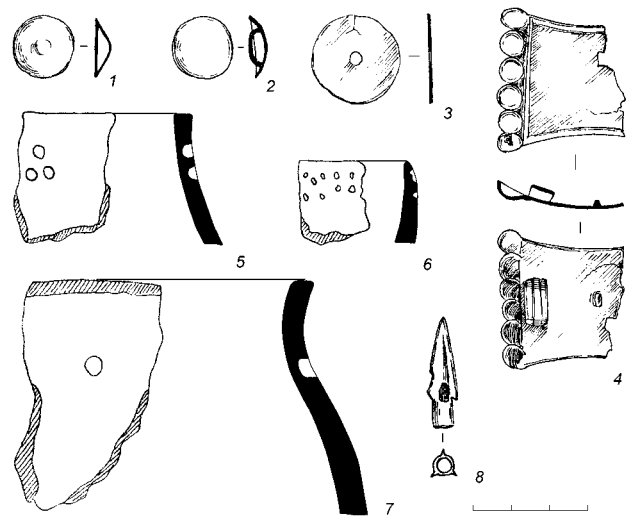

Рис. 14. Зуевоключевское IV селище. Находки из разведочных сборов и раскопов: 1-3 – медные блишки; 4 – бронзовая застежка; 5-7 – керамика; 8 – медный наконечник стрелы

году на месте находки была заложена разведочная траншея размерами 10x2 м.

Стратиграфия траншеи характеризовалась слоем пахоты мощностью до 0,3 м. На уровне подстилающего слоя (светло-коричневый песок) расчищены остатки массивного очага на глиняной вымостке овальной формы, размерами 1,3x0,8 м. В слое и с поверхности собраны обломки каменных терочных плит, глиняное пряслице, кости животных и керамика ананьинско-пьяноборского типа.

Колл. УдГУ, №709, 2104, 2109, 2152, 2153, 2166.

Клюева, Отчет 1977 г., с.10-11; Памятники истории и культуры, 1990, с.84, №871; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.11; Черных, Отчет 1999 г., с.9-11; Перевощиков, Отчет 2005 г., с.5-8; Вязников и др., 2001, с.179-181; Черных и др., 2007, с.398-400; Карпушкина, Черных, 2007, с.88-91.

39. Зуевоключевское V селище (поселение). Ч.к., XVIII в.; д.Зуевы Ключи, правый берег ручья, правого притока р.Камы.

Располагалось на территории современной деревни (перекресток улиц Новая и Окуловская Гора), на мысу овальной формы, высотой 25-30 м. Территория застроена. Открыто в 1990 г. Н.Л.Решетниковым (без отчета), обследование проведено в 1995 г. разведочной группой Л.Д.Макарова. При зачистке обнажения под огородным слоем выявлена серая супесь мощностью до 22 см – культурный слой с находками лепной керамики. Площадь поселения 1500 кв.м. Лепная керамика представлена фрагментами тонкостен-

ных (3-6 мм) сосудов серого и светло-коричневого цвета с примесью раковины в тесте, с вертикальными шейками и плоским венчиком, украшенным резными линиями. Гончарная посуда поливная (цвет поливы – зеленый), с примесью песка в тесте. Чашевидный сосуд имел вертикальный венчик с округлым краем.

Колл. УдГУ, №1983.

Голдина, Отчет 1995 г., с.6-7.

40. Зуевоключевское VI селище. Ч.к.; д.Зуевы Ключи, левый берег ручья Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Находится в 0,25 км к СЗ от Зуевоключевского I городища, на мысу коренного берега р.Камы, образованном двумя оврагами, выходящими устьями в Гремячий Лог. Высота мыса 28-30 м, поверхность ровная, слегка поката к Гремячему Логу, распахивается под многолетние травы. Открыто в 1992 г. И.Ю.Пастушенко. С поверхности собраны фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета, в тесте фиксируются примеси раковины, органики, песка и шамота.

Колл. УдГУ, №1982.

Пастушенко, Отчет 1992 г., с.3; Карпушкина, Черных, 2007, с.88-91.

41. Зуевоключевское VII селище (поселение). Ч.к., позднее средневековье; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Занимает поверхность надпойменной террасы высотой до 4,0 м, в черте деревни, к югу от улицы Окуловская Гора. В 0,17 км к С и 0,23 км к Ю от селища протекают ручьи, впадающие в р.Каму. Площадка памятника в настоящее время занята дачными участками. На площади 500 кв.м собраны фрагменты лепной и круговой керамики. Лепная посуда представлена стенками коричневого цвета, толщиной 3-8 мм, на одном фрагменте сохранилось ямочное вдавление круглой формы. Фрагменты круговой посуды принадлежали горшкам с вертикальной горловиной и отогнутым наружу округлым венчиком, толщиной стенок 6-10 мм, коричнево-серого цвета. Найдена также глиняная поделка из теста красно-коричневого обжига.

Колл. УдГУ, №1984.

Голдина, Отчет 1995 г., с.7; Карпушкина, Черных, 2007, с.88-91.

42. Зуевоключевское VIII селище. А.к., Ч.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег ручья Гремячий Ключ, правого притока р.Камы.

Находится в 1,0 км к З от Зуевоключевского I городища, в 0,8 км к Ю от Зуевоключевского III (Хижняковского) городища, в 2,5 км к ЮЗ от д.Зуевы Ключи, на правом берегу Гремячего лога. Занимает ровную площадку III надпойменной террасы, с небольшим всхолмлением в центре, ограниченную с трех сторон залесенными склонами оврагов. Высота террасы 18-20 м. Поверхность задернована. Открыто в 2005 г. разведочной группой С.Е.Перевощикова. В траншее 10,0x1,0 м выявлена следующая стратиграфия: дерн и пахота мощностью до 35 см, ниже слой темно-коричневой супеси толщиной до 50 см с находками керамики, ниже линзами фиксировался слой светло-коричневой супеси с редкими включениями углей, подстилающий – желтый песок. Керамика, найденная в слое, принадлежит сосудам ручной лепки от светло- до темно-коричневого цвета, с примесью шамота и органики. Не орнаментирована. Один из фрагментов верхней части сосуда имел вертикальную шейку, плоский венчик и наклепное ушко, поверхность имеет следы подлощения. С пахоты было поднято железное шило длиной 7 см, с круглым черешком и слегка уплощенным жалом. Размеры селища около 250x160 м.

Колл. УдГУ, №2167.

Перевощиков, Отчет 2005 г., с.8-9; Черных и др., 2007, с.398-400; Карпушкина, Черных, 2007, с.88-91.

43. Зуевключевское I поселение. Энеолит, эпоха бронзы; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Расположено на площадке Зуевключевского II городища, в 1 км к Ю от д.Зуевы Ключи, на стрелке мыса (12 м над уровнем поймы Камы), в устье Гремячего Лога, напротив Зуевключевского I городища.

В.Ф.Генингом на поселении изучено жилище – землянка глубиной более 2-х м, размером 6x4,5 м. На дне ее выявлены остатки углей от костра, собрано более 100 каменных предметов, главным образом, сколов и отщепов из кварцита, галечника, известняка. Обнаружены также 4 скребка, 2 ножа и 6 наконечников стрел из камня (рис.15). Фрагменты глиняной посуды принадлежали открытым приземистым горшкам с характерными валиками по шейке и плечикам, украшенным геометрическими узорами, выполненными мелкогребенчатым штампом, насечками, ямками. В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков связывали поселение с чирковскими племенами вт. четв. II тыс. н.э.

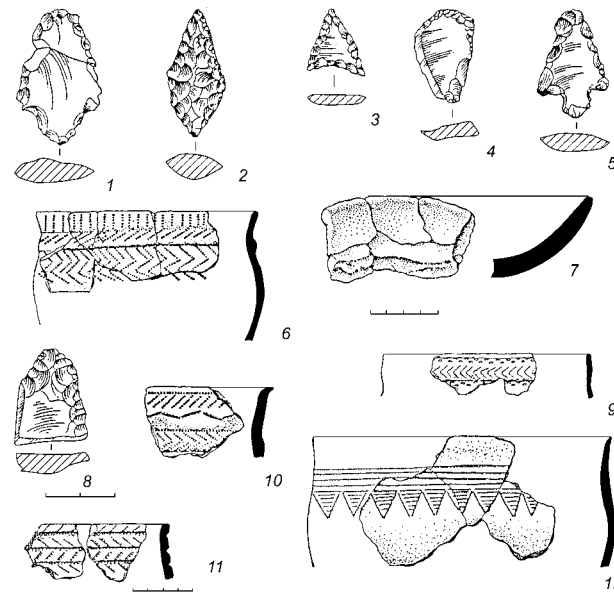

Рис. 15. Зуевключевское I поселение. Находки из раскопов В.Ф.Генинга: 1-5, 8 – кремневые изделия; 6, 9-12 – посуда; 7 – тигель (по: Голдина Р.Д., 1999)

Колл. УрГУ, №984.

Ашихмина, Генинг, 1973, с.156; Генинг, 1975, с.216-217; Халиков, 1980, с.136; Памятники истории и культуры, 1990, с.84, №872; Голдина, 1999, с.134-135; УРЭ, 2000, с.338.

44. Зуевключевское II поселение. Луг.к., Макл.к., А.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Располагалось в 0,2 км к Ю от д.Зуевы Ключи и Зуевского (Зуевключевского I) могильника, на I надпойменной террасе высотой 3-5 м, в настоящее время почти полностью смытой Нижнекамским водохранилищем. Открыто в 1981 г. Н.Л.Решетниковым. В 1988 и 1990 гг. им же исследовано. Спасательные раскопки были продолжены в 1995 г. С.Е.Перевощиковым. Общая площадь раскопов составила 360 кв.м, при площади поселения около 2000 кв.м. Культурный слой поселения толщиной до 30 см залегал под мощным слоем (до 1 м) склонового аллювия. В раскопе изучены остатки двух жилых слабоуглубленных соору-

жений прямоугольной формы, столбовой конструкции. Размеры одного, сохранившегося почти полностью, 6,0x12,0 м. Очаги занимали центральное место в пространстве жилища, хозяйственные ямы тяготели к периметру стен, в них сохранились обломки сосудов, кости сырые и кальцинированные, зола. Материальная культура поселения представлена кремневыми скребками, наконечниками стрел и отщепами, костяными поделками. Обнаружены также несколько железных предметов – ножи, наконечник копья, а также медная пронизка, глиняное пряслице, фрагменты тиглей. Очень выразительна керамика из жилищ. Она представлена обломками посуды луговской культуры и более поздней – маклашеевской (рис.16). Интерес представляют несколько фрагментов зауральского облика, украшенные гребенчатым штампом и «змейкой». Отдельный комплекс составляет керамика раннего железного века – сложношнуровая раннеананьинская.

Колл. МИКСП (г.Сарапул), №5078 НВ, 7526 КП.

Колл. УдГУ, №1913, 1976.

Решетников, Отчет 1988 г., с.14-15; Отчет 1990 г., с.1-7; Памятники истории и культуры, 1990, с.84, №873; Перевощиков, Отчет 1995 г., с.3-7; Перевощиков, Широкова, 1996, с.284-285; Митряков, 2011, с.50-53.

45. Зуевключевское III поселение. XIV-XVII вв.; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Расположено на площадке Зуевключевского I городища, занимает ЮВ часть городищенского мыса. В раскопах В.Ф.Генинга и Л.И.Ашихминой (раскопы VIIа и XIII) изучено 10 ям различной формы и размеров, группировавшихся двумя рядами на площади около 600 кв.м. Авторы раскопок атрибутировали их как остатки русской усадьбы XVI-XVII вв. С ними связаны находки большого количества железных орудий и предметов быта – коса, проушные топоры, ножи, удила, замки (рис.17). Л.Д.Макаров считает возможной и более раннюю дату комплекса – XIV-XVI вв.

Колл. НМУР, №62.

Ашихмина и др., 1972, с.182-183; Ашихмина, Генинг, 1973, с.155-156; Макаров, 2001, с.32; Останина, 2004, с.12; Макаров, 2009, с.238-248.

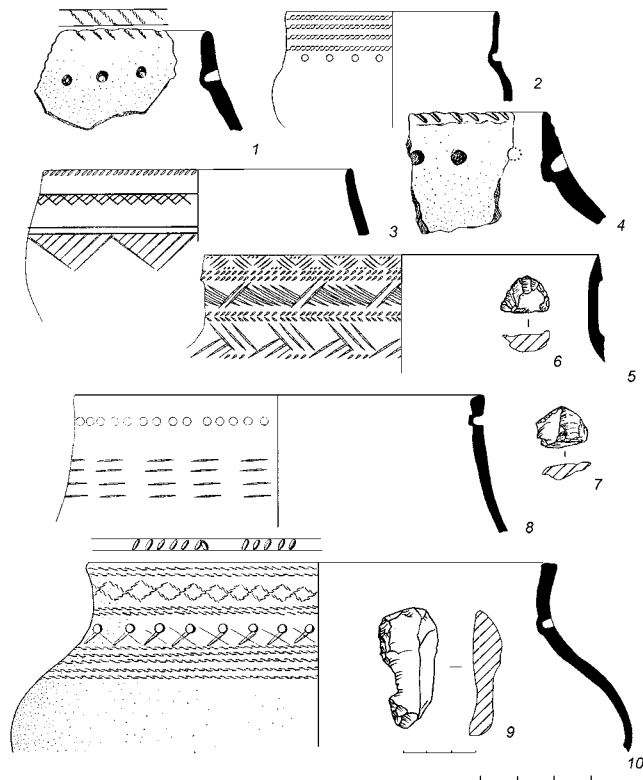

Рис. 16. Зуевключевское II поселение. Находки Н.Л.Решетникова 1990 г.: 1-5, 8, 10 – керамика; 6, 7, 9 – кремневые изделия

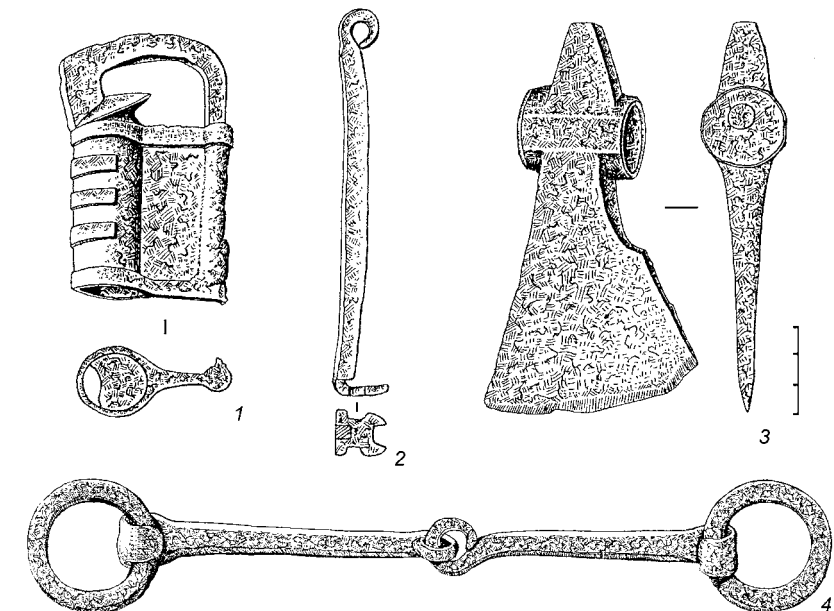

Рис. 17. Зуевключевское III поселение. Находки из раскопов 1971-1972 гг. (по В.Ф.Генингу и Л.И.Ашихминой)

46. Ильнешское I селище (поселение). М.тип, Новое время; д.Ильнеш (бывш.), левый берег руч.Ильнешка, правого притока р.Бима, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Располагается в 0,2 км к ЮЗ от бывш. д.Ильнеш, в 0,8 км к ЗЮЗ от заброшенной МТФ, в 0,5 км к СВ от впадения в руч.Ильнешка безымянного ручья. Юго-восточнее селища проходит проселочная дорога, в 0,32 км к ЮЗ находится загон для скота. В 0,35 км к З проселок пересекает плотину и выходит к автодороге д.Нырғында – с.Красный Бор. Памятник занимает водораздельное плато высотой 12 м, изрезанное балками и повышающееся к северу. Поверхность распахивается, культурный слой полностью разрушен. С поверхности подняты фрагменты лепной и круговой керамики. Лепная керамика серо-коричневого цвета, с примесью раковины, растительности, песка, толщина черепков 3-6 мм. Орнаментирована наколами по тулову. Круговая керамика темно-серого и темно-коричневого цвета, толщиной 6-11 мм представлена стенками и дном.

Колл. МИКСП, №7526НВ.

Колл. УдГУ, №1903.

Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №874; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.4.

47. Ильнешское II селище. Ч.к.; д.Ильнеш (бывш.), д.Желаново, левый берег безымянного ручья, правого притока р.Ильнешка, правого притока р.Бима, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,7 км к ЮЗ от бывшей д.Ильнеш, в 1,1 км к ЮЗ от впадения ручья в р.Ильнешка, в 1,7 км к ЮВ от д.Желаново. В 0,2 км к ВСВ от селища проходит полевая дорога к небольшому пруду и автодороге д.Нырғында – с.Красный Бор. В 0,2 км к З, на противоположном берегу ручья находится летний загон для скота, а к СВ – два островка лиственного леса. Памятник занимает распахиваемую террасу высотой 14-20 м. Открыто в 1995 г. На площади 50000 кв.м собраны около 40 фрагментов лепной керамики и каменный пест-терочник. Зафиксировано три пункта скопления материала: 1 – в южной и 2 – в северной части территории поселения. Керамика представлена фрагментами чашевидных сосудов серого и коричневого цвета, с примесью раковины и растительности в тесте, украшенными округлыми ямками. Рекогносцировочная траншея показала наличие культурного слоя – светло-серого суглинка мощностью до 22 см, залегающего под слоем распашки глубиной 18-25 см. Площадь траншеи 300 кв.м. В траншее, из слоя и пахоты подняты, кроме керамики, куски обмазки и кальцинированных костей, 19 бронзовых изделий, атрибутированных как клад (см. ниже, №150).

Колл. УдГУ, №1904.

Голдина, Отчет 1995 г., с.5-6.

48. Камское селище. А.к., Ч.к.; д.Нырғында, правый берег р.Камы.

Находится в 2,2 км к Ю от д.Нырғында, 1 км к С от р.Камы, на небольшом останце в пойме реки. Высота останца 3 м, размеры 100x100 м. По нему проходит грунтовая дорога из д.Нырғында в сторону д.Быргында. Западная и восточная части памятника залесены, восточная частично разрушена карьером. Открыто в 1954 г. В.Ф.Генингом. В 1995 г. вновь осмотрено разведочной группой КВАЭ. На площади 3000 кв.м были собраны фрагменты лепной керамики красно-коричневого цвета, толщиной стенок до 8 мм. Один из фрагментов украшен гребенчатым штампом. При зачистке обнажения выявлена следующая стратиграфия: дерн (3-5 см), ниже – серая супесь с включениями угля и известнякового камня толщиной 4-7 см. В.Ф.Генинг писал о мощной золистой супеси толщиной до 30 см.

Колл. НМУР, №58.

Колл. УдГУ, №1901.

Генинг, Отчет 1954 г, с.182-183; его же, 1956а, с.58, №32; его же, 1957, с.162; его же, 1958, №234; его же, 1971, с.92-93; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86, №123; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85, №875; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.8-9.

49. Каракулинская стоянка (см. Партизанское VI поселение (стр.44)).

50. Коростинское I селище. Ч.к.; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындина), правого притока р.Камы.

А.А.Спицын, посетивший село в 1898 г., писал, что прямо над селом, на одном из мысов, имеются следы старого поселения. Располагается в 0,6 км к СВ от северной окраины села, 0,4 км к ССВ от его заречных домов, у основания языковидного мыса, на котором размещается Коростинское VIII селище. Высота мыса около 9 м. Поверхность распахивается. Повторно обследовалось в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. С площади 1500 кв.м собраны фрагменты стенок лепных сосудов толщиной 4-6 мм, с примесью раковины в тесте, орнаментированных оттисками шнура. С селищем связана находка Коростинского клада (см. ниже №156).

Колл. УдГУ, №1919.

Древности Камы..., 1933, с.20; *Генинг*, 1958, №247; его же, 1971, с.9, №19; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86, №125; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85, №877; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.14.

51. Коростинское II селище. Ч.к.; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындина), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,4 км к ВСВ от центра села (церкви), на северном склоне высокого (до 22 м) мыса подтреугольной формы, ограниченного с северной и южной стороны оврагами. По южному оврагу протекает ручей, впадающий в р.Ижболдинка (Быргындина). Западный край мыса разрушается береговой эрозией. Поверхность длительное время распахивалась, сейчас задернована и частично занята лесопосадками. Впервые обнаружено А.А.Спицыным, собравшим с распашки керамику и медную эполетообразную застежку. Повторно обследовалось в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. разведочной группой КВАЭ.

Колл. УдГУ, №889.

Древности Камы..., 1933, с.20, рис.8; *Генинг*, 1958, №250; его же, 1971, №21, с.100; *Клюева*, Отчет 1979 г., с.77; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86-87, №126; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85, №878; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.14.

52. Коростинское III селище. РЖВ; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындина), правого притока р.Камы.

Расположено в 0,5 км к В от центра села (церкви), в 0,35 км к ЮВ от Коростинского II селища, на террасе высотой 24 м. Площадка распахивается. Открыто Г.Н.Клюевой (Журавлевой) в 1978(?) г. С площади 1800 кв.м собраны фрагменты лепной керамики темно-серого цвета с примесью раковины, без орнамента. Повторно осматривалось разведочной группой КВАЭ в 1995 г.

Колл. УдГУ, №878, 1920.

Клюева, Отчет 1979 г., с.77; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.15.

53. Коростинское IV селище. А.к., Ч.к.; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындина), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,2 км от северной окраины села, в 0,07 км к СВ от реки и 0,07 км к З от дороги, ведущей из села в поля, на ЮЗ краю прямоугольного в плане мыса высотой 14 м. В 0,01 км к С от селища на склоне мыса растет небольшой еловый лес. Открыто разведочной группой КВАЭ в 1995 г. С распахиваемой поверхности, на площади 3000 кв.м, были собраны фрагменты стенок лепных горшков светло- и темно-коричневого цвета с примесью органики в тесте, неорнаментированных.

Колл. УдГУ, №1921.

Голдина, Отчет 1995 г., с.13.

54. Коростинское V селище. Железный век; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,5 км к ССВ от северной окраины села, в 0,2 км к З от Коростинского I селища, на СЗ краю мыса высотой 14 м, в 0,03 км от дороги, ведущей из села в поля. Западный склон мыса зарос небольшим ельником. Поверхность распахивается. Открыто разведочной группой КВАЭ в 1995 г. С площади 2500 кв.м собраны венчик лепного сосуда серого цвета с примесью органики и фрагменты стенок лепных сосудов серого и светло-коричневого цвета, без орнамента.

Колл. УдГУ, №1922.

Голдина, Отчет 1995 г., с.12-13.

55. Коростинское VI селище. Железный век; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,7 км к ССВ от северной окраины села, в 0,26 км к ЗСЗ от Коростинского I селища, в 0,125 км к С от Коростинского V селища, у основания небольшого подтреугольного мыса высотой 16 м, в 0,04 км к В проходит проселочная дорога, ведущая в поля. Поверхность мыса, как и соседних, распахивается. Открыто в 1995 г. разведочной группой КВАЭ, собравшей с пахоты фрагменты лепной керамики серого и коричневого цвета с примесью толченой раковины в тесте. Площадь распространения находок 1800 кв.м.

Колл. УдГУ, №1923.

Голдина, Отчет 1995 г., с.12.

56. Коростинское VII селище. Железный век; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,4 км к СВ от центра села (церкви), в 0,16 км к В от Коростинского IV селища, в ЮВ углу большого западного мыса, высотой 14 м, склон которого покрыт небольшим смешанным лесом, за ним находится единственная в заречной части села усадьба. Селище открыто разведочной группой КВАЭ в 1995 г. Поверхность памятника распахивается, с площади 4000 кв.м собраны фрагменты стенок лепных сосудов темно-серого и темно-коричневого цвета с примесью раковины, органики и песка, без орнамента.

Колл. УдГУ, №1924.

Голдина, Отчет 1995 г., с.13.

57. Коростинское VIII селище. Железный век; с.Новопоселенное (бывш. д.Коростино), левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Располагается в 0,45 км к СВ от центра села (церкви), в 0,1 км к Ю от Коростинского I селища, в 0,07 км к СВ от Коростинского VII селища (через лог от него), на южной оконечности мыса высотой 5-7 м, ограниченного оврагами. По западному оврагу, залесенному, протекает ручей. Открыто в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. С распахиваемой поверхности, на площади 4000 кв.м собраны обломки лепной керамики серого и коричневого цвета, толщина стенок 3-6 мм, неорнаментированы.

Колл. УдГУ, №2261.

Голдина, Отчет 1995 г., с.14.

58. Кудекса, селище (поселение). I тыс. н.э., Новое время; д.Кудекса, правый берег безымянного ручья, правого притока р.Кудекса, правого притока р.Оска, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Расположено в 0,8 км к ЮЮЗ от д.Кудекса, в 0,25 км к З от полевой дороги д.Кудекса – д.Порозово, на невысоком (4-6 м) мысу водораздельного плато, ограниченном с юга заплывшим логом, с севера – склоном берега, спускающимся в долину р.Кудекса, с запада – руслом

небольшого ручья. С северо-запада к площадке поселения вплотную примыкает действующая нефтяная скважина. Поверхность распахивается, за исключением самой стрелки мыса. Памятник открыт в 2001 г. разведочной группой Т.Р.Сабирова. Заложный шурф культурного слоя и находок не дал. С пахоты собраны фрагменты лепной керамики без орнамента и круговой поливной и неполивной посуды, исключительно стенки. Площадь распространения находок около 24000 кв.м.

Колл. УдГУ, №2260.

Сабиров, Отчет 2001 г., с.4; Бернц, Богданов и др., 2002, с.329.

59. Кухтинское селище. Раннее средневековье; д.Кухтино, правый берег р.Камы.

Расположено в 3 км к ЮЮВ от д.Кухтино, в 0,7 км к ЮЮЗ от известного Кухтинского городища на высоком (28 м) краю террасы р.Камы. В южной части памятника установлена нефтешка. Поверхность памятника распахивается, в южной части занята лесонасаждениями, культурный слой полностью уничтожен. С площади 23200 кв. м собраны фрагменты неорнаментированной керамики серого и светло-коричневого цвета, с примесью песка и раковины, а также кальцинированные кости. Открыто О.В.Арма тынской в 1987 г.

Колл. УдГУ, №1615.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.32; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №879.

60. Кухтинское II селище. Ч.к.; д.Кухтино, правый берег р.Камы.

Селище располагалось за валом городища, по краю высокой (до 20 м) речной террасы. Открыто Ю.А.Поляковым в ходе стационарных работ на городище в 1969 г. На распахиваемой поверхности были собраны фрагменты керамики чегандинского времени. Площадь памятника около 100 кв.м.

Колл. НМУР, №54(101).

Поляков, Отчет за 1969 г.; его же, 1970, с.139.

61. Ломовское I селище. РЖВ; д.Ломовое (бывш.), левый берег руч.Ломовинка, левого притока р.Буториха, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,5 км к ВСВ от бывшей деревни, в 0,15 км к ССВ от заброшенного деревенского кладбища, на высоком (20 м) коренном берегу безымянного ручья. Юго-восточный склон террасы залесен, центральная часть его разрушена глубоким оврагом. Открыто в 1987 г. О.В.Арма тынской. Поверхность селища распахивается, площадь распространения находок – 16000 кв.м. Найдены фрагменты керамики светло-коричневого цвета, толщиной стенок 4-6 см, с примесью песка и шамота, один из венчиков украшен прямоугольными вдавлениями. В обнажении берега при зачистке выявлен культурный слой – темно-серый суглинок, мощностью до 20 см. Повторно обследовалось в 1995 г. разведочной группой КВАЭ.

Колл. УдГУ, №1609.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.30; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №880; Голдина, Отчет 1995 г., с.39-40.

62. Ломовское II селище. Ч.к.; д.Ломовое (бывш.), левый берег руч.Ломовинка, левого притока р.Буториха, правого притока р.Камы.

Расположено в 0,2 км к СВ от бывшей д.Ломовое, на невысоком 7-метровом мысу подпрямоугольной формы, ограниченном с востока и запада логам, по дну которых текут безымянные ручьи, у подножия южного склона террасы ручья сливаются в р.Ломовинка. Площадка террасы поката, северная часть ее выше, чем южная. Открыто О.В.Арма тынской. Поверхность памятника распахивалась, культурный слой полностью уничтожен. С поверхности собраны фрагменты керамики с примесью песка, шамота, раковины, изредка украшенные ямками. Площадь распространения находок около 24000 кв.м. В 1995 г. повторно обследовано разведочной группой КВАЭ. Установлена задернованность площадки, использование ее под пастбище, а также частичное разрушение при установке ЛЭП.

Колл. УдГУ, №1612.

Арматинская, Отчет 1987 г., с.30-31; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №881; Голдина, Отчет 1995 г., с.39.

63. Максимов Лог, селище. Ч.к.; д.Усть-Бельск, левый берег р.Ямаша, правого притока р.Камы.

Информация о памятнике получена В.Ф.Генингом при раскопках могильника Чеганда II. Местные пастухи принесли ученому горсть керамики, собранной с поля, где-то в верховьях большой балки, называемой Максимов Лог. Местонахождение до настоящего времени не обследовано.

Колл. НМУР, №100.

Генинг, Отчет 1954 г., с.12; его же, 1956а, с.59, №42; его же, 1957, с.162; его же, 1958, №256; его же, 1971, с.102, №27; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №127; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №882; Останина, 2004, с.24.

64. Малочегандинское I («Поляна») селище. Ч.к.; с.Чеганда, правый берег безымянного ручья, правого притока р.Камы.

Находится в урочище Малая Чеганда, напротив стрелки мыса Чегандинского III городища (селища) и валов городища Чеганда I, на пологом уступе правого берега ручья. У местного населения известно как «Поляна», хотя в настоящее время залесено. С севера и запада ограничено ручьями, с ЮВ – склоном оврага. Площадь составляет 2500 кв.м. Открыто А.А.Спицыным, указавшим на находки здесь вещей пьяноборского типа (треугольные бронзовые подвески, бусы, топоры, керамика). В 1912 г. обследовано Л.А.Беркутовым, собравшим керамику, украшенную ямочными вдавлениями, а также зернотерку и кости животных. Указания о памятнике есть у И.А.Талицкой и В.Ф.Генинга. Вновь обследовано в 1992 г. И.Ю.Пастушенко. В шурфе, заложенном на площадке селища,

выявлен незначительный слой лесного подзола толщиной 10-12 см, с редкими находками лепной керамики светло-коричневого и черного цвета, с примесью органики, мелкого шамота и песка в тесте. Здесь же найдено глиняное пряслице (рис.18).

Колл. УдГУ, №1917.

Спицын, 1893, с.118; Беркутов, 1914, с.36; Талицкая, 1952, №354; Генинг, 1958, №260; его же, 1971, с.103, №32; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №128; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №883; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.20-21.

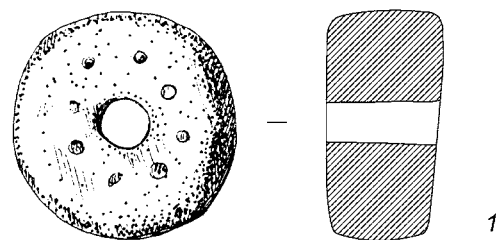

Рис. 18. Малочегандинское I селище. Пряслице (разведочные сборы 1992 г.)

65. Малочегандинское II селище. Ч.к.; д.Чеганда, правый берег безымянного ручья, правого притока р.Камы.

Расположено в 3 км к Ю от д.Чеганда, в 0,3 км от р.Камы, на пологом склоне южной оконечности лога Малая Чеганда. К СЗ от селища находится стрелка Чегандинского I городища, к югу – небольшой отвершек лога. Высота над уровнем ручья 12-18 м. Поверхность памятника залесена. Открыто в 1992 г. И.Ю.Пастушенко. Площадь распространения находок – около 12000 кв.м. На осыпях и обнажениях собран значительный подъемный материал – керамика, кости, глиняное пряслице, цилиндрическое в сечении, украшенное ямочным узором. Керамика лепная, от светло-серого до темно-коричневого и черного цвета. В качестве примеси к глине определяются органика, мелкий шамот и песок. Один из фрагментов украшен по шейке прямоугольными вдавлениями.

Колл. УдГУ, №1918.

Пастушенко, Отчет 1992 г., с.5-6.

66. Нырғындинская стоянка. Луг.к., XII-XI вв. до н.э.; д.Нырғында, правый берег р.Камы.

Находится на южной окраине деревни, у края террасы коренного берега р.Камы, на мысу высотой 4-5 м, образованном оврагом и поймой Камы. Позднее площадка была занята пьяноборским Нырғындинским II могильником, который раскапывался в 1898 г. А.А.Спицыным, в 1954, 1968-1969 гг. – В.Ф.Генингом. К эпохе бронзы относятся несколько ям и зольных пятен, расположенных в юго-западной и юго-восточной частях мыса, наконец стрелы треугольной формы с выемкой в основании из зеленого сланца и фрагменты горшковидных и баночных лепных сосудов с примесью раковины и шамота в тесте, украшенных резными линиями, оттисками гребенки, редко – каннелюрами (рис.19).

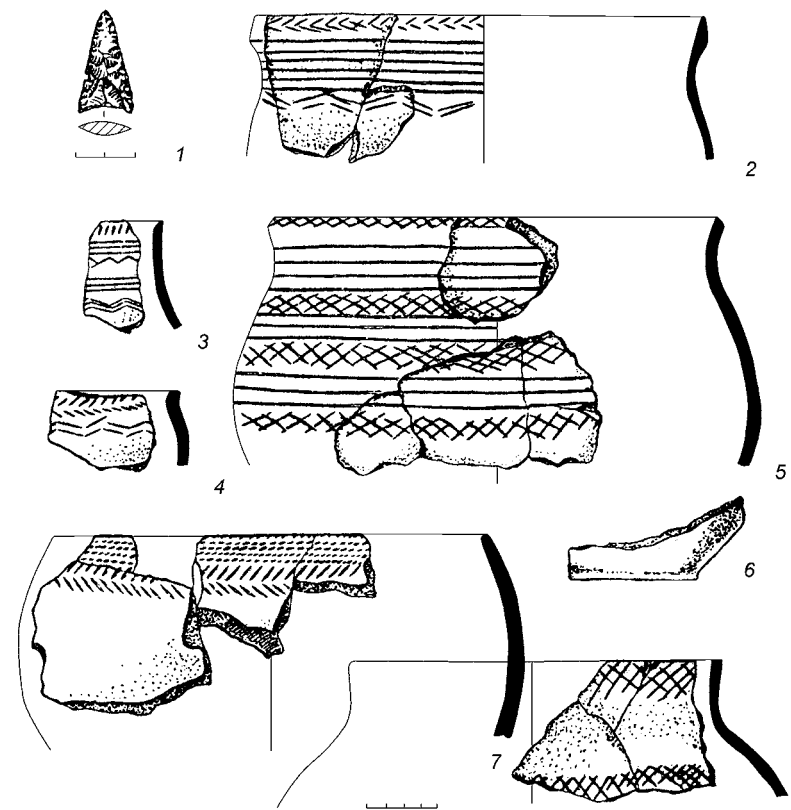

Рис. 19. Нырғындинская стоянка. Кремневый наконечник стрелы и керамика (по: Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1977)

Колл. УрГУ, №670.

Древности Камы..., 1933, табл. IX-25, 27, 38; X-10; Генинг, Отчет 1954 г., с.100-102; его же, 1955, с.62; его же, 1956а, с.46; его же, 1958, №231; Генинг, Трофименко, Отчет 1968 г., с.80-93; Ашихмина, Генинг, 1977, с.93-97; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №129; Памятники истории и культуры, 1990, с.85, №884.

67. Нырғындинское I селище. Ч.к.; д.Нырғында, левый берег р.Нырғындинки, правого притока р.Камы.

Находится на высоком подтреугольном мысу (высота 12 м), в 0,25 км к северу от д.Нырғында, в 0,6 км к ЮВ от Нырғындинского I городища. У подножия террасы проходят две дороги из д.Нырғында в луга. На склонах мыса и в пойме реки ранее был колхозный сад.

Поверхность распахивается. Селище было открыто в 1977 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), собравшей с пахоты фрагменты лепной керамики серого и светло-коричневого цвета, с примесью раковины в тесте, орнаментированной ямочными вдавлениями. Площадь памятника 3000 кв.м. Повторно осматривалось КВАЭ в 1995 г. и 2001 г.

Колл. УдГУ, №872.

Клюева, Отчет 1977 г., с.15; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85, №885; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.9-10; *Лукин*, Отчет 2001 г., с.17.

68. Нырғындынское II селище. Ч.к.; д.Нырғында, левый берег р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Расположено в 0,5 км к С от деревни, в 0,9 км к ЮЮВ от Нырғындынского I городища, на мысу пологого берега р.Нырғындынка высотой 11 м. Площадь селища около 12 тыс. кв.м, ограничена с северной и южной сторон оврагами, а с восточной стороны – склоном к пойме р.Нырғындынка. Поверхность распахивается. Памятник открыт в 1983 г. Н.Л.Решетниковым. Найдены фрагменты керамики с примесью раковины и ямочным орнаментом. Повторно осматривалось в 1995 г. и 2001 г. разведочными группами КВАЭ.

Колл. УдГУ, №2262.

Решетников, Отчет 1983 г., с.7-8; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85-86, №886; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.10; *Лукин*, Отчет 2001 г., с.18.

69. Нырғындынское III селище. А.к., Ч.к.; д.Нырғында, правый берег р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Находится на северной окраине деревни, на подтреугольном мысу 10-метровой террасы, отделенном оврагом от крайней усадьбы. Поверхность террасы распахивается. Памятник открыт в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. Из разрушенного слоя, с площади 4500 кв.м, подняты фрагменты лепной керамики серого и светло-коричневого цвета, с примесью толченой раковины в тесте, с шнуровым орнаментом. Повторно осматривалось Е.В.Лукшиным в 2001 г. В 2006 г. обследовалось в связи с планами газификации района. Установлен факт активного разрушения памятника вследствие овражной эрозии. Мощность разрушенного распашкой слоя в отдельных обнажениях достигала 30 см.

Колл. УдГУ, №2174.

Голдина, Отчет 1995 г., с.11; *Лукин*, Отчет 2001 г., с.18; *Первощиков*, Отчет 2006 г., с.11-13; его же, 2009, с.480.

70. Нырғындынское IV селище. РЖВ; д.Нырғында, правый берег р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,6 км к ССЗ от д.Нырғында, на невысокой (до 8 м) террасе. В 0,15 км к В от него, на противоположном берегу реки находится Нырғындынское I («Ола-Курук») городище. Открыто в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. Терраса распахивается. С площади около 1000 кв.м собраны фрагменты лепной неорнаментированной керамики серого и светло-коричневого цвета, с примесью раковины и органики в тесте.

Колл. УдГУ, №1889.

Голдина, Отчет 1995 г., с.11.

71. Нырғындынское V селище. Ч.к.; д.Нырғында, правый берег р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Памятник находится в 0,8 км к ССЗ от деревни, в 0,6 км к Ю от Нырғындынского I («Ола-Курук») городища, на террасе высотой 11 м. С юга террасу разрезает небольшая ложбина, восточный склон зарос смешанным лесом. Терраса распахивается под зерновые культуры. Селище открыто в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. Повторно осматривалось в 2001 г. С поверхности пахоты подняты фрагменты лепной керамики без орнамента, от серого до темно-коричневого цвета, с примесью толченой раковины в тесте.

Колл. УдГУ, №1890.

Голдина, Отчет 1995 г., с.10; *Лукин*, Отчет 2001 г., с.16.

72. Нырғындынское VI селище. Ч.к.; д.Нырғында, левый берег безымянного ручья, правого притока р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,5 км к ССЗ от деревни, в 1,1 км к СЗ от Нырғындынского V селища, на берегу ручья, протекающего по Тептярскому логу и впадающего в р.Нырғындынка в 0,9 км к СВ. Занимает край водораздельного плато, высота от ручья достигает 4 м. Поверхность памятника распахивается. Обнаружен в 1995 г. разведочной группой КВАЭ, собравшей с пахоты фрагменты лепной керамики серого и коричневого цвета, без орнамента, в тесте визуально видна примесь толченой раковины. Площадь распространения находок 2500 кв.м. Осматривался в 2001 г. Е.В.Лукшиным.

Колл. УдГУ, №1891.

Голдина, Отчет 1995 г., с.11; *Лукин*, Отчет 2001 г., с.17-18.

73. Нырғындынское VII поселение. А.к., Ч.к., раннее средневековье, VIII в. до н.э. – VII в. н.э.; д.Нырғында, правый берег ручья «Божья речка», левого притока р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Находится в 0,9 км к СЗ от д.Нырғында, напротив Нырғындынского II городища, на высокой распахиваемой террасе. Открыто разведочной группой Д.А.Салангина в ходе исследований городища в 1998 г. Активно размывается ручьем. Состояние определено как аварийное. Площадь определена по распространению находок на пашне. Полевая документация не сохранилась.

74. Партизанское I (Каракулинское, Партизан I) селище. А.к.; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Находится в 0,28 км к СВ от поселка и занимает мыс высотой 20 м напротив Каракулинского («Вятский Клесть») могильника. Северный и западный склоны возвышенности круты, южный – более пологий. Открыто Г.И.Матвеевой в 1954 г. (названо в отчете Каракулинским), повторно обследовано в 1969 г. Л.И.Ашихминой. Поверхность памятника распахивалась, в настоящее время задернована. Л.И.Ашихмина отметила зольное пятно на пашне вместе со скоплениями мелких обожженных костей и лепной керамики. Керамический материал весьма выразительный – в тесте примесь раковины, орнамент в виде горизонтальных рядов шнура и ямок, «воротничок» на шейке. Вновь осмотрено в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и в 1995 г. разведочной группой КВАЭ, в 2009 г. – А.Е.Митряковым.

Колл. НМУР, №55.

Колл. УдГУ, №874, 914, 1618.

Матвеева, Отчет 1954 г., с.75; *Генинг*, 1958, №275; *Ашихмина*, Отчет 1969 г., с.6-7; *Генинг*, 1971, с.106, №40; *Клюева*, Отчет 1979 г., с.28; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.86, №124; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.85, №876; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.37; *Останина*, 2004, с.20; *Митряков*, Отчет 2009 г., с.9-11.

75. Партизанское II поселение. Эпоха бронзы, А.к.; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Расположено в 0,36 км к В от поселка, на мысу первой надпойменной террасы высотой 7-9 м. С западной стороны площадка памятника ограничена логом и протекающим по его дну ручьем, южный склон обращен к реке и интенсивно разрушается береговой абразией. Площадь поселения 5800 кв.м. Памятник открыт в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) (как селище), прежде на нем располагались школа и сад. В 1983 г. обследовался Н.Л.Решетниковым (в отчете названо Первомайской стоянкой). Мониторинг 1995 г. показал, что площадь поселения застроена, на ней разместились турбаза ПО «Ижмаш». При строительстве разрушена восточная часть поселения, где культурный слой срезан тяжелой техникой и засыпан песком.

толщиной до 1,0 м. В этом же году Н.Л.Решетниковым были заложены 2 рекогносцировочных раскопа общей площадью 18 кв.м. В раскопе 2, разбитом в небольшой ложбине, выявлен культурный слой в виде темно-серого пестроцвета, мощностью до 0,7 м. Полученная коллекция – около 900 находок. Это – кремь, обломки тигля, костяных поделок, фрагменты лепной керамики с примесью в тесте речных раковин (рис.20), в том числе, со сложношнуровой орнаментацией, характерной для раннеананьинского культурного комплекса Среднего Прикамья. Очередное обследование памятника проводилось в 2009 г. А.Е.Митряковым.

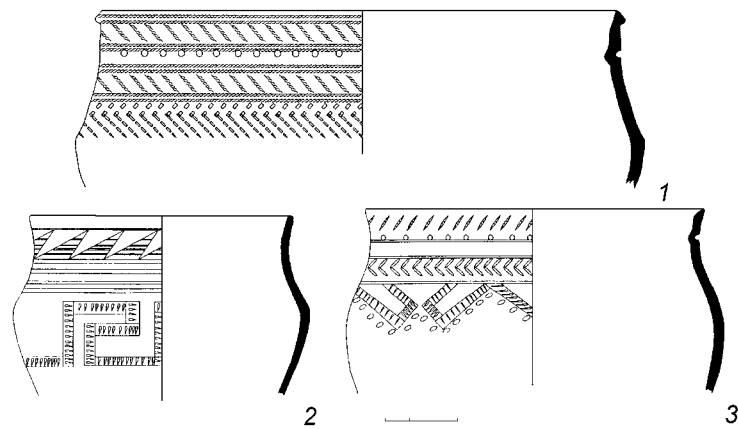

Рис. 20. Партизанское II поселение. Керамика из раскопа Н.Л.Решетникова 1995 г.

76. Партизанское III поселение. Эпоха бронзы, РЖВ; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Расположено в 0,5 км к В от поселка, в 0,3 км выше по течению реки от Партизанского II поселения, на мысу первой надпойменной террасы, образованном берегом Камы и небольшим логом, по дну которого протекает ручей. Высота террасы 7-11 м. Берег разрушается абразией, дачной застройкой. Открыто поселение в 1979 г. Г.Н.Клюевой. Площадь его 25400 кв.м. С осыпей и прибрежной отмели собраны фрагменты лепной керамики с примесью толченой раковины в тесте (рис.22-1,2). В 1995 г. повторно осмотрено Н.Л.Решетниковым, отметившим находки керамики маклашеевского типа, а также катастрофические разрушения культурного слоя Нижнекамским водохранилищем.

Колл. МИКСП, №5117НВ.

Колл. УдГУ, №967, 1929.

Клюева, Отчет 1979 г., с.29; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №889; Решетников, Отчет 1995 г., с.6-7; его же, 1996, с.285-286.

77. Партизанское IV поселение. Энеолит, эпоха бронзы, XV-XI вв. до н.э., А.к.; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Находится напротив Партизанского III поселения, на мысу первой надпойменной террасы высотой 4-5 м, на склоне южной экспозиции. Площадка поселения с СЗ стороны прикрывается

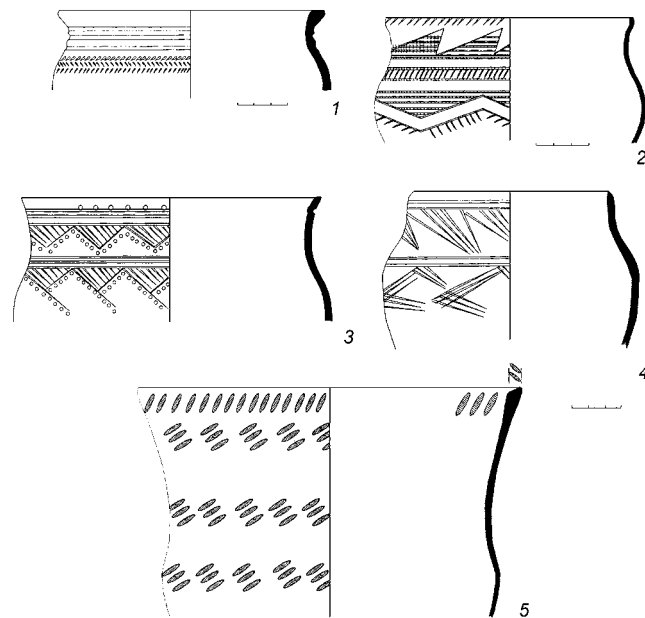

Рис. 21. Партизанское IV поселение. Керамика из раскопов Н.Л.Решетникова 1996-1997 гг.

небольшим повышением террасы в сторону коренного плато. Поверхность задернована. В 0,1 км к СВ от поселения находится дачный массив. Площадь поселения 800 кв.м.

Открыто в 1995 г. Н.Л.Решетниковым, обнаружившим при зачистке берегового обнажения культурный слой – темно-серый суглинок толщиной 25-35 см, с включениями углей, сырых и кальцинированных костей, керамики и кремневых изделий. Небольшим раскопом – около 120 кв.м – в 1996-1997 гг. тем же исследователем изучено жилое сооружение полуподземного типа, прямоугольной формы, шириной 7,0 м и длиной более 10,0 м. На полу жилища выявлено 7 очажных пятен, располагавшихся двумя рядами вдоль длинных стенок постройки. В слое, заполнявшем котлован, найдены фрагменты костяных поделок, костяной и кремневые наконечники стрел, кремневые орудия, сколы и отщепы, медные шило и нож, кости животных, фрагменты керамики, развалы не менее 10 сосудов, а также фрагменты обожженного человеческого черепа. Керамика происходит от плоскодонных горшков и банок, имеет в тесте примесь толченой раковины, украшена гребенчатым штампом, резными линиями и ямочными вдавлениями. Узоры геометрические – косые отрезки и горизонтальные линии, ромбы, меандры, заштрихованные треугольники (рис.21).

Колл. УдГУ, №966.

Клюева, Отчет 1979 г., с.29-30; Решетников, Отчет 1983 г., с.6; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №888; Голдина, Отчет 1995 г., с.38; Решетников, Отчет 1995 г., с.3-6; его же, 1996, с.285-286; Митряков, Отчет 2009 г., с.11-12.

небольшим повышением террасы в сторону коренного плато. Поверхность задернована. В 0,1 км к СВ от поселения находится дачный массив. Площадь поселения 800 кв.м.

Открыто в 1995 г. Н.Л.Решетниковым, обнаружившим при зачистке берегового обнажения культурный слой – темно-серый суглинок толщиной 25-35 см, с включениями углей, сырых и кальцинированных костей, керамики и кремневых изделий. Небольшим раскопом – около 120 кв.м – в 1996-1997 гг. тем же исследователем изучено жилое сооружение полуподземного типа, прямоугольной формы, шириной 7,0 м и длиной более 10,0 м. На полу жилища выявлено 7 очажных пятен, располагавшихся двумя рядами вдоль длинных стенок постройки. В слое, заполнявшем котлован, найдены фрагменты костяных поделок, костяной и кремневые наконечники стрел, кремневые орудия, сколы и отщепы, медные шило и нож, кости животных, фрагменты керамики, развалы не менее 10 сосудов, а также фрагменты обожженного человеческого черепа. Керамика происходит от плоскодонных горшков и банок, имеет в тесте примесь толченой раковины, украшена гребенчатым штампом, резными линиями и ямочными вдавлениями. Узоры геометрические – косые отрезки и горизонтальные линии, ромбы, меандры, заштрихованные треугольники (рис.21).

Небольшой комплекс посуды принадлежит энеолитической эпохе – это плотные по фактуре черепки с примесью песка и шамота, орнаментированные гребенчатым штампом и насечками. Собрана также посуда позднеананьинского облика.

Очередное обследование в 2009 г. показало, что памятник активно разрушается береговой эрозией.

Колл. МИКСП, №7649НВ, 7651НВ, 7108НВ, 8346НВ.

Решетников, Отчет 1995 г., с.7-8; его же, Отчет 1996 г., с.2-10; его же, 1996, с.286; его же, Отчет 1997 г., с.14-19; Митряков, Отчет 2009 г., с.13-15.

78. Партизанское V поселение. Энеолит, эпоха бронзы, А.к.; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Расположено в 0,8 км к ВСВ от поселка, в 0,2 км к ВСВ от Партизанского IV селения, вверх по течению р.Камы, на краю надпойменной террасы, высотой до 8 м. Площадь поселения ограничена двумя небольшими оврагами, по которым текут ручьи, частично залесена и сильно размывается Нижнекамским водохранилищем. Открыто в 1995 г. Н.Л.Решетниковым, тогда же обследовано разведочной группой КВАЭ. С обнажения террасы подняты фрагменты лепной керамики, орнаментированной гребенчатым штампом и

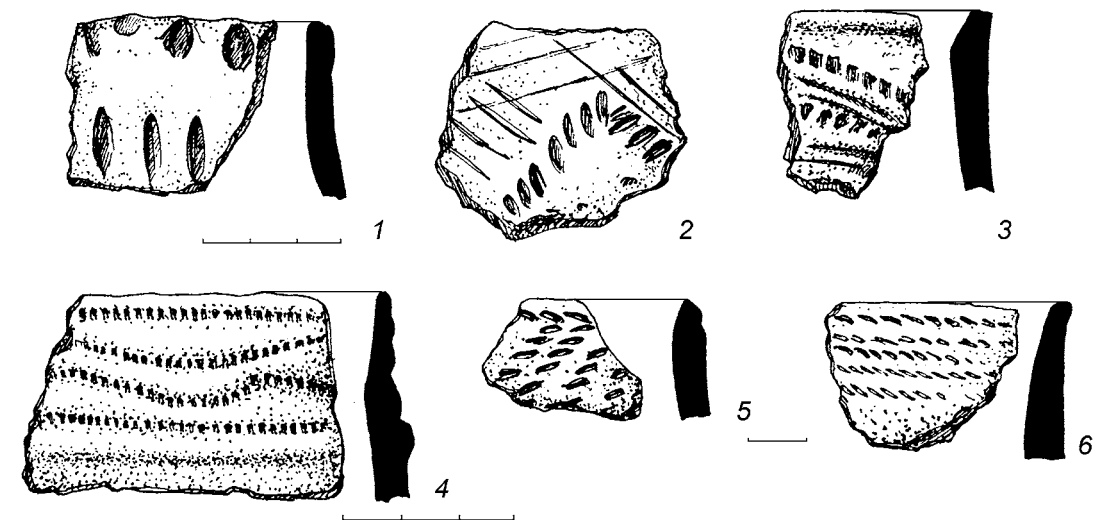

Рис. 22. Партизанские III (1, 2) и V (3-6) поселения. Керамика (разведочные сборы Н.Л.Решетникова 1995 г.)

шнуровыми отпечатками (рис.22-3-6). Толщина стенок варьирует от 2 до 8 мм, в примеси к тесту отмечена органика и толченая раковина.

Колл. УдГУ, №1930.

Голдина, Отчет 1995 г., с.38-39.

*Партизанское VI поселение (Каракулинская стоянка). Эпоха бронзы, А.к.; пос. Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Расположено в 0,36 км к ЮВ от поселка, на мысу первой надпойменной террасы р.Камы, высотой 6-9 м. С востока площадка поселения ограничена логом с текущим по нему ручьем, южный склон обращен к реке и активно разрушается.

Открыто в 1979 г. Г.Н.Клюевой и было включено в Каталог 1990 г. как Партизанское IV поселение. Площадь поселения 1800 кв.м. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь мощностью до 16 см – насыщено находками лепной керамики. Повторно обследовалось в 1983 г. Н.Л.Решетниковым и в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. В настоящее время застроено зданиями профилактория ПО «Ижмаш» и постройками садового хозяйства. Керамика имеет примесь в тесте раковины, шамота, органики, украшена резными линиями, оттисками гребенчатого штампа и шнура. Надо полагать, что именно этот памятник следует отождествлять с Каракулинской стоянкой, выявленной И.Н.Смирновым.

Обследование 2009 г. показало значительные разрушения памятника хозяйственной деятельностью человека.

Колл. МИКСИ, №5084НВ, 7526КП, 10421КП, 5121НВ.

Колл. УдГУ, №2256.

Смирнов, 1895, с.266-267; Талицкая, 1952, №593; Генинг, 1956а, с.60, №52; Клюева, Отчет 1979 г., с.30; Решетников, Отчет 1983 г., с.6; Памятники истории и культуры, 1990, с.8, №890; Голдина, Отчет 1995 г., с.37; Митряков, Отчет 2009 г., с.15-16.

79. Святица, селище. А.к., Ч.к.; д.Ныргында, с.Новопоселенное, левый берег ручья Святица, правый берег р.Камы.

Расположено в 3,0 км к В от д.Ныргында и 3,0 км к З от с.Новопоселенное, на 5-метровой террасе, ограниченной с запада оврагом, по дну которого протекает руч.Святица. У подножия террасы проходит полевая дорога из д.Ныргында в с.Новопоселенное, в 0,8 км к ЮЮЗ находится кладбище д.Ныргында. Поверхность распаивается. Памятник открыт разведочной группой КВАЭ в 1995 г. На пахоте собраны фрагменты лепной керамики с примесью раковины в глиняном тесте, без орнамента. Площадь распространения находок 1600 кв.м.

Колл. УдГУ, №1926.

Голдина, Отчет 1995 г., с.12.

80. Устьбельское I («Плоское место») селище. Ч.к.; д.Усть-Бельск, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,1 км к СЗ от деревни, на мысовидном выступе коренного берега Камы, образованном руслом р.Б.Емаша и впадающим в нее ручьем. Поверхность мыса полого спускается к Каме, образуя обширную логовину длиной более 1 км. Перепад высот составляет 60 м. Вдоль реки и ручья встречаются заросли ивы и ольхи. Ранее интенсивно распаивалось, в настоящее время задерновано. Юго-западная часть площадки частично занята огородами жителей деревни.

Памятник был открыт в 1910 г. Л.А.Беркутовым, зафиксировавшим его местное название «Плоское место» и значительную площадь распространения находок керамики, костей животных и камней. Им же найдены глиняное пряслице и медная привеска. В 1954 г. поселение обследовано Б.Х.Кадиковым в рамках сплошного разведочного маршрута по Каме, организованного УАЭ под руководством В.Ф.Генинга. Отмечена полная разрушенность культурного

* Дано современное название памятника. На карте указано под №49.

слоя, достигавшего в толщину 20-25 см. С пахоты собраны серебряная подвеска и несколько каменных зернотерок.

Повторное обследование памятника проводилось в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой). В 1980 г. ею же и В.Лекомцевым были проведены раскопки селища. Заложены три разведочных траншеи и два раскопа общей площадью 284 кв.м. Культурный слой в обоих раскопах разрушен распашкой. Мощность слоя разрушения 20-40 см. На материке выявлены пятна прокаленной глины от разрушенных очагов, расположенные в ряд, вытянутый с запада на восток, а также остатки двух хозяйственных ям. К этим объектам была приурочена основная часть находок – фрагменты лепной керамики, кусочки глиняной обмазки, обломок рюмкообразного тигля. В пределах раскопа II из слоя распашки происходят обломки глиняных пряслиц (рис.23), «лепешек» и железный втульчатый предмет. Керамика (около 500 фрагментов) лепная, от слабопрофилированных сосудов чашевидной формы, орнаментирована по шейке вдавлениями круглой, ромбовидной и длинной формы. Все находки составляют типичный комплекс, присущий памятникам I-III вв. н.э. чегандинской культуры, известный и по близлежащему городищу Чеганда I. В 1992 г. памятник обследован И.Ю.Пастушенко. Площадь распространения находок определена в 500000 кв.м. Повторно осматривалось в 2001 г. Памятник находится на территории Природного парка «Усть-Бельск».

Колл. НМУР, №59.

Колл. УдГУ, №1124.

Беркутов, 1914, с.49; Талицкая, 1952, №352; Кадиков, Отчет 1954 г., с.67-68; Генинг, 1958, №251; его же, 1971, с.101, №22; Клюева, Отчет 1979 г., с.23-24; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №131; Клюева, Отчет 1980 г., с.15-18; Памятники истории и культуры, 1990, с.8, №891; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.16-17; Лукишин, Отчет 2001 г., с.23.

81. Устьбельское II (Быргындинское, «Каменный Лог», «Под Клименом») селище. А.к., Ч.к.; д.Усть-Бельск, левый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

Находится в 2,0 км к СЗ от д.Усть-Бельск, в 0,3 км от дороги, ведущей к ней с тракта с.Каракулино – с.Красный Бор, в 0,3 км к ВСВ от городища Каменный Лог. Расположено на краю лога, уступами спускающегося к р.Бол.Емаша. Лог прорезает коренной берег, полого поднимающийся к востоку. Склоны лога задернованы в нижней своей части, а в верхней – покрыты сосновыми насаждениями. Высота коренного плато в районе селища составляет 80 м.

Выявлено селище в 1910 г. Л.А.Беркутовым, нашедшим здесь обломки зернотерок и тигля, фрагменты лепной керамики. В 1957 г. – обследовано В.Е.Стойновым. Разведочные обследования 1992 г. позволили уточнить топографию памятника, его размеры и культурную принадлежность. Подъемный материал представлен кусками шлака, обломком терочника и фрагментами керамики с примесью мелко толченой раковины, режее органики и шамота в тесте. Форма лепных сосудов реконструируется как слабопрофилированные чаши

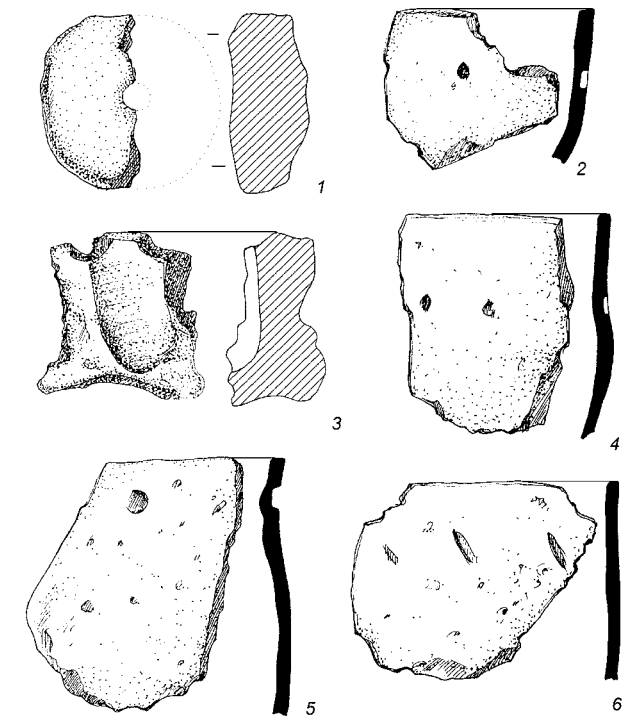

Рис. 23. Устьбельское I селище («Плоское место»).

Находки из раскопа Г.Н.Клюевой 1980 г.:

1 – обломок пряслица; 2, 4-6 – посуда; 3 – тигель

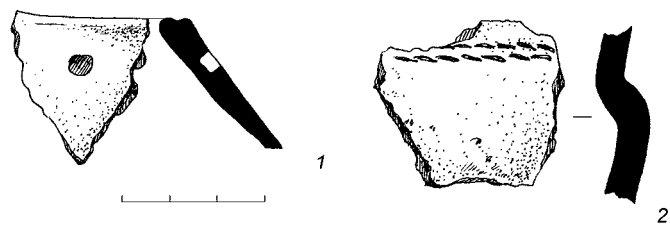

Рис. 24. Устьбельское II селище. Обломки глиняных сосудов из разведочных сборов 1992 г.

рии и культуры, 1979, с.87, №132; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №892; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.17-18; Лукишин, Отчет 2001 г., с.23-24; Останина, 2004, с.17.

82. Устьбельское III селище. Ч.к.; д.Усть-Бельск, левый берег р.Б.Емаши, правого притока р.Камы.

Памятник расположен в 0,15 км к СВ от д.Усть-Бельск, на склоне коренного берега р.Камы, в 0,5 км от последней. Высота площадки селища составляет 75-90 м над уровнем водохранилища. Поверхность распахируется.

Открыто в 1992 г. И.Ю.Пастушенко, собравшего с поверхности фрагменты керамики и кусок шлака, повторно осмотрено в 2001 г. Е.В.Лукшиным. Керамика серого и светло-коричневого цвета, в тесте примесь раковины и песка. По обломкам верхней части сосудов можно судить, что они принадлежали горшкам с вертикальной горловиной, украшенной рядом ямочных вдавлений округлой или овальной формы. В настоящее время памятник разрушен строительством горнолыжного спуска.

Колл. УдГУ, №1987.

Пастушенко, Отчет 1992 г., с.5; Лукишин, Отчет 2001 г., с.24.

83. Чегандинское I («За морями») селище. Железный век; д.Усть-Бельск, правый берег р.Камы.

Указание на находки керамики, пряслица и других вещей в местности «За морями» имеется у Л.А.Беркутова. Данное название соответствует высокому коренному берегу р.Камы, в 1,5 км к СВ от д.Усть-Бельск, где основное плато прорезано т.н. «Крутинским Логом». Разведками 1954 г. и последующими памятник найден не был.

Беркутов, 1914, с.50; Талицкая, 1952, №351; Кадиков, Отчет 1954 г., с.70; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №133; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №893.

84. Юньгинское I селище. А.к.; д.Юньга, левый берег р.Кобылка, правого притока р.Камы.

Находится в 0,15 км к В от северной оконечности деревни, на коренном берегу Камы, уступами спускающегося к реке Кобылка (Каракулка). Открыто в 1987 г. О.В.Арма тынской, собравшей подъемный материал на трех уступах террасы между рекой Камой и трактом с.Каракулино – с.Красный Бор. Нижний уступ возвышается над поймой Кобылки на 8 м, его размеры 60x40 м (площадь 1500 кв.м). При шурфовке выявлен культурный слой мощностью до 30 см. Средний уступ имеет высоту до 25 м

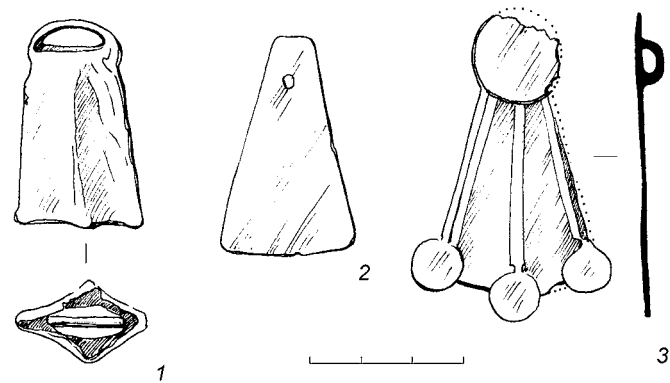

Рис. 25. Чегандинское II городище (селище). Находки из дореволюционных сборов (по: Спицын А.А., 1933)

с плоскими либо округлыми венчиками, украшенные узорами из ямочных вдавлений и оттисков шнура (рис.24).

Колл. НМУР, №198.

Колл. УдГУ, №1928.

Беркутов, 1914, с.51; Талицкая, 1952, №349; Стоянов, Отчет 1957 г., л.310; Генинг, 1958, №257; его же, 1971, с.102, №26; Памятники истории и культуры, 1979, с.87, №132; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №892; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.17-18; Лукишин, Отчет 2001 г., с.23-24; Останина, 2004, с.17.

и площадь около 5000 кв.м, находится к В от первого. Культурный слой достигает 30 см. Третья площадка, высотой до 36 м, расположена в 50 м к ССВ от предыдущего уступа через широкий и глубокий лог. Здесь слой полностью распахан, площадь распространения находок составляет около 3000 кв.м. Керамика, собранная на всех трех площадках, близка между собой, это обломки лепных, с примесью в тесте раковины, шамота, песка, сосудов со шнуровой орнаментацией. По всей видимости, речь может идти о трех разных поселениях. Повторно осматривалось в 1995 г. и 2001 г.

Колл. УдГУ, №1610.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.28-30; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №894; Голдина, Отчет 1995 г., с.31-32; Лукишин, Отчет 2001 г., с.5.

85. Юньгинское II селище. А.к.; д.Юньга, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,14 км к З от южной окраины деревни, на высоком (24-30 м) коренном берегу реки Камы. Занимает распахиваемую поверхность, имеющую уклон с ЗСЗ на ЮЮВ, размерами 400x70-130 м (площадь около 4 га). Площадка селища пересекается полевой дорогой, идущей вдоль террасы, к югу от террасы поверхность памятника задернована и используется под пастбище.

Селище обнаружено в 1987 г. О.В.Арма тынской, собравшей на пашне фрагменты лепной керамики светло-коричневого цвета, с примесью раковины, шамота и песка в глиняном тесте. Сосуды украшены рядом крупных ямочных вдавлений по шейке и защипами – по венчику. В ходе разведочных обследований 1995 г. коллекция пополнилась керамическими обломками, украшенными оттисками шнура. Повторный осмотр в 2001 г. и 2009 г. показал, что поверхность памятника регулярно распахиывается по всей площади.

Колл. УдГУ, №1611.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.28; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №895; Голдина, Отчет 1995 г., с.33-34; Лукишин, Отчет 2001 г., с.7; Митряков, Отчет 2009 г., с.20.

86. Юньгинское III селище. А.к.; д.Юньга, правый берег р.Камы.

Расположено в 2,5 км к З от д.Юньга и 1,0 км к В от с.Колесниково, на мысу коренной террасы, имевшем форму треугольника, площадью около 3 га. Высота террасы около 40 м, поверхность мыса имеет значительный перепад высот – около 12 м. Края мыса обрывисты и продолжают активно разрушаться береговой эрозией. С восточной стороны мыса формируется обширный овраг, у подножия западной – протекает ручей, впадающий в Каму. Поверхность поселения задернована и используется под пастбище.

Памятник открыт в 1987 г. О.В.Арма тынской. При зачистке обнажения в СЗ части мыса был выявлен культурный слой, не тронутый распашкой, толщиной 40-45 см, насыщенный углем и кусочками обожженной глины. В слое найдены керамика ананьинского облика (украшенная оттисками шнура и ямочными вдавлениями) и кальцинированные кости. Повторно обследовалось разведочными группами КВАЭ в 1995 г., 2001 г. и 2009 г.

Колл. УдГУ, №1621.

Арма тынская, Отчет 1987 г., с.27; Памятники истории и культуры, 1990, с.86, №896; Голдина, Отчет 1995 г., с.31; Лукишин, Отчет 2001 г., с.7-8; Митряков, Отчет 2009 г., с.21-22.

87. Юньгинское IV селище. РЖВ; д.Юньга, левый берег безымянного ручья, правого притока р.Камы.

Расположено в 2,0 км к западу от деревни, на мысу высотой до 45-55 м коренного берега р.Камы, напротив Юньгинского III селища. С запада мыс ограничен логом, по дну которого протекает безымянный ручей, южный залесенный склон обращен к Каме. Вдоль западного и южного склонов террасы походит полевая дорога в д.Юньга. Юго-западная часть мыса нарушена обрывом, старыми деревянными постройками. Поверхность селища ровная, распахиывается. Культурный слой полностью уничтожен. Открыто в 1987 г. О.В.Арма тынской.

Найдены мелкие фрагменты неорнаментированной керамики с примесью песка, шамота и мелкотолченой раковины в тесте. Площадь распространения находок 40000 кв.м. Повторно осматривалось в 1995 г., 2001 г. и 2009 г.

Колл. УдГУ, №1622.

Арматинская, Отчет 1987 г., с.27-28; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.86, №897; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.31; *Лукишин*, Отчет 2001 г., с.8; *Митряков*, Отчет 2009 г., с.22-23.

88. Ямаша I, селище. Ч.к.; д.Усть-Бельск, правый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

Расположено в излучине р.Б.Емаша, у подножия городища Каменный Лог, в 1,0 км к Ю и ЮЮЗ от автомобильной дороги с.Каракулино – с.Красный Бор. Памятник занимает довольно пологий мысовидный выступ правого берега реки высотой до 8 м. Обнаружен памятник в 1954 г. Б.Х.Кадиковым, собравшим с пахоты невыразительный керамический материал.

Повторно осматривался в 1978 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко. Установлено, что в настоящее время поверхность задернована, но долговременная распашка привела к значительной эрозии слоя, фиксируемой по многочисленным ложбинам от стока талых и дождевых вод. Площадь распространения находок определена в 19500 кв.м.

Колл. НМУР, №84.

Колл. УдГУ, №871.

Кадиков, Отчет 1954 г., с.67; *Генинг*, 1958, №254; его же, 1971, с.101; *Клюева*, Отчет 1978 г., с.13; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.87, №136; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.86-87, №898; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.16; *Останина*, 2004, с.28.

89. Ямаша II, селище. Ч.к.; д.Быргында, правый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

Расположено в 0,7-0,8 км к Ю от автомобильной дороги с.Каракулино – с.Красный Бор, напротив Быргындинского VII («Каравай») селища. Занимает мыс, образованный двумя логами, выходящими к р.Б.Емаша. Высота мыса 6-8 м. Большая часть поверхности залесена, частично распахана. Площадь распространения находок около 2000 кв.м. Культурный слой не превышал 35 см, но полностью разрушен распашкой.

Памятник найден в 1954 г. разведкой Б.Х.Кадикова. В 1957 г. на селище В.Е.Стояновым был заложен рекогносцировочный раскоп 72 кв.м, изучена часть наземного жилища прямоугольной формы с глинобитным очагом в СЗ углу. Коллекция находок включала лепную керамику серого и светло-коричневого цвета с примесью мелкотолченой раковины и растительности, а также каменный пест. Повторно осматривался в 1978 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и в 1992 г. И.Ю.Пастушенко. Все исследователи отмечали невыразительность керамических находок, отнесенных к пьяноборской культуре, главным образом, на основании внешних признаков.

Колл. НМУР, №185.

Колл. УдГУ, №870.

Кадиков, Отчет 1954 г., с.67; *Стоянов*, Отчет 1957 г., №281; *Генинг*, 1958, №255; его же, 1971, с.101; *Клюева*, Отчет 1978 г., с.13-14; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.87, №137; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.87, №899; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.16; *Останина*, 2004, с.29.

Городища

90. Боярское городище. Ч.к.; д.Боярка, правый берег р.Камы.

Расположено в 1,7 км к З от д.Боярка, в 0,17 км к ЮЮВ от электроподстанции, в 0,8 км к С от оз.Большое и 5 км к С от р.Камы. Занимает оконечность мыса высотой 45-47 м, подпрямоугольной формы, у ЮЗ подножия которого протекает безымянный ручей, впадающий в старичное озеро Большое. С северной стороны стрелка мыса прикрыта двумя валами. Внешний вал овальной (почти круглой) формы имел в дину 18 м, ширину в основании – до 15 м, высоту до 1,5 м. Второй вал удлиненно-овальной формы длиной 25 м, шириной в основании до 15 м, высотой 1,8 м. Оконечность мыса имеет признаки эскарпа. Размеры укрепленной площадки 210x80 м. Поверхность задернована. Культурный слой вблизи вала имел мощность 14-16 см – темный гумусированный суглинок с находками фрагментов лепной керамики коричневого цвета. Целых форм нет. Технологические характеристики позволили атрибутировать памятник пьяноборско-мазунинским временем. Открыт в 2004 г.

Колл. УдГУ, №2145.

Перевощиков, Отчет 2004 г., с.15-16.

91. Быргындинское I («Архиерейская Рёлка», «Под Клименом») городище. М.тип; д.Усть-Бельск, левый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

Расположено в 3 км к СЗ от деревни, на длинном прямоугольном мысу, образованном двумя глубокими логами с ручьями, сливающимися в общий ручей, левый приток р.Б.Емаша. Высота мыса над уровнем реки 35 м, с напольной стороны терраса имеет высоту 45 м, а затем повышается еще более. Стрелка мыса имеет длину 150 м, ширину от 12 до 28 м. Городище укреплено валом высотой до 1 м, насыпанным в средней части мыса. Им ограничена площадка размерами 66x26 м, имеющая в центре явно выраженное возвышение. Длина вала 13 м, ширина в основании – 4 м. Визуально прослеживаются едва заметные ложбины на склонах перед валом, очевидно, от заплывшего рва. Поверхность мыса задернована, склоны залесены. На западном склоне заметен уступ высотой 4-5 м от подножия мыса, с дюнообразным возвышением размерами 80x30 м.

Городище открыто в 1910 г. Л.А.Беркутовым; в это время площадка мыса еще распахивалась. Им были собраны фрагменты керамики серого цвета с примесью раковины. В 1954 г. памятник осмотрен Б.Х.Кадиковым, заложившим на нем три шурфа. Культурный слой не выявлен. В шурфах на мысу найдены два фрагмента керамики. В 1979 г. вновь обследовано Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко. Находок не обнаружено. Отмечена удовлетворительная сохранность памятника. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 29.12.49 г. №1993).

Колл. НМУР, №87.

Беркутов, 1914, с.47-48; *Талицкая*, 1952, №348; *Кадиков*, Отчет 1954 г., с.65; *Генинг*, 1958, №256; *Клюева*, Отчет 1979 г., с.23; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №269; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.87, №900; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.14.

92. Быргындинское II («Каменный Лог») городище. А.к., Ч.к., X-XI вв. н.э.; левый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

Памятник находится в 2 км к СЗ от д.Усть-Бельск и 1 км к Ю от автомобильной дороги с.Каракулино – с.Красный Бор, на узком длинном мысу высотой до 40 м, образованном изгибом террасы левого коренного берега р.Б.Емаша и глубоким логом, известным среди местного населения как «Каменный Лог». Стрелка мыса ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ. Площадка городища имеет размеры 210x70 м (ок. 15000 кв.м), наклон к юго-западу. Перепад высот составляет 5-6 м. Поверхность городища сильно залесена, открытой

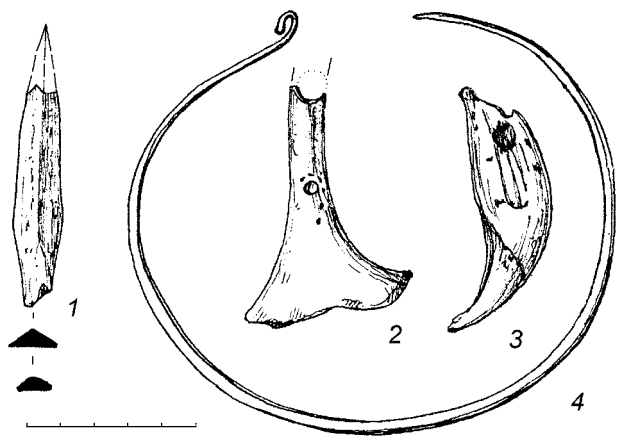

Рис. 26. Быргындинское II («Каменный Лог») городище. Находки из разведочного раскопа В.Е.Стойнова 1957 г.: 1 – наконечник стрелы; 2 – лопатка; 3 – медвежий клык; 4 – гривна. 1-3 – кость; 4 – бронза

его площадка была защищена валом по периметру. В ходе разведочных исследований УАЭ в 1954-1956 гг. Б.Х.Кадиковым было указано на существование самостоятельного – третьего – вала на южной оконечности городища, имевшего дуговидную форму, длину около 62 м, ширину в основании 3-5 м, высоту около 1 м. В 1957 г. В.Е.Стойновым на западном склоне городища были заложены два раскопа площадью 35 кв.м (рис.26), в одном из которых под слоем пахоты обнаружены 2 погребения, атрибутированные булгаро-татарским временем.

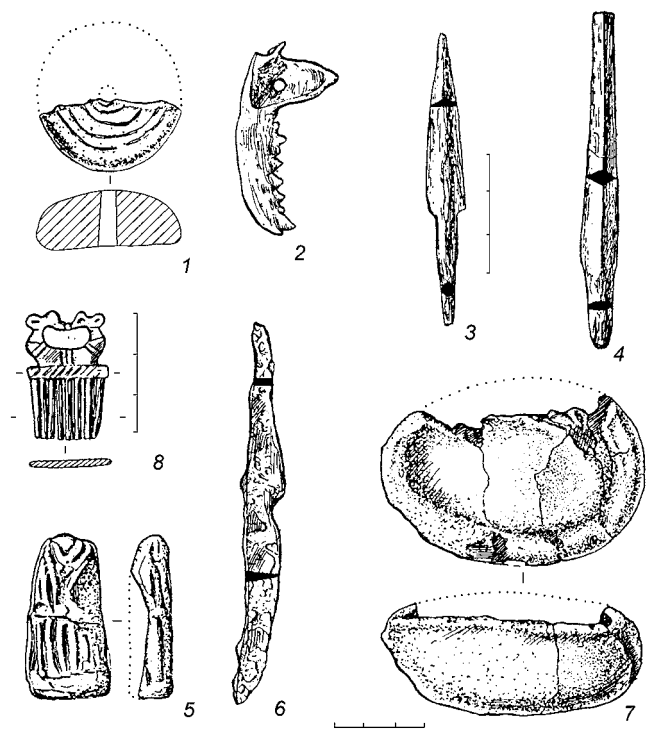

Рис. 27. Быргындинское II («Каменный Лог») городище. Вещевой инвентарь: 1 – пряслице; 2 – амулет; 3-4 – наконечники стрел; 5 – антропоморфная фигурка; 6 – нож; 7 – тигель; 8 – гребень. 1, 5, 7 – глина; 2-4 – кость; 6 – железо; 8 – бронза (по: Ашихмина Л.И., 1977)

остаётся центральная часть размерами около 120x30 м. С напольной стороны городище защищено 2 валами дугообразной формы. Первый вал перекрывает площадку в самом узком месте, имеет подтреугольную форму с оттянутыми вдоль края площадки углами. Высота вала – 4 м, ширина в основании – около 10 м, длина 24 м. Второй, внутренний, вал имеет дугообразную форму, своим восточным окончанием образует всхолмление вдоль ЮВ склона городища, более пологого. Ширина этого вала в основании достигает 14 м, высота – 5 м. Западный склон с внешней стороны сильно разрушен охотничьими ямами. По мнению Л.А.Беркутова, обследовавшего городище в 1910-11 гг.

Вскрытая площадь вдоль ЮВ края площадки составила 170 кв.м. Культурный слой городища имеет мощность 20-40 см, на южном склоне – до 0,8 м, на западном – 1,4-2,0 м. В раскопе выявлены напластования, главным образом, ананьинского времени (рис.27). Стратиграфически они разделяются на три горизонта, позволивших авторам уточнить типологическую схему развития ананьинской керамики на протяжении VII-IV вв. до н.э. (рис.28). Кроме того, дерново-почвенный слой содержал керамику чегандинского и более позднего, средневекового времени, аналогичную VII группе домонгольской керамики, датируемой Т.А.Хлебниковой X-XI вв.

В 1978 г. осмотрено Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. вновь обследо-

вано разведочной группой КВАЭ под руководством И.Ю.Пастушенко. Исследователями отмечена удовлетворительная сохранность памятника, однако, не указано наличие третьего вала в мысовой части.

Колл. МИКСП, №4105.

Колл. НМУР, №83, 187.

Колл. УрГУ, №730, 988.

Беркутов, 1914, с.48-49; Талицкая, 1952, №350; Кадиков, Отчет 1954 г., с.66-67; Стоянов, Отчет 1957 г., л.301-310; Генинг, 1958, №253; Стоянов, Ашихмина, Бельтикова, Отчет 1968 г., с.97-101; Ашихмина, Отчет 1971 г., с.1-4; Ашихмина, Генинг и др., 1972, с.183; Ашихмина, 1977, с.139-166; Клюева, Отчет 1978 г., с.11-12; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №270; Памятники истории и культуры, 1990, с.87, №901; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.14-15.

93. Вятское (Мошкарское верхнее) городище. А.к., Ч.к.; с.Вятское, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,85 км к В от с.Вятское, имевшего еще одно, неофициальное, название – Мошкары, в 0,2 км к В от сельского кладбища, в 0,65 км к ВЮВ от МТФ и 0,75 км к С от старичного озера Письянка. Река Кама удалена сегодня на 1,5 км от городищенского мыса, возвышающегося над поймой на 25-35 м. Мыс имеет в плане прямоугольную форму, крутые склоны, местами обрывистые, уклон, весьма значительный, к югу. Со стороны основной террасы площадка городища отделена двумя валами и рвами. Площадь около 8000 кв.м, ширина ее 70-90 м, длина до 140 м. Расстояние между валами 35 м. Внутренний вал имеет длину 40 м,

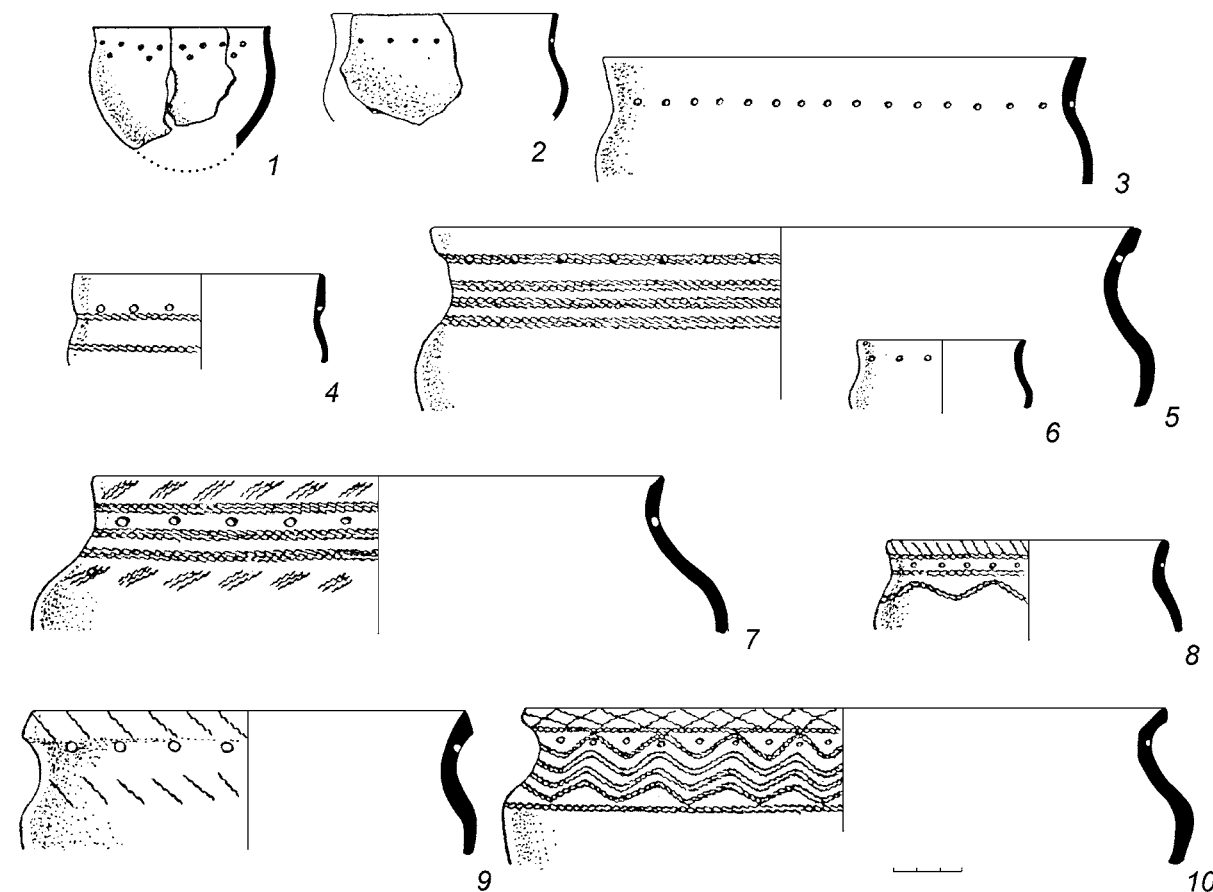

Рис. 28. Быргындинское II городище («Каменный Лог»). Керамика (по: Ашихмина Л.И., 1977)

ширину до 20 м, высоту – 2,2 м, располагался в 60 м к С от стрелки мыса. Свообразием отличается внешний вал, состоявший из двух частей. Западная часть вала имела длину 50 м, ширину 13 м и высоту 1,35 м. Своим восточным краем вал не доходил до склона мыса, оставляя проход шириной 4 м, а затем вновь продолжаясь вдоль восточного склона площадки. Этот восточный вал был насыпан до середины площадки городища, где отделялся от нее ложбиной шириной 6-18 м и глубиной до 3 м. Вдоль восточного склона от внешнего вала заметен довольно пологий узкий уступ – спуск к ручью. Рвы городища почти полностью заплыли. Поверхность мыса в прошлом распаивалась, в настоящее время задернована.

Впервые городище отмечено в списке памятников Прикамья А.А.Спицыным, побывавшем на нем в 1888 г. Накануне 1-й Мировой войны городище обследовано Л.А.Беркутовым. В советский период неоднократно посещалось археологами: в 1954 г. Г.И.Матвеевой, в 1957 г. – В.Ф.Генингом и В.Е.Стойновым. В 1957 г. на восточном склоне городища была заложена траншея размером 5х1 м, а в южной части площадки раскоп площадью 25 кв.м.

В 1969-70 гг. работы были продолжены Л.И.Ашихминой, прирезавшей к восточной траншее В.Е.Стойнова 17 кв.м, а к раскопу – 20 кв.м. Раскопы показали разрушенность культурного слоя на площадке городища, содержавшего смешанный ананьинско-пьяноборский материал. На восточном склоне стратиграфический срез показал наличие двух слоев: ананьинского (темно-серый суглинок с золой мощностью 13-50 см) и пьяноборского (серый мелкозернистый с углем суглинок мощностью 10-20 см). В раскопах изучена одна хозяйственная яма круглой в плане формы с расширяющимися к плоскому дну стенками и несколько очагов. Возле одного из них изучен костяк лошади (в отчете 1970 г. указана корова). В 1970 г. на городище была заложена траншея, разрезавшая оба вала, ров и площадку между ними. Длина траншеи 77 м. Ананьинская керамика городища имеет довольно ранний облик, принадлежит двум культурно-хронологическим группам – сложношнуровой и ямочно-шнуровой. Фрагменты пьяноборских сосудов – плотные черепки, украшенные насечками по венчику, круглыми, овальными, треугольными ямками – по шейке. Среди вещевых находок указаны глиняная антропоморфная фигурка, костяное ложило, два обломка тигля, 2 железных шила, каменные грузило и пест, 2 пряслица. В верхнем (пьяноборском) слое вала было изучено парное захоронение, антропологические остатки принадлежали, по-видимому, двум подросткам. Умершие были уложены «валетом», головами на запад-восток, на поверхности, без инвентаря. В раскопе площадью 128 кв.м в центре площадки изучены 7 кострищ, 4 зольника, ямки и скопления костей животных. Коллекции из археологического музея Уральского госуниверситета переданы в Музей истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул).

В 1979 г. городище было осмотрено вновь сотрудниками КВАЭ. В отвалах старого раскопа и с поверхности Г.Н.Клюевой (Журавлевой) собрано несколько интересных вещей, в т.ч. миниатюрный сосуд и пряслице (рис.29). В 1995 г. памятник обследован разведочной группой КВАЭ. Регулярные наблюдения за состоянием городища осуществляют учащиеся средней школы с.Вятское, в музее которого хранится небольшая коллекция вещей и керамики, собранных юными краеведами с разрушающихся участков культурного слоя памятника.

Колл. НМУР, №48, 188.

Колл. УдГУ, №859.

Колл. УрГУ, №902.

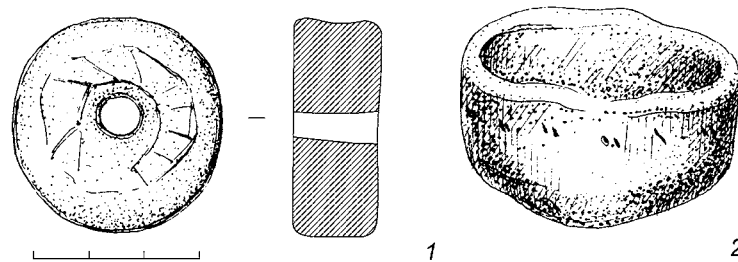

Рис. 29. Вятское (Мошкарское верхнее) городище. Находки из разведочных сборов Г.Н.Клюевой

Колл. школьного музея с.Вятское.

Спицын, 1893, с.116; Краткий отчет..., 1913, с.63; Беркутов, 1914, с.83-84; Шабердин, 1928, с.5; Талицкая, 1952, №598; Матвеева, Отчет 1954 г., с.76-77; Стоянов, Отчет 1957 г., л.290-295; Генинг, 1958, №281; его же, Отчет 1970 г., с.7-16; его же, 1971, с.107-108; Ашихмина и др., 1971, с.148-149; Клюева, Отчет 1979 г., с.32-34; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №282; Памятники истории и культуры, 1990, с.88, №914; Голдина, Отчет 1995 г., с.41-42; Останина, 2004, с.17.

94. Вятское (Мошкарское нижнее) городище. А.к.; с.Вятское, правый берег р.Камы.

Указание на городище, расположенное ниже по течению р.Камы от с.Вятское (Мошкары) имеется у А.А.Спицына. Автор отмечал сильную разрушенность городищенской площадки и вала. Им же было собрано небольшое количество фрагментов лепной керамики, украшенной шнуровым орнаментом. В 1970 г. осмотрено М.Н.Чистяковой. Указание на месторасположение дано следующее: «Городище занимает мыс в 1,0 км к СВ от села, в 0,07 км к С от домика бакенщика, в 0,1 км к В от него протекает река Кама. Северо-западный склон мыса задернован и зарос кустарником. С северо-востока поверхность городища разрушена оврагом». Сохранившаяся часть площадки около 60 кв.м задернована. Вал высотой до 1 м виден с площадки, с напольной стороны почти не прослеживается. Собрана керамика, орнаментированная отпечатками веревочки и кости животных.

В 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) обнаружен мыс, по ряду внешних признаков напоминающий описанный А.А.Спицыным. Согласно полевым материалам, мыс находится в 0,2 км к ЮВ от села и 0,1 км к ЮВ от нового кладбища. Мыс разрезан пополам оврагом, на восточной площадке едва заметны следы вала (?). Зачистка обнажений не дала остатков культурного слоя: под дерном залегала красно-коричневая материковая глина с гравием. Находок не обнаружено.

Спицын, 1893, с.116-117; Талицкая, 1952, №596; Генинг, 1958, №279; Чистякова, Отчет 1970 г., с.2-3; Клюева, Отчет 1979 г., с.34; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №281; Памятники истории и культуры, 1990, с.88, №913.

95. Галановское городище. Эпоха бронзы, А.к.; с.Галаново, левый берег р.Большая, правого притока р.Камы.

Расположено в 2,0 км к СЗ от деревни, за горой, возвышающейся над ней. Занимало широкий мыс между двумя логами и руч.Серебрянка, впадающим чуть ниже в р.Большую. Площадка размером 4200 кв. м защищена с севера валом длиной 50 м, шириной 10 м и высотой 2 м. Ров глубиной около 1,2 м и шириной 4,5 м перед валом сохранился хорошо.

Городище, известное по дореволюционным источникам, осмотрено в 1954 г. Г.И.Матвеевой, снявшей план памятника и установившей характер культурного слоя, мощностью 30 см. В 1957 г. исследовано В.Е.Стойновым. Характер раскопок в отчете не указан. Уточнена топография культурного слоя, сохранившегося только на склонах: на восточном он достигал 50 см и состоял из зольного пласта, залегавшего на погребенной почве. На западном склоне выявлена более сложная стратиграфия: под дерном залегал слой коричневого суглинка, ниже – серый суглинок с золой, перемежающийся с тонкими прослойками золы, обожженной и сырой глины, общей мощностью до 1 м. Керамика из раскопок – ананьинская: черепки плотные, залощенные, с примесью мелкотолченой раковины. По шейке отмечены валики и воротнички. Орнамент – веревочный с ямками. В коллекции имеются 2 костяные проколки и кабаньих клык.

В 1978 г. городище вновь осмотрено Г.Н.Клюевой (Журавлевой), собравшей керамику ананьинского и пьяноборского типов (рис.30-1,3). В коллекции из разведочных сборов имеются и фрагменты керамики эпохи бронзы.

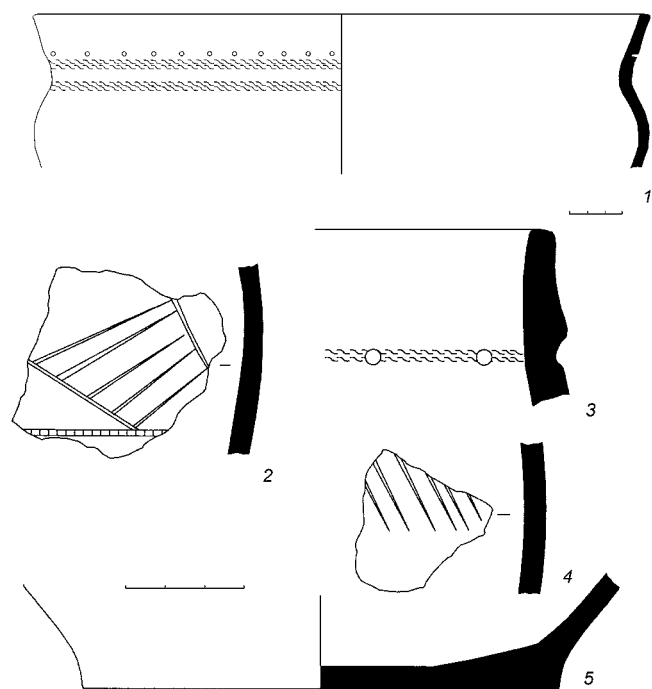

Рис. 30. Галановское городище. Керамика из разведочных сборов Г.Н.Клюевой 1979 г.

находится Святой Ключ. С напольной стороны сохранился дугообразный вал высотой до 2 м, загибающийся южным своим концом на южный край городищенской площадки. С этой стороны вдоль южного склона мыса заметен уступ шириной до 2-х м, полого поднимающийся к верхней площадке – своеобразный въезд на городище. Ров в настоящее время едва заметен. В 15-30 м к западу от него находился еще один небольшой вал, следы которого, едва заметные в начале XX в., в настоящее время не сохранились. Площадь укрепленной части около 33 тыс. кв.м. Мощность культурных слоев колеблется от 10-30 см до 60-80 см в разных частях площадки, на ЮВ склоне достигает 2,0 м. Поверхность ранее распаивалась, сейчас задернована, склоны заросли лесом. В последние 20 лет городище испытало мощное антропогенное воздействие. В северной его части пробурена геологоразведочная скважина, культурный слой вокруг «содран» тяжелой техникой, металлолом «захоронен» здесь же, в ямах, вал в двух местах разрезан бульдозерами, в третьем разрезе проложена дорога, ведущая через площадку городища к Святому Ключу. У местных жителей известно как «Крепость». В науку вошло в результате публикации А.А.Спицыным материалов поездки 1887-1888 гг. по Прикамью. В 1912 г. осмотрено Л.А.Беркутовым, снявшим план памятника и собравшим небольшую коллекцию вещей и керамики. На протяжении 2-й половины XX в. неоднократно обследовалось разведочными отрядами: в 1954 г. – Г.И.Карповой, в 1977 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Крупные раскопки проведены в 1970-72 гг. и 1975 гг. в ходе масштабных работ Нижнекамской археологической экспедиции. Раскопками руководили В.Ф.Генинг, Р.Д.Голдина и Л.И.Ашихмина. Итоги исследований (изучено около 5000 кв.м) информативно даны в ежегодниках «Археологические открытия», часть материалов (керамика, жилища, погребения) опубликована в научных сборниках.

Разведочное обследование 1992 г., проведенное И.Ю.Пастушенко, показало необходимость возобновления спасательных работ на городище; им же был изучен стратиграфический разрез вала. В 1997-2005 гг. раскопки на городище проводились Е.М.Черных. Общая вскрытая площадь составила около 8000 кв.м. В результате раскопок исследованы жилые,

Колл. НМУР, №184.

Колл. УдГУ, №860.

Кривошеков и Зеленов, 1911, с.89; Шабердин, 1928, с.2-3; Талицкая, 1952, №605; Матвеева, Отчет 1954 г., с.79; Стоянов, Отчет 1957 г., л.280-285; Генинг, 1957, с.163; его же, 1958, №286; Клюева, Отчет 1978 г., с.20-21; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №271; Памятники истории и культуры, 1990, с.87, №903.

96. Зуевоключевское I городище. А.к., Ч.к., VI в. до н.э. – V в. н.э.; д.Зуевы Ключи, правый берег Гремячего ключа, правого притока р.Камы.

Находится в 1,5 км к ЮЮЗ от деревни, на мысу подтреугольной формы III-й надпойменной террасы, образованном двумя крутосклонными логами глубиной 20-25 м. По дну северного лога протекает Гремячий ручей, южный лог – сухой, в устье его

Рис. 31. Зуевоключевское I городище. Вещевой инвентарь: 1 – подвеска; 2-3 – рукояти орудий; 4-5 – наконечники стрел; 6 – гребень; 7 – фибула; 8 – нож; 9 – пряслице; 10 – тигель. 1, 4, 7 – бронза; 2, 3, 5, 6 – кость; 8 – железо; 9, 10 – глина (раскопки В.Ф.Генинга, Л.И.Ашихминой, Е.М.Черных)

хозяйственные, производственные, культовые, оборонительные сооружения, получены разнообразные вещевые и керамические серии, в основной массе относящиеся к ананьинской и пьяноборской эпохам, многотысячная археозоологическая коллекция. В 1998-2000 гг. при раскопках городища был реализован проект междисциплинарных исследований, в котором принимали участие геофизики, геоморфологи, почвоведы, биологи, палеозоологи.

Находки из культурного слоя городища документируют все этапы его функционирования и отражают материальную и духовную культуру его населения (рис.31, 32): это орудия труда и предметы быта из камня, железа, бронзы, кости, глины (ножи, шилья, крючки, терочники, отбойники, пряслица), предметы вооружения и конского снаряжения (наконечники стрел, псалии, подпружные пряжки), украшения (подвески из бронзы и кости, фибулы, серьги, бляшки, бусы), большое количество ритуальных предметов (амулеты из клыков и когтей животных, гребни, глиняные «лепешки» и антропо- и зооморфные фигурки). Среди находок значительное место занимают остатки железодельного и бронзолитейного производств (куски шлака, тигли, литейные формы из камня и глины, абразивы, наковален-

ки). Кроме того, на площадке городища изучены следы использования его территории как в более ранние эпохи (стоянка луговской культуры, могильник сейминско-турбинский (или абашевский?)), так и в более позднее время (поселение и могильник середины II тыс. н.э.).

Как показывают стратиграфические и планиграфические наблюдения, подкрепленные методами абсолютного датирования, развитие городища, выросшего из небольшого поселения VII-VI вв. до н.э. в северной части площадки, шло путем регулирования и функционального зонирования застройки в пределах фортификаций, возведенных в V в. до н.э. В ананьинское время вал дважды обновлялся, основу его составляли насыпь и деревянная стена в виде заплота, устроенная вплотную к внутреннему склону. Последняя модернизация вала осуществлялась в пьяноборское время. Культурный слой ананьинского времени (VI-III вв. до н.э.) отличается насыщенностью остатками жизнедеятельности, золой и пеплом; он расчленяется на два условных горизонта. В нижнем горизонте застройка более разреженная, в верхнем – более плотная, со следами перепланировок. Пьяноборский слой сохранился хуже, на отдельных участках мощность его достигала 15 см, отличался насыщенностью включений глины, сырой и обожженной. С ним связаны немногочисленные жилые площадки и лучше сохранившиеся хозяйственные и производственные ямы. Часть объектов в этот период выносятся за пределы вала и рва, формируя новое освоенное пространство.

Значительный интерес представляет планиграфия ананьинского городища, застроенного рядами наземных бревенчатых жилищ, стоявших под углом к береговой линии. Наиболее плотная застройка выявлена в северном и северо-западном секторах площадки, в центральной части изучены остатки большого производственного комплекса, на южных участках – святилище с большой культовой постройкой. Таким образом, городище представит как довольно крупный центр ананьинских племен Прикамья, отличавшийся регулярной застройкой и функциональной продуманностью планировки. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 05.12.79 г. №362).

Колл. ГЭ, №609.

Колл. НМУР, №62, 95, 478, 522.

Колл. УдГУ, №619, 1362, 1476, 1914, 2024, 2075, 2102, 2120, 2140, 2147, 2163.

Спицын, 1893, с.120-121; его же, 1916, с.88; *Беркутов*, 1914, с.67-68; *Талицкая*, 1952, №332; *Карпова*, Отчет 1954 г., с.45-46; *Генинг*, 1958, №222; *Голдина*, Отчет 1970 г., с.1-20; *Генинг*, Отчет, 1971 г.; *Ашихмина и др.*, 1971, с.148; *Генинг*, 1971, с.89-90, №8; *Ашихмина*, Отчет 1972 г.; *Ашихмина и др.*, 1972, с.182-183; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1973, с.155-156; *Ашихмина*, Отчет 1975 г.; *Генинг*, 1975, с.211-220; *Ашихмина*, 1976, с.158; *Клюева*, Отчет 1977, с.3-5; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №272; *Халиков*, 1980, с.136; *Ашихмина*, 1985, с.55-56; *Ашихмина, Генинг*, 1986, с.54-69; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.87, №904; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.6-8; *Голдина*, 1995, с.34-48; *Голдина*, 1996, с.48-69; *Черных*, Отчет 1997 г.; ее же, Отчет 1998 г.; *Голдина*, 1999, с.175; *Черных*, Отчеты 1999аб г.; ее же, 1999, с.3-4; *Черных, Журбин*, 1999, с.121-123; 1999а, с.70-72; *Черных, Перевоицков и др.*, 1999, с.125-127; *Черных*, 2000а, с.260-261; ее же, Отчет 2000 г.; ее же, 2000, с.247-276; *УРЭ*, 2000, с.338; *Вязников, Дерендяев и др.*, 2001, с.179-181; *Черных, Вязников и др.*, 2001, с.186-188; *Черных*, Отчет 2001 г.; ее же, 2001, с.148; *Черных и др.*, 2001, с.8-9; *Черных, Журбин и др.*, 2002, с.369-370; *Черных*, Отчет 2002 г.; *Черных, Журбин и др.*, 2002, с.81-83; *Черных, Вязников и др.*, 2003, с.305-306; *Черных*, Отчет 2003а г.; *Черных, Медведева*, 2003, с.134-135; *Черных*, Отчет 2004 г.; ее же, 2004, с.113-131; *Черных, Карпушкина*, 2004, с.342-343; *Черных, Журбин*, 2004, с.88-92; *Черных, Крылов и др.*, 2005, с.378-380; *Черных*, Отчет 2005 г.; *Журбин, Черных и др.*, 2005, с.187-194; *Черных, Колобова*, 2006, с.145-151; *Черных, Цыгвинцева*, 2006, с.180-186; *Черных и др.*, 2007, с.398-400; *Перевоицков*, Отчет 2007 г., с.8-10; *Черных*, 2008, с.219-226; ее же, 2009, с.76-97; *Черных, Русинова*, 2009, с.41-45.

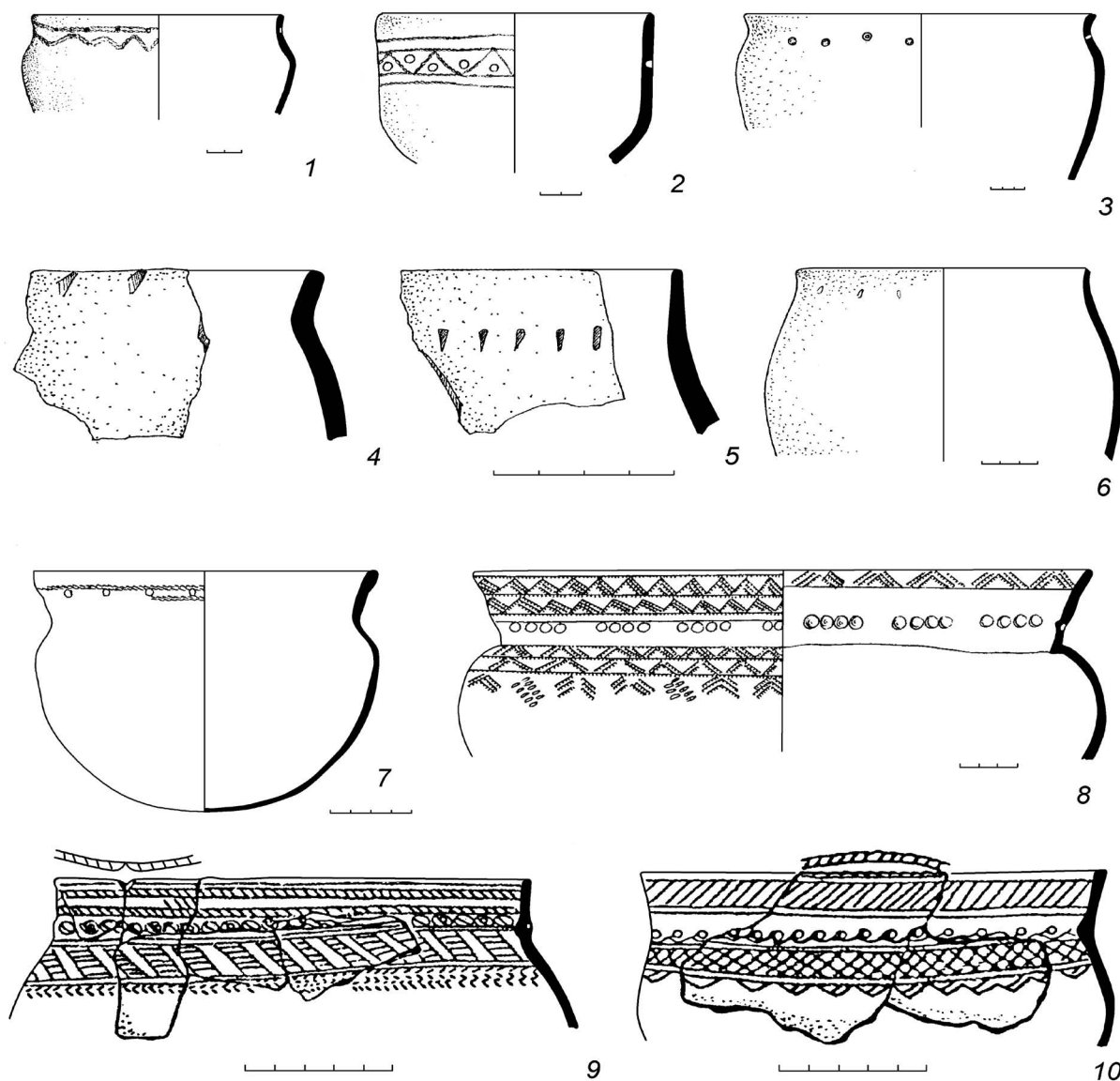

Рис. 32. Зуевключевское I городище. Основные формы керамики (из раскопок Л.И.Ашихминой и Е.М.Черных)

97. Зуевключевское II городище. Первая половина – середина II тыс. н.э.; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

В 1 км к ЮЗ от деревни, на высоком подтреугольном мысу, образованном коренной террасой берега р.Камы и Гремячим логом расположено небольшое городище площадью 500 кв.м. С северо-западной напольной стороны площадка памятника отделена двумя рвами и валом длиной около 42 м, от которого на современной поверхности слабо прослеживается лишь валообразное возвышение. Необходимо отметить, что площадка городища находится на 5 м ниже уровня современной поверхности вала. Склоны и площадка мыса заросли лесом.

В 1887 и 1898 гг. городище обследовал А.А.Спицын, в 1912 г. его посетил Л.А.Беркутов. В 1954 г. городище осмотрено разведочной группой УАЭ. В 1970 г. оно исследовано Р.Д.Голдиной, в 1971-72 гг. – В.Ф.Генингом и Л.И.Ашихминой. Раскоп 1970 г., площадью 180 кв.м заложен вдоль юго-восточного склона памятника. На раскопанной площади изучены три ямы, остатки какого-то углубления подпрямоугольной формы размерами 5,0х3,6 м. Получены остатки металлургического производства – ямы, заполненные углем и остатками костей животных, куски руды, шлака, песты, железный нож, серп и фрагменты керамики (рис.33). Мощность культурного слоя 10-15 см, в углублениях до 55 см. В 1971-72 гг. исследованы оборонительные сооружения и крупная яма с находками обломков двух колоколовидных сосудов абашевского облика, и еще один котлован жилища (?) размером 6,5х6,5 м (см. выше №43). В 1977 г. городище повторно осмотрено Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Коллекции из раскопок Уральской экспедиции переданы на хранение в Музей истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул). Осматривалось И.Ю.Пастушенко в 1992 г. и Е.В.Лукшиным – в 2001 г.

Колл. НМУР, №520.
Колл. УдГУ, №620.
Колл. УрГУ, №894, 928, 984.

Спицын, 1893, с.121; его же, 1916, с.88; *Беркутов*, 1914, с.68; *Талицкая*, 1952, №333; *Карпова*, Отчет 1954 г., с.46-47; *Генинг*, 1958, №223; *Голдина*, Отчет 1970 г., с.21-23; *Ашихмина и др.*, 1971, с.148; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1972, с.183; *Ашихмина, Генинг*, 1973, с.156; *Голдина*, 1976, с.86-89; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.6-7; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №273; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.87, №905; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.9; *УРЭ*, 2000, с.338; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.20.

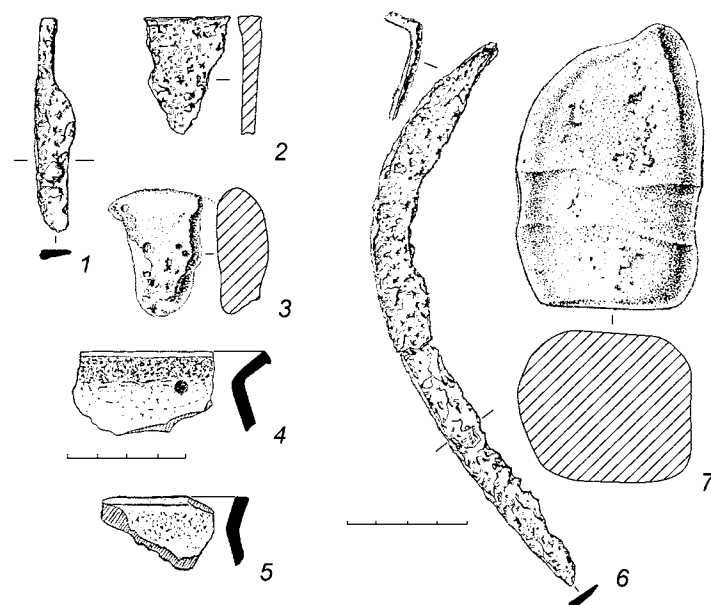

Рис. 33. Зуевключевское II городище. Вещи из раскопок 1970 г. (по: Голдина Р.Д., 1976): 1 – нож; 2, 4, 5 – обломки сосудов; 3 – фрагмент тигля; 6 – серп; 7 – молот. 1, 6 – железо; 2 – чугун; 3-5 – глина; 7 – камень

98. Зуевключевское III (Хижняковское) городище. А.к., Ч.к.; д.Зуевы Ключи, левый берег Гремячего Ключа, правого притока р.Камы.

Располагается в 1 км к ЮЗ от д.Зуевы Ключи, в 1,9 км к СЗ от Зуевключевского I городища и в 2,8 км к З от Зуевключевского II городища. занимает мыс прямоугольной формы коренного берега Камы, возвышающийся на 20 м над уровнем Гремячего ручья с

его левой стороны. С северо-западной стороны мыс защищен отвершком Гремячего лога, с северо-восточной – небольшим валом и рвом. Центральная часть площадки слегка приподнята. Площадь ее составляет 2168 кв.м. Местное название – Калабий мыс. Поверхность открыта, задернована. Склоны заросли лесом.

Впервые информация о памятнике была получена А.А.Спицыным в 1898 г., когда он еще мог наблюдать на площадке невысокий вал. Впоследствии городище осматривалось разведочной группой УАЭ в 1954 г. и было атрибутировано как Зуевключевское селище.

В 2001 г. Е.М.Черных на памятнике был заложен небольшой раскоп площадью 72 кв.м и три шурфа в разных частях площадки, выявивших невыразительный культурный слой с находками. Место раскопа было выбрано таким образом, чтобы исследовать характер валообразного возвышения в месте сочленения мысовой площадки и основного плато. В ходе раскопок удалось установить, что культурный слой на площадке городища имел незначительную мощность (15-28 см), слабую гумусированность и насыщенность находками. Наиболее выразительные материалы были получены в раскопе, где изучены остатки фортификационной системы городища.

Установлено, что для насыпи вала была использована красно-коричневая глина, сохранившаяся высота его 0,6 м, ширина в основании 6,5 м. С внешней стороны вала склон мыса был слегка подрезан. Ров изучен частично, глубина его составляла 0,9 м. Внешний склон вала, со стороны рва, был укреплен каменным «панцирем» толщиной до 40 см. Кладка из более крупных камней выявлена в виде полосы шириной до 2,2 м и с внутренней стороны вала. От основной площадки городища эту кладку отделяли канавообразные углубления и два ряда столбовых ям диаметром 13-19 см. В насыпи вала, по его центральной оси, зафиксированы остатки сгоревших деревянных конструкций в виде горизонтально лежавших бревен, или плах шириной 18 и 30 см. Находки на участках вала и прилегающих к нему представлены, главным образом, сильно фрагментированными обломками лепной посуды. Технологические и орнаментальные характеристики керамики позволяют выделить в коллекции две группы. К первой принадлежали сосуды чашевидной формы ямочно-шнуровой орнаментальной традиции, характерной для позднего ананьино – пьяноборья. Вторую группу составляют тонкостенные сосуды с примесью органики и шамота в тесте, украшенные резным узором по краю венчика, или треугольными вдавлениями по шейке, а также плоскодонные горшки. Из вещей следует отметить медное круглопроволочное кольцо и обломок зернотерки.

Колл. УдГУ, №1478.

Спицын, 1916, с.88; *Талицкая*, 1952, №334; *Карпова*, Отчет 1954 г., с.46; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.8; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.9; *Черных*, Отчет 2001а г., с.3-10; *Черных, Журбин*, 2002, с.369-370; *Карпушкина*, 2005, с.109-110; ее же, 2005а, с.60-62.

99. Ильнешское городище (см. Ныргындинское I).

Вошло в научную литературу, благодаря исследованиям Ф.Д.Нефедова 1894 г. Им были проведены небольшие раскопки в северо-западной части укрепленной площадки. Найдены кости животных, фрагменты лепной керамики, костяная вещь с отверстием и обломок оленьего рога. С пахоты подняты бронзовая подвеска-конек, наконечник бронзовой булавы и длинный железный меч. По данным земских статистиков, крестьяне при вспашке находили маленькие железные топорики, подносики и ручные каменные жернова.

Разведочными исследованиями последующих лет городище не было найдено. Очевидно, как это предполагал В.Ф.Генинг, Ф.Д.Нефедов побывал на Ныргындинском I городище. Путаница могла произойти в силу того, что исследователь подъезжал к памятнику со стороны села Пьяный Бор и д.Ильнеш, а не Ныргынды (как это было у А.А.Спицына).

Материалы по статистике..., 1892, с.142; *Нефедов*, 1899, с.64-65; *Спицын*, 1916, с.86; *Талицкая*, 1952, №309; *Генинг*, 1958, №193; *Генинг*, 1971, с.91-92, №12; *Памятни-*

ки истории и культуры, 1979, с.98, №274; Памятники истории и культуры, 1990, с.87, №906; Макаров, 2009, с.238, 246.

100. Каракулинское I (Нижнее) городище. Ч.к.(?); с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Указание на городище в с.Каракулино впервые дано А.А.Спицыным по итогам его поездки 1888 г. по Каме. Расположение его, судя по описанию, было связано с одним из высоких мысов по речке Каракулинка, недалеко от устья, поскольку городище можно было видеть с парохода. Одним из ориентиров ученым была названа Зоновская мельница. А.А.Спицын отметил наличие вала, неровную, бугристую площадку длиной до 30 саженей (более 60 м в современной системе мер) и шириной у вала до 12 саженей (более 24 м). Культурный слой не был выявлен. Два найденных керамических черепка обнаруживали, по мнению ученого, близость с соседними городищами. Последующими разведочными работами памятник найден не был.

Спицын, 1893, с.117; Беркутов, 1914, с.56; Талицкая, 1952, №589; Матвеева, Отчет 1954 г., с.71; Генинг, 1958, №272; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №275; Памятники истории и культуры, 1990, с.87, №907.

101. Каракулинское II (Верхнее, Пермьковское) городище. А.к., Ч.к.; с.Каракулино правый берег р.Камы.

Находится в 0,6 км к ССВ от нового зернохранилища с.Каракулино (край бывшего с.Пермяково), в 0,1 км от дороги, ведущей в с.Вятское. Занимает узкий длинный мыс, выходящий юго-восточным обрывистым краем к Каме, а со стороны поля – к дороге с.Каракулино – с.Вятское. Юго-западный и северо-восточный склоны довольно круто спускаются в лога, отделяющие городище от двух соседних мысов – «Дресвяного» и «Маркова» (у Спицына назван «Макаровским»). На обоих соседних мысах, по сведениям А.А.Спицына и Л.А.Беркутова, также были найдены фрагменты лепной керамики. Высота площадки городища 19 м, площадь 2000 кв.м. С СЗ стороны укреплено валом овальной формы, высотой 1,5-2,0 м, длиной 25 м, шириной 2 м. С внешней стороны вала едва заметен ров. А.А.Спицын, побывавший на городище в 1888 г., собрал с распаиваемой поверхности лепную керамику со шнуровым орнаментом. В 1912 г. памятник был обследован Л.А.Беркутовым, снявшим план. На плане 1912 г. на площадке указано еще 2 вала: напольный и в 80 м от него, на мысу, еще один меньших размеров. Собранный Л.А.Беркутовым керамика, судя по описаниям, отличалась по характеру: рыхлые, сильно пережженные черепки, черные на изломе и плотные, крепкие, с грубо обработанной поверхностью и раковиной в тесте. Орнамент – шнуровой. С организацией в 1954 г. Удмуртской археологической экспедиции, городище было осмотрено Г.И.Матвеевой, а в 1969 г. – Л.И.Ашихминой и В.Е.Стойновым. По данным разведки 1954 г. длина площадки составляла 86 м, но второго вала уже не было обнаружено. Культурный слой в двух шурфах, заложенных на восточном и северо-восточном склонах, составлял 30 см. Находки незначительные – неорнаментированная лепная керамика и кости животных. По данным разведочных обследований 1969 г. длина площадки указана уже не более 30 м. Культурный слой – темно-серая гумусированная супесь мощностью 20-24 см. Поверхность задернована.

Колл. НМУР, №53.

Спицын, 1893, с.117; Беркутов, 1914, с.55; Талицкая, 1952, №590; Матвеева, Отчет 1954 г., с.73-74; Генинг, 1958, №273; Стоянов, Ашихмина, Отчет 1969 г., с.9-10; Генинг, 1971, с.104-106, №39; Клюева, Отчет 1979 г., с.28; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №276; Памятники истории и культуры, 1990, с.87, №908; Останина, 2004, с.19.

102. Каракулинское III (Партизанское, «Половинный Лог») городище. М.тип; пос. Первомайск, бывш. д.Партизан, правый берег р.Камы.

Расположено в 1,0 км к ЮЗ от пос.Первомайск, в 6 км к СВ от с.Каракулино, в устье крупного «Половинного Лога» (назван так потому что находится на половине пути между

селами Каракулино и Вятское), на так называемой «Торпановской Рёлке». Занимает невысокий (около 15 м) мыс с крутыми склонами, юго-восточный склон обращен к Каме, стрелка мыса ориентирована на СВ, против течения реки. Размеры площадки, ровной, слегка покатой к «Половинному Логу» и к мысовой части – около 200x50-90 м. Площадь более 13000 кв.м. Л.А.Беркутов, впервые описавший городище в 1912 г., нанес на план 6 валов и 3 рва. Поверхность площадки в то время распаивалась и засеивалась злаковыми. Крестьяне с.Пермяково рассказывали, что находили на городище медные монеты из кладов, спрятанных здесь разбойниками – «гурьками», а само место называли «разбойничья крепосца». Раскопки на городище, проведенные Л.А.Беркутовым, находок не дали. Повторное обследование городища проводилось в 1954 и 1957 гг. Удмуртской археологической экспедицией. Г.И.Матвеева зафиксировала только три вала и ров с напольной стороны. Шурфовка внешнего вала показала, что он насыпан из темной земли с галькой. В 1957 г. и 1969 г. В.Е.Стойновым была предпринята попытка разрезать разведочными траншеями все сохранившиеся фортификации. В коллекции 1957 г. имеется два десятка мелких фрагментов лепной керамики с раковинной примесью в глиняном тесте и 2 кусочка шлака. Напольный вал с юго-западной стороны имел длину 90 м, ширину 4 м и почти отвесный внешний склон высотой около 3,5 м. В центре площадки располагались еще три вала, два овальной формы и один серповидной длиной 64 м, 54 м и 36 м. Ширина валов 3,5-4,0 м, высота 2-3 м. На краю мыса, в 65 м от центральных валов имелись еще 2 вала со слегка загнутыми внутрь площадки концами – внешний длиной 55 м, шириной 3,5 м и высотой около 3 м и внутренний – длиной 40 м, шириной 2,5 м и высотой 2 м. В 1979 г. городище осматривалось Г.Н.Клюевой (Журавлевой), зафиксировавшей интенсивное разрушение в результате береговой абразии юго-восточного склона, обращенного к Каме. В 1995 г. очередное обследование проводилось разведочной группой под руководством Р.Д.Голдиной. Отмечено, что фортификации практически не видны.

Колл. НМУР, №190.

Беркутов, 1914, с.84-85; Талицкая, 1952, №594; Матвеева, Отчет 1954 г., с.75; Генинг, 1958, №277; Стоянов, Ашихмина, Отчет 1969 г., с.8-9; Клюева, Отчет 1979 г., с.31-32; Памятники истории и культуры, 1979, с.98, №277; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №909; Голдина, Отчет 1995 г., с.39; Останина, 2004, с.46.

103. Каракулинское IV («Крепость») городище. Эпоха железа, XVII-XVIII вв.; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Располагается на мысу коренного берега Камы трапециевидной формы, возвышающемся над поймой реки на 17-20 м. Мыс образован с запада краем террасы, спускающимся к реке Каракулинка, с юга – камским склоном, с востока – глубоким оврагом с текущим по его дну ручьем. С севера от оврага отходит почти под прямым углом еще один отрог длиной 120 м. Расстояние от вершины этого отрога до обрывистого западного края террасы составляет 80 м. Очевидно, что в этом месте и были сооружены напольные крепостные сооружения, описанные Л.А.Беркутовым в 1914 г., отметившим наличие сильно размытого и пересеченного дорогой вала длиной до 70 аршин (около 50 м), шириной 4-5 саженей (8,5-10,7 м), высотой до $\frac{3}{4}$ аршин (более 0,5 м), который отделял тупой мыс с расположенным на нем волостным правлением, школой, часовней и памятником царю-освободителю. Описание крепости дворцового села Каракулино, частично сохранявшей свои фортификационные особенности до конца XVIII в., дано в 1764 г. царским чиновником А.И.Свечиным, ревизовавшим Казанскую губернию. Крепость имела вид четырехугольника, рубленного из сосновых бревен, периметром 400 саженей (т.е. около 800 м), с четырьмя башнями и двумя воротами. В 1995 г. на территории бывшей крепости были заложены 7 разведочных шурфов. Культурный слой выявлен только в западной, южной и ЮЗ частях мысовой площадки. Толщина его 25-50 см. В центре и в северо-восточном углу слой полностью отсутствовал,

эта часть, по всей видимости, была сnivelирована в ходе строительных работ XX в. Каких-либо остатков вала, наблюдавшихся Л.А.Беркутовым, в настоящее время не сохранилось. Находки из шурфов представлены лепной керамикой (2 фрагмента), а также фрагментами круговых горшков от серого до черного цвета, с примесью в тесте крупного, либо мелкого, песка, с короткими шейками и венчиками в виде валика, с уплощенным приостренным наружу, либо округлым краем. Такая посуда в Прикамье датируется достаточно широко – XVI-XIX вв. Третья группа керамики представлена поливной посудой XVIII-XX вв.

В 2006 г. С.Е.Перевошиковым осуществлялся археологический надзор при возведении храма Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона в ЮЗ секторе территории. Наблюдения за земляными работами подтвердили прежний вывод о разрушенности культурного слоя в этой части памятника, но при этом были обнаружены фрагментированные остатки кирпично-каменного фундамента, углубленного в материковый слой до 1 м (предположительно, следы Воскресенской церкви с.Каракулино). Со слов строителей при закладке котлована под фундамент современного храма были разрушены два погребения с человеческими костями – следы христианского кладбища при церкви. В одном из разведочных шурфов, заложенном в СВ углу мысовой площадки, под слоями разрушения, на глубине 50 см был выявлен слой серого мергеля с мелкой галькой, толщиной до 20 см, лежащий на материковой глине, предположительно, остатки основания крепостных сооружений. Многолетние наблюдения на месте бывшей русской крепости Каракулино свидетельствуют о перспективности работ на еще оставшейся незастроенной части.

Колл. УдГУ, №2176.

Беркутов, 1914, с.56; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.34-36; *Перевошиков*, Отчет 2006 г., с.2-16; его же, 2009, с.480; *Макаров*, 2009, с.240.

104. Колесниковское I городище. Ч.к.; с.Колесниково, левый берег ручья Решаковский (устье), правого притока р.Камы.

Находится в 0,15 км к В от южной окраины села и в 0,8 км к югу от тракта с.Каракулино – д.Ныргында, к которому вдоль подножия памятника идет грунтовая дорога. Городище занимает продолговатый мыс коренной террасы высотой 75-80 м. Длина площадки до 100 м, ширина – 40 м, поверхность ее неровная, имеет покатость к ЗЮЗ, на СЗ склонах ее находятся 3 группы одиночных деревьев – елей. С напольной стороны городище укреплено валом высотой около 1 м с едва заметным проходом, длина насыпи 36 м, ширина 6 м; ров почти не виден, но к югу от него образовалась промоина, другая промоина имеется к востоку от первой.

Памятник впервые был осмотрен А.А.Спицыным, отметившим в ходе поездки 1888 г. по Каме, что культурный слой уже сполз с верхней части площадки вниз, где имел толщину «рабочей лопатки». В начале XX в. городище было осмотрено Л.А.Беркутовым, снявшим план и собравшим небольшой материал. В 1954 г. в ходе работ УАЭ под руководством В.Ф.Генинга, городище обследовала Г.И.Матвеева. Заложенные ею шурфы позволили зафиксировать слой мощностью до 40 см у подножия вала, а также собрать фрагменты керамики, украшенные зашипами и насечками по венчику. В 1979 г. городище повторно обследовано Г.Н.Клюевой (Журавлевой). В центре площадки ею был заложен разведочный шурф, показавший наличие слоя толщиной до 25 см, залегавшего под дерном и пахотой. Новый осмотр городища в 1995 г., 2001 г. и 2009 г. материала не дал. Поверхность городища задернована и используется под пастбище. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 29.12.49 г. №1993).

Колл. НМУР, №82.

Спицын, 1893, с.118; *Беркутов*, 1914, с.58; *Талицкая*, 1952, №585; *Матвеева*, Отчет 1954 г., с.72, *Генинг*, 1956а, рис.2; его же, 1958; №268; его же, 1971, с.103, №36; *Клюева*, От-

чет 1979 г., с.26; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №278; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №910; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.30; *Лукишин*, Отчет 2001 г., с.8-9; *Останина*, 2004, с.36-37; *Митряков*, Отчет 2009 г., с.23-24.

105. Колесниковское II городище. Ч.к.; с. Колесниково, правый берег р.Камы.

Выше городища I, по речке, протекающей через село, находилось второе городище, размытое рекой. Последующими исследованиями памятник не был обнаружен.

Беркутов, 1914, с.58; *Талицкая*, 1952, №586; *Генинг*, 1958, №269; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №279; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №911.

106. Кухтинское городище. А.к., Ч.к.; д.Кухтино, правый берег р.Шумихи, правого притока р.Камы.

Расположено в 2 км к ЮВ от деревни, на мысу, образованном коренным берегом Камы и прорезающим его с севера руслом р.Шумиха. Стрелка мыса ориентирована против течения. Высота мыса около 20 м. С напольной стороны защищено валом длиной 70 м и высотой 2 м (центральная его часть разрушена), а также рвом, в настоящее время едва заметным. В мысовой части площадки еще в середине XX в. был отмечен небольшой вал длиной 15 м и высотой 0,5 м, также не сохранившийся. Площадка городища несколько поката к С и СВ, у конца мыса круто, уступом срезана на высоту до 2 м. Площадь 3700 кв.м. Северо-западный склон интенсивно разрушается оврагом. Поверхность ранее распахивалась, ныне задернована. Культурный слой (мощность около 40 см вместе с дерном) сохранился, главным образом, у северо-западного склона, где включает два горизонта: верхний – серый золистый слой с находками мазунинской керамики и нижний – коричневатый суглинок с чегандинской керамикой. В шурфах у восточного склона отмечен лишь слабый черный суглинистый слой чегандинского времени. Городище открыто Г.И.Матвеевой в 1954 г. В 1957 г. В.Е.Стояновым на мысу была заложена траншея 2x1,3 м, в которой удалось проследить искусственную подрезку склона, укрепленного к тому же крупными известняковыми камнями и деревянными плахами, по-видимому, на чегандинском этапе существования городища. В 1969 г. в центральной части площадки Ю.А.Поляковым был заложен раскоп площадью 333 кв.м. В раскопе изучены остатки пьяноборского жилища наземного типа, прямоугольной формы, размерами 9,8x7,2 м, с выступом – входом в ЮЗ, короткой, стенке. По периметру жилища фиксировались полосы сырой и обожженной глины. Внутри находились два небольших кострища на центральной оси постройки и один крупный прямоугольный очаг в углу, дальнем от входа, устроенный на глиняной площадке, перекрытой слоем галечника. Заполнение сооружения содержало много углей и золы, а также кусков обугленного дерева. Еще одна, небольшая постройка находилась рядом с жилищем. Она интерпретирована автором раскопок как культовая. Раскопом площадью 21 кв.м изучен вал, представлявший земляную насыпь высотой 2 м с плоской площадкой по верху и вертикальными стенками, покрытую слоем прокаленной глины толщиной до 20 см. В ходе работ был также обнаружен небольшой вал на конце городищенской стрелки.

Находки с городища представлены лепной керамикой различных оттенков серого и коричневого цвета, с примесью в глине раковины и растительности, от слабопрофилированных сосудов, украшенных рядами круглых ямок по шейке и зашипами или насечками – по краю венчика. Есть в коллекции кусок шлака и обломки глиняных пряслиц, железный нож, бусина. В 1978 г. городище повторно осматривалось Г.Н.Клюевой (Журавлевой).

Колл. НМУР, №№54, 191.

Колл. УдГУ, №869, 912.

Спицын, 1893, с.142; *Талицкая*, 1952, №601; *Матвеева*, Отчет 1954 г., с.77; *Генинг*, 1956а, с.31; его же, 1957, с.163; *Стоянов*, Отчет 1957 г., л.285-289; *Генинг*, 1958, №284; *Поляков*, Отчет 1969 г., с.1-14; *Поляков*, 1970, с.139; *Генинг*, 1971, с.108-110, №43; *Клюе-*

ва, Отчет 1978 г., с.16-17; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №280; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №912; *Останина*, 2004, с.20-21, №32-33; *Черных*, 2008, с.217-218, рис.25-2.

**Нырғындынское I («Ола-Курук», Ильнешское?) городище. А.к., Ч.к., вторая половина I тыс. н.э., XII-XIII вв.; д.Нырғында, левый берег р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,4 км к ССЗ от села, на высоком мысу (более 50 м), вблизи впадения в р.Нырғындынка ручья Кинэ-Памяш. Площадка прямоугольной формы, площадью 12 тыс. кв.м, защищена с ВСВ стороны валом и рвом длиной до 75 м, высота вала 2,65 м, глубина рва 0,65 м. Поверхность распахивалась, в настоящее время засажена соснами и березой. В разных местах площадки и на склонах имеются ямы кладоискателей. Открыто в 1887 г. А.А.Спицыным. Раскопки не производил, только собрал с пашни керамику, раздробленные кости, обломок известнякового жернова.

В.Ф.Генингом высказано предположение, что именно это городище раскапывал в 1894 г. Ф.Д.Нефедов, назвав его Ильнешским (д.Ильнеш находилась в 4 км от Нырғындынского I городища). Нефедов копал на одном из склонов, раскопки дали интересный материал – ананьинская керамика, обломки костяных и каменных предметов, кости животных и рыб. Перед валом, на пахоте, собраны бронзовые подвеска-конек и булава XII-XIII вв., железный меч (не описан). В 1912 г. на городище побывал Л.А.Беркутов. Среди собранных им вещей – обломки зернотерок, костей медведя, лошади, лося, керамика с примесью раковины, украшенная шнуром и ямками. Л.А.Беркутов отметил наличие валообразной насыпи по всему периметру укрепленной части городища. Этот вал, хотя и сильно оплывший, был виден в 1954 г., когда городище осматривала М.А.Бухтеева. Высота его не превышала 0,4 м.

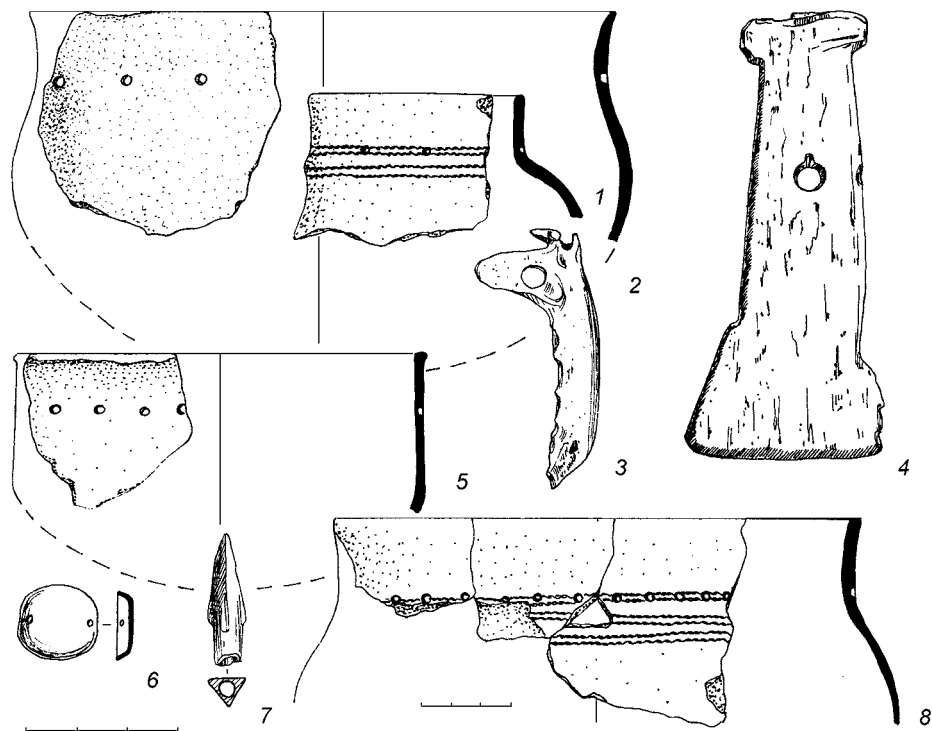

Рис. 34. Нырғындынское I («Ола-Курук», Ильнешское?) городище. Находки из разведочных сборов и раскопок разных лет (по Л.И.Ашихминой): 1, 2, 5, 8 – сосуды; 3 – амулет; 4 – лопатка; 6 – бляшка; 7 – наконечник стрелы. 1, 2, 5, 8 – глина; 3, 4 – кость; 6, 7 – медь

** Современное название городища. На карте дается под №101.

Наибольшей насыщенностью культурный слой отличается в центральной части площадки, где мощность его достигает 0,4 м. Он представляет собой темный суглинок с примесью золы и отдельными вкраплениями красной глины. Коллекция керамики из этой разведки, хранящаяся в НМУР им.К.Герда, включает 46 единиц. Керамика лепная, серого и серо-коричневого цвета, с примесью раковины и растительности, украшена шнуром и ямками. В 1971 г. на северном склоне городища небольшой раскоп (24 кв.м) был заложен Л.И.Ашихминой. Раскопом разрезан окружной вал и установлено, что насыпан он был в пьяноборское время из ананьинского культурного слоя. В нем найдены фрагменты ананьинских сосудов, амулет из клыка кабана, круглая бронзовая бляшка с 2 отверстиями по краям, фрагмент бронзовой накладки, костяная лопаточка и бронзовый трехгранный наконечник стрелы V-III вв. до н.э. (рис.34). Вновь осматривалось в 1995 г. и 2001 г. отрядами КВАЭ. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 29.12.49 г. №1993).

Колл. МИКСИ, №4097.

Колл. НМУР, №57.

Колл. УдГУ, №94, 1888.

Колл. УрГУ, №987.

Спицын, 1893, с.120; *Нефедов*, 1899, с.5, 64-65; *Беркутов*, 1914, с.58-60; *Спицын*, 1916, с.68; *Талицкая*, 1952, №338; *Бухтеева*, Отчет 1954 г., с.57-58; *Генинг*, 1958, №232; *Ашихмина*, Отчет 1971 г., с.4-7; *Генинг*, 1971, с.91-92, №12; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1972, с.183; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.98, №283; *Ашихмина*, 1985, с.58; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №915; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.9; *УРЭ*, 2000, с.520; *Лукишин*, Отчет 2001 г., с16-17; *Останина*, 2004, с.21-22.

107. Нырғындынское II городище. А.к., Ч.к., вторая половина I тыс. н.э.; д.Нырғында, левый берег Божьей речки, левого притока безымянного ручья, левого притока р.Нырғындынка, правого притока р.Камы.

Находится в 1,0 км к СВ от села, в глубине сильно пересеченного оврагами коренного берега р.Камы, на длинном узком мысу, образованном двумя глубокими оврагами, по дну которых протекают ручьи. Высота мыса до 23 м, длина до 380 м, максимальная ширина – 32 м, а в среднем – 16-22 м. Стрелка мыса вытянута в направлении ЗСЗ-ВЮВ, подвержена сильной абразии, особенно юго-западный склон. Полувековые наблюдения показывают, что с этой стороны площадка городища утратила почти половину поверхности. Поверхность имеет слабый уклон в юго-восточном направлении, прежде распахивалась, в начале 1970-х годов засажена лиственным лесом. Система укреплений городища включает два вала и ров. Первый вал защищает городище с напольной стороны, первоначально имел длину около 50 м, ширина его в основании 16 м, высота (от дна рва) – 2,6 м. Перед ним имеется сильно заплывший ров шириной до 10 м. Второй вал перегораживает мыс в центральной части, примерно в 180 м от внешнего вала. Его высота – 1,2 м, ширина – до 20 м, длина – около 20 м. Активно использовалась, по-видимому, только площадка между валами, культурный слой на ней достигает толщины 40-50 см (в ямах – до 90-105 см). На стрелке мыса слоя нет. Площадка городища – около 4500 кв.м. За внешним валом, на распахиваемой поверхности, также отмечаются находки керамики мазунинского облика. Распространение их наблюдается на расстоянии 250-300 м от вала (возможно, это остатки Нырғындынского VII селища (см. №73)).

Впервые обследовано А.А.Спицыным в 1898 г., собравшим с пахоты «черепки такие же, как и на первом Нырғындынском» и приобретшим с него пару бронзовых круглых блях с игольчатой застежкой (рис.35-5). В 1912 г. городище осмотрел Л.А.Беркутов, он отметил «довольно значительный, особенно у среднего вала» культурный слой. В собранной им коллекции – керамика, кости лошади и лося, обломки костяного наконечника стрелы, пряслица и круглый амулет. Стационарно исследовалось в 1954 г. Удмуртской археологической экспе-

дицией под руководством В.Ф.Генинга. Раскоп площадью 365 кв.м был заложен в 30 м к СЗ от внутреннего вала, на нем изучены жилище чегандинского времени, ямы и очаги чегандинского и мазунинского этапов пьяноборской КИО (более 20 объектов). Находки из раскопа превышают 1300 номеров; в большинстве – это керамика и кости животных. Керамика черного и серого цвета с небрежной обработкой поверхности, примесью крупнотолченой раковины в тесте. Обломки принадлежат слабопрофилированным сосудам, более половины из них не имеют орнамента. Среди узоров – ряды круглых, овальных и треугольных вдавлений по шейке, насечки – по венчику.

После более чем 40-летнего перерыва раскопки на городище возобновлены Р.Д.Голдиной. Разведочное обследование 1995 г. показало угрожающий характер разрушений памятника,

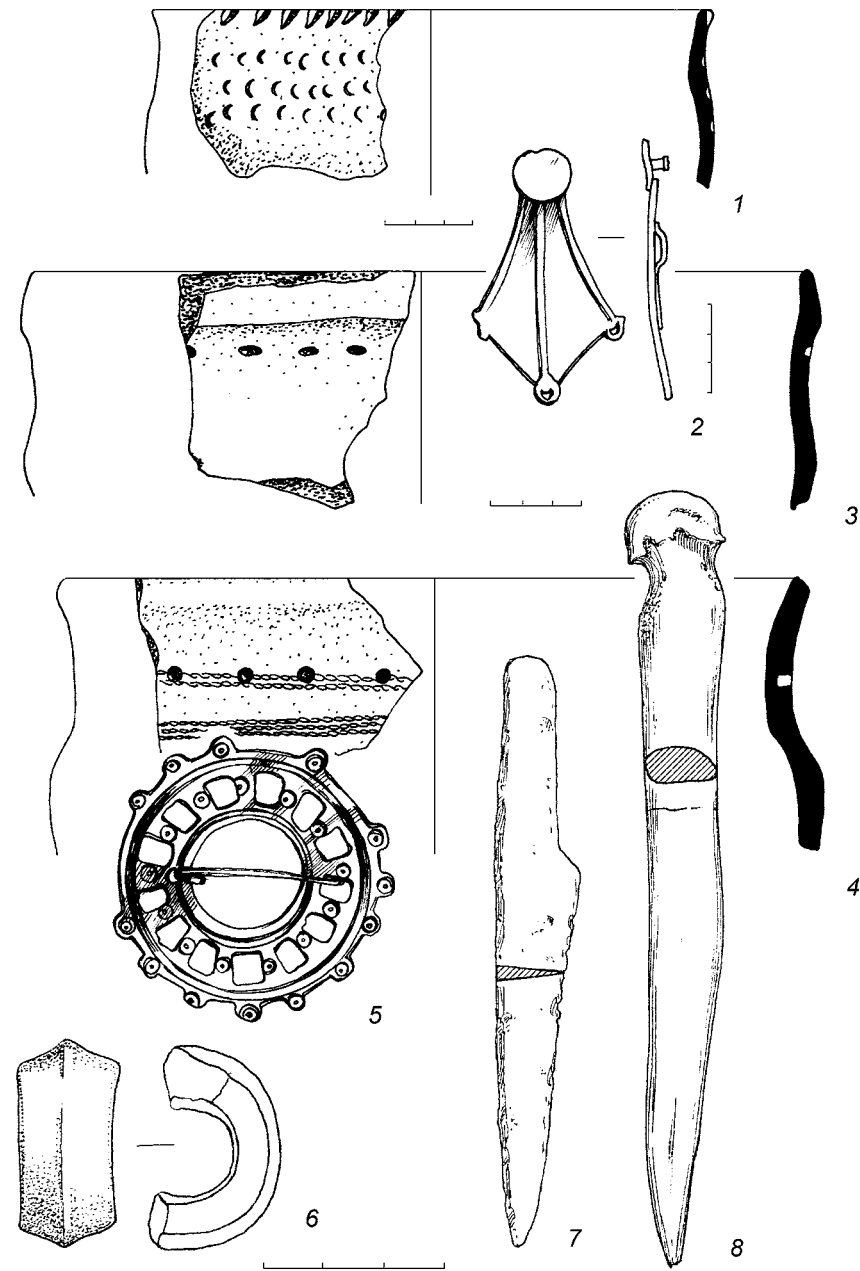

Рис. 35. Ныргындинское II городище. Находки из дореволюционных сборов (2, 5) и раскопок 1998 г.: 1, 3, 4 – сосуды; 2 – накладка; 5 – застежка; 6 – пряслице; 7 – нож; 8 – острие. 1, 3, 4, 6 – глина; 2, 5 – бронза; 7 – железо; 8 – кость

что и побудило к продолжению раскопок. В 1998 г. на городище было заложено три раскопа, все на площадке между валами. Кроме того, юго-западный склон был зачищен по всей длине площадки, включая внешние вал и ров (175,2 м). В ходе исследований подтвердились наблюдения В.Ф.Генинга о характере функционирования обеих площадок городища, о времени строительства внешних укреплений (постананьинское), об использовании городища во второй половине I тыс. н.э. (находки керамики бахмутинского типа и именьковской АК). На раскопах (общая площадь 293,7 кв.м) изучены отдельные хозяйственные ямы (более 20), столбовые ямки (более 120) и три детских захоронения. Ямы, по характеру стратиграфии и находок, отнесены к ананьинской и пьяноборской эпохам, захоронения совершены в ананьинское время. При зачистке склона были выявлены остатки слабоуглубленного сооружения на внутреннем склоне вала, а также следы еще 7 хозяйственно-бытовых ям.

В керамическом комплексе раскопок 1998 г. выделены несколько групп ананьинской керамики – гребенчато-шнуровая (ранняя), «воротничковая» ямочно-шнуровая ныргындинского этапа и сосуды с однорядными округлыми вдавлениями переходного к пьяноборскому времени. Значительную серию составляют слабопрофилированные сосуды с примесью толченой раковины в тесте, оформленные круглыми ямками по шейке – чегандинская группа и близкие по форме сосуды с примесью органики в тесте, украшенные продолговатыми, прямоугольными и овальными вдавлениями, штампом – мазунинская группа (рис.35). Вещевой инвентарь в массе представлен глиняными пряслицами, железными ножами, фрагментами тиглей. Среди изделий из бронзы можно отметить украшения костюма (подвески, накладки, наконечник ремня); имеются предметы из кости и рога – кочедык, наконечник стрелы, пряжка. Довольно много орудий и приспособлений из камня. Последний раз осмотрено в 2001 г.

Колл. НМУР, №12, 60.

Колл. УдГУ, №95, 888, 1887, 2098.

Беркутов, 1914, с.60; Спицын, 1916, с.64; Худяков, 1933, с.20; Талицкая, 1952, №339; Бухтеева, Отчет 1954 г., л.82-83; Генинг, Отчет 1954 г., с.172-180; его же, 1955, с.64; его же, 1958, с.170, №246; его же, 1971, с.96-100; Клюева, Отчет 1977 г., с.15-16; Ашихмина, 1985, с.57; Голдина, Отчет 1995 г., с.11; Голдина, Отчет 1998 г., с.2-17; Голдина, Волков и др., 2000, с.225-226; УРЭ, 2000, с.520; Лукин, Отчет 2001 г., с.19; Останина, 2004, с.22, №37, 38.

108. Ныргындинское III городище. М.тип; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка, правого притока р.Камы.

Расположено в 1,5 км к ССЗ от д.Быргында, на одном из высоких и длинных мысов левого берега р.Ижболдинка, правого притока р.Камы. Со стороны поля площадка памятника укрепена двумя сильно распаханными валами. Внешний вал, расположенный в 160 м от мыса стрелки, в настоящее время имеет высоту около 0,5 м. Внутренний, еще менее заметный вал, высотой 0,2-0,3 м идет параллельно внешнему на расстоянии 80 м от него. Ширина площадки городища колеблется от 20 м у края мыса до 60 м у внешнего вала. Общая площадь поселения около 5000 кв.м. Поверхность памятника задернована, имеет уклон к ЮВ. Культурный слой мощностью от 0,2 до 0,5 м, разрушен пахотой, беден находками, в раскопках В.Е.Стоянова отмечена мощность 0,4-0,7 м.

Впервые памятник был обследован в 1898 г. А.А.Спицыным, затем в 1912 г. Л.А.Беркутовым, в 1954 г. – М.А.Бухтеевой и в 1956-1957 гг. – В.Е.Стояновым. Спицын приобрел несколько предметов с городища, в том числе пластинчатую фибулу (рис.36).

Коллекция находок из раскопок В.Е.Стоянова насчитывает около 800 единиц,

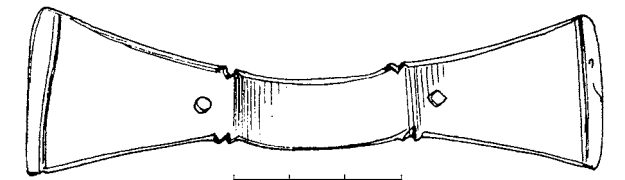

Рис. 36. Ныргындинское III городище. Бронзовая фибула из дореволюционных сборов (ГЭ, колл. 590, по: Спицын А.А., 1933)

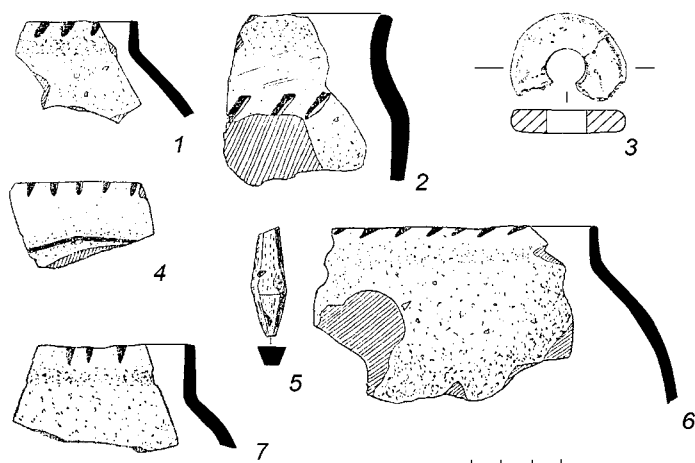

Рис. 37. Нырғындынское III городище. Находки: 1, 2, 4, 6, 7 – посуда; 3 – пряслице; 5 – наконечник стрелы. 1-4, 6, 7 – глина; 5 – кость (по: Голдина Р.Д., 1976)

линзовидных углублений по шейке). Из вещей найдены фрагмент железных удил, костяные наконечники стрел, глиняное пряслице (рис.37).

С городища, по сведениям А.А.Спицына, происходит знаменитая бронзовая ажурная пластина, приобретенная у местных крестьян в 1898 г. Пластина, отлитая в двусторонней литейной форме, содержит многофигурную трехъярусную композицию, включающую изображение ящера с короткими лапами и «пушистым хвостом», рыб в его чреве, сидящего человека в окружении лосиных голов и птиц (рис.38). Нырғындынская пластина неоднократно фигурировала в публикациях. Хранится в Государственном Эрмитаже (инв. №558/2).

Колл. НМУР, №61, 122, 192.

Колл. УрГУ, №927.

Беркутов, 1914, с.61-62; Спицын, 1916, с.85; Древности Камы..., 1933, с.20; Талицкая, 1952, №340; Бухтеева, Отчет 1954 г., л.83-87; Стоянов, Отчет 1956 г., л.82; его же, Отчет 1957 г., л.281; Генинг, 1958, №243; Чернолуцкий, 1965, с.123-124; Голдина, Отчет 1970 г., с.23-27; Ашихмина, Генинг и др., 1971, с.148; Голдина, 1976, с.83-86; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №285; Оборин, Чагин, 1988, с.93, кат.№69; Памятники истории и культуры, 1990, с.88, №917; УРЭ, 2000, с.520; Оятева, 2003; Останина, 2004, с.45-46; Оятева, 2009, с.106-115.

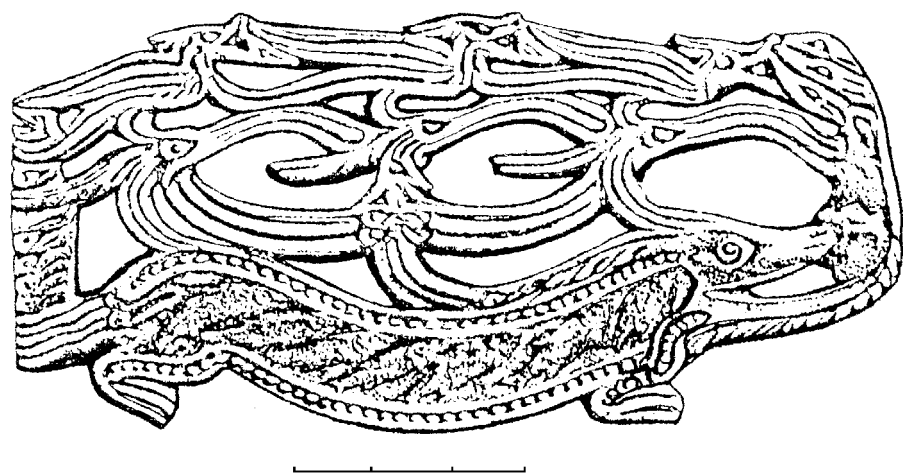

Рис. 38. Нырғындынская пластина. Покупка А.А.Спицына (ГЭ, инв. №558/2)

109. Нырғындынское IV городище. А.к., IV-III вв. до н.э.; д.Нырғында, правый берег р.Камы.

Расположено в 0,2 км к югу от ЮЗ окраины села, на мысу вытянутой прямоугольной формы коренного берега Камы высотой до 21 м. Стрелка мыса имеет длину 180 м, ширина варьируется от 42 до 60 м. Мыс образован двумя параллельными логами, вытянутыми с севера на юг. Край мыса задернован, остальная часть занята лесонасаждениями. Городище известно с 1898 г., когда А.А.Спицын, раскапывая Нырғындынские могильники, приобрел у местных крестьян ряд находок с него.

Обследовано Л.А.Беркутовым в 1912 г., отметившим наличие со стороны поля небольшого вала шириной до 10 м и высотой до 0,5 м (к настоящему времени не сохранился). Из находок Л.А.Беркутовым подняты фрагменты лепной керамики с мелкой примесью раковины, украшенной шнуровыми и ямочными вдавлениями, а также зернотерка.

В 1954 г. памятник был осмотрен М.А.Бухтеевой, в 1957 г. – В.Е.Стояновым. Раскоп 1957 г. был заложен в центре площадки. Культурный слой – серый суглинок мощностью 4-12 см – разрушен в верхней части распашкой, толщиной до 20 см. Отмечено увеличение мощности культурного слоя в сторону восточного склона. Находки с раскопа – свыше 300 обломков керамики с «воротничком» по шейке, украшенной рядом ямок, либо ямочно-шнуровыми композициями. Из вещей отметим обломок медного кельта с шестигранной втулкой и асимметричным лезвием (рис.39) и фрагменты зернотерок. В 1968 г. Л.И.Ашихминой и В.Е.Стояновым вскрыто 202 кв.м на двух раскопах. Культурный слой толщиной 20-25 см сильно разрушен распашкой, представлен светлым и темным суглинком, заполнявшим ямы. Изучено 10 ям различной глубины и размеров, расположенных без какого-либо порядка, а также два прокала. Найдены фрагменты керамики позднеананьинского типа, кости животных, фрагменты глиняных пряслиц. Вновь памятник осматривался в 1969 г. – А.В.Прокоповым, в 1977 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко.

Колл. НМУР, №52, 189.

Колл. УдГУ, №647, 654.

Колл. УрГУ, №779.

Беркутов, 1914, с.62-63; Древности Камы..., 1933, с.20; Талицкая, 1952, №341; Бухтеева, Отчет 1954 г., с.61; Стоянов, Отчет 1957 г., л.311-315; Генинг, 1957, с.162; его же, 1958, №229; Стоянов, Ашихмина, Бельтикова, Отчет 1968 г., с.95-97; Прокопов, Отчет 1969 г., с.80; Клюева, Отчет 1977 г., с.17-17а; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №286; Ашихмина, 1985, с.57; Памятники истории и культуры, 1990, с.88, №918; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.13-14; УРЭ, 2000, с.520; Останина, 2004, с.22-23, №39-40.

110. Обуховское городище. А.к., IV-III вв. до н.э.; д.Обухи (бывш.), правый берег р.Камы.

Находится в 1,4 км к В от д.Обухи, в 2,8 км к ВЮВ от с.Вятское, на высоком (до 14 м) мысу треугольной формы, вытянутом с С на Ю. Мыс с восточной и западной сторон ограничен логами, по дну которых текут ручьи. С севера площадку ограничивает отвер-

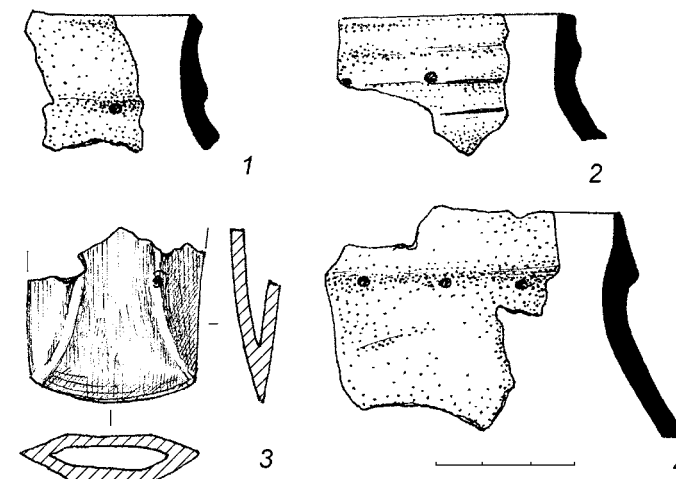

Рис. 39. Нырғындынское IV городище. Находки из раскопов В.Е.Стоянова, 1957 г.: 1, 2, 4 – сосуды; 3 – медный кельт

шек западного лога. Напротив стрелки мыса, в 0,25 км к ЮЮЗ, в широкой пойме Камы, находится оз.Ольховое. Длина площадки 130 м, ширина в основании – 70 м. Примерная площадь памятника 4500 кв.м.

Впервые упоминание памятника находим у А.А.Спицына. В 1954 г. житель деревни И.В.Батулин сообщил В.Ф.Генингу о находках «глиняных черепков и блюдец (?)» на рёлке напротив оз.Ольховое. В 1957 г. было обследовано В.Е.Стойновым, отметившим наличие в северной части мыса едва заметного вала. В двух шурфах был выявлен разрушенный распашкой культурный слой, содержащий керамику ананьинского типа, орнаментированную сдвоенным шнуром и ямками. В коллекции имеется также миниатюрный сосудик, украшенный пояском ямок, и обломок терочника. В 1969 г. памятник вновь осмотрен В.Е.Стойновым и Л.И.Ашихминой. Местное название «Релка Уточка», а логов – Парубков и Якимов. Повторно осмотрено в 1995 г. разведочной группой КВАЭ. Установлено, что площадка памятника задернована, находок не обнаружено.

Колл. НМУР, №197.

Спицын, 1893, с.117; *Генинг*, Отчет 1954 г., с.15; его же, 1957, с.163; *Стойнов*, Отчет 1957 г., л.295-297; *Генинг*, 1958, №280; *Стойнов*, *Ашихмина*, Отчет 1968; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.86, №887; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.42; *Останина*, 2004, с.23.

111. Саузовское (Бельский Шихан) городище. А.к., Ч.к.; д.Саузово, правый берег р.Белой, левого притока р.Камы.

Городище расположено в пойме правого берега р.Белой на останце коренного берега высотой 15-18 м, в 5 км к ЮВ от с.Чеганда, 7 км к ЗЮЗ от д.Саузово и 0,3 км от русла Белой. Одинокий холм – шихан, среди местных жителей известен как «чертов палец», имеет вытянутую с СВ на ЮЗ овальную форму, размерами 420x100 м, с крутыми, заросшими лесом склонами. Верхняя площадка холма довольно ровная, слегка приподнятая в центре, шириной 40-50 м. В северо-восточной половине площадки сохранились два вала: один в средней части, второй – ближе к СВ оконечности холма. Его длина 10 м, ширина 6 м, высота 1,0-1,7 м. Второй вал имел слегка изогнутую форму длиной 14 м, шириной около 6 м, высотой – 1 м. С внешней стороны вала сохранился ров глубиной 1 м.

Памятник известен с XIX в. В 1894 г. его обследовал Ф.Д.Нефедов, заложивший траншею размерами 2x1,5 м. В основании культурного слоя им был обнаружен клад в небольшой материковой ямке, содержащий железные и бронзовые изделия, аналогичные, по мнению автора находки, Чегандинскому кладу (№169), а также бронзовый кельт с боковым ушком. В раскопе на южном склоне, на глубине около 1,5 м им же были найдены куски руды, шлака, кремь. Имеется также указание на находки железных и бронзовых наконечников стрел и медного кольца. В 1913-1914 гг. на Шихане побывали инженер А.Е.Марков и краевед Ф.В.Стрельцов. Первый произвел раскопки на южном склоне Шихана, где обнаружил 6 костяков (1 взрослый и 5 детских). Ф.В.Стрельцов указывал на находки керамики черного цвета с примесью раковины, обломок глиняного изделия и пережженные кости. В 1954 г. памятник обследован Н.А.Мажитовым (?). В 1983 г. Н.Л.Решетниковым продолжены раскопки могильника в южной части шихана. Керамика из сборов на городище принадлежит ананьинской АК. Бронзовые наконечники стрел из раскопок Ф.Д.Нефедова исследованы на состав металла С.В.Кузьминых. Изготовлены они из металлургически «чистой» меди, типологически принадлежат общераспространенным в V-III вв. до н.э. типам наконечников С-34, С-36, С-40.

Колл. МА МГУ, №302.

Нефедов, 1899, с.69-70; *ИАК*, 1914, с.120; *Стрельцов*, 1914, с.97-98; *Талицкая*, 1952, №359; *Кузьминых*, 1983, с.47; *Решетников*, Отчет 1983 г., с.9-10; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №919.

112. Сухаревское городище. А.к, Ч.к.; д.Сухарево, левый берег р.Житковка, правого притока р.Камы.

Находится в 1,5 км к северу от деревни, на длинной стрелке, образованной двумя оврагами. У южного подножия стрелки протекает р.Житковка. Площадка размером 2200 кв.м. укреплена тремя валами. Два вала защищают городище с напольной стороны. Длина наружного вала 32 м, высота около 2 м, внутреннего – 26 м, при высоте 1,5 м. С мысовой стороны площадку защищают вал длиной 28 м, высотой 2 м. Ров сильно оплыл. Поверхность памятника задернована, прежде распахивалась. Мощность культурного слоя – темный гумусированный суглинок – в среднем 30-35 см.

Первые сведения о находках «чудских» вещей близ деревни содержатся в статистических материалах Вятской губернии. Памятник был открыт в ходе поездки А.А.Спицына по Каме в 1887-1888 гг. Ученый отметил зольный характер культурного слоя городища, разрушавшегося распашкой. Им собрана значительная коллекция керамики черного и серого цвета, с примесью раковины в глиняном тесте, орнаментированной ногтевыми вдавлениями. Черепок крепкий, с хорошо обработанной поверхностью. Найдены также железные шлаки, кости животных и колотая галька. В 1911 г. городище осмотрено Л.А.Беркутовым, указавшим на скудость подъемного материала. В 1954 г. памятник обследован разведочной группой Удмуртской археологической экспедиции. В шурфах, заложенных в мысовой части городища, собраны фрагменты керамики с примесью раковины в глиняном тесте, с ямочными и шнуровыми вдавлениями.

В 1978 г. вновь обследован Г.Н.Клюевой (Журавлевой), отметившей антропогенные нарушения городища: через всю площадку нефтяниками прорезана траншея. С разрушенной поверхности собраны фрагменты ананьинской шнуровой керамики (в т.ч. «воротничковой») и чегандинской, украшенной круглыми ямками. По сообщению А.А.Спицына, в 0,3 км от вала городища, вдоль берега Камы, на протяжении 200 м встречались обломки глиняной посуды, скорее всего, с разрушенного слоя поселения.

Колл. МИКСП, №4102 КП.

Колл. НМУР, №46.

Колл. УдГУ, №910.

Материалы по статистике..., 1892, с.26; *Спицын*, 1893, с.116; *Краткий отчет...*, 1913, с.63; *Талицкая*, 1952, №603; *Матвеева*, Отчет 1954 г., с.78; *Генинг*, 1958, №284а; его же, 1971, с.110, №45; *Клюева*, Отчет 1978 г., с.17-19; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.99, №287; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №920; *Останина*, 2004, с.24-25, №45-46.

113. Цигвинцевское («Алексеевская гора», «Чиганы») городище. М.тип (?); д.Цигвинцево (бывш.), д.Сухарево, левый берег р.Сухаревка, правого притока р.Камы.

Находится в 4 км к ЗСЗ от д.Сухарево и 2 км к В от бывшей д.Цигвинцево, в 400 м к Ю от дороги, ведущей на нефтепромыслы. Городище занимает мысообразный выступ коренного берега высотой до 40 м. Памятник расположен на самой стрелке длинного подтреугольной формы мыса, вытянутой по линии ЮЗ-СВ. Склоны мыса несколько круче, чем соседние участки плато. Городище двухплощадочное, с напольной стороны оно прикрыто слабоизогнутым валом длиной 40 м, шириной в основании 8 м, высотой 1-1,5 м. Скорее всего, прежде вал был длиннее и заходил на склоны. Второй, внутренний вал, делит площадку посередине, его высота более 2 м, длина 17 м, ширина в основании 7 м. Есть вероятность, что в древности оконечность мыса была слегка подрезана. Размеры внутренней площадки составляют 40x24 м, внешней 48x40 м; общая длина мыса, ограниченного валами – 95 м. Поверхность, имеющая значительный уклон от валов к стрелке мыса (до 6 м), в настоящее время задернована, нарушена большой ямой (8x5x1 м). Корен-

ное плато в окрестностях городища распаханно, засеивается многолетними травами, вдоль края отдельными участками расположены сосновые посадки.

Информация о городище – «Алексеевской Горе» – содержится в Материалах по статистике Вятской губернии за 1892 г., повторена в своде И.А.Талицкой. Впервые обследовано в 1954 г. Г.И.Матвеевой, повторно – в 1978 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и 1992 г. разведочной группой КВАЭ под руководством И.Ю.Пастушенко. Шурфы показали отсутствие культурного слоя на обеих площадках городища.

Материалы по статистике..., 1892, с.27; *Кривошеков, Зеленов*, 1911, с.89; *Шабердин*, 1928, с.4; *Талицкая*, 1952, №604; *Матвеева*, Отчет 1954 г., л.78; *Генинг*, 1958, №285; *Клюева*, Отчет 1978 г., с.19-20; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.99, №288; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №921; *Пастушенко*, Отчет 1992 г., с.21.

114. Чегандинское I городище. А.к., Ч.к., М.тип, Им.к.; с.Чеганда, правый берег р.Камы.

Расположено в 3 км к ЮЗ от села, на центральном мысу в логу Малая Чеганда. Мыс вытянут с запада на восток, его стрелка изгибается к северу в направлении ЮЗ-СВ. Склоны мыса достаточно крутые, поднимаются на высоту 22-23 м над уровнем ручьев, протекающих в обоих логах; залесены так же, как и часть площадки и оба вала. С напольной стороны городище защищено валом, прорезанным в двух местах. Длина вала 83 м, ширина в основании 23 м, высота 3-3,5 м. Имелся и ров, ныне практически незаметный, шириной 10-15 м и длиной более 80 м. В 170 м к востоку от первого вала расположен еще один, перед которым также в древности был ров. Он делит площадку памятника на две части и отсекает стрелку мыса в месте его изгиба. Вал слегка изогнут, длина его 54 м, ширина в основании – 11-15 м, высота – 2 м. Размеры мысовой части 135x50 м, она почти полностью занята лиственным лесом; «напольная» площадка имеет размеры 195x100 м, по краям залесена. На ней сохранились следы раскопов.

Первые сведения о городище получены А.А.Спицыным, осмотревшим его в 1887-88 гг., собравшим с распахиваемой поверхности керамику, раздробленные кости, шлаки, костяной наконечник стрелы и глиняные пряслица. У крестьян им были куплены несколько бронзовых изделий, найденных в разное время. В 1910 г. небольшие раскопки на городище произвел Л.А.Беркутов. Материалы его раскопок, правда, без ряда оригинальных находок, хранятся в Сарапульском музее истории и культуры Среднего Прикамья.

Масштабные раскопки на городище произвел в 1954-1956 гг. В.Ф.Генинг. Им заложено на площадке между валами 8 раскопов общей площадью 1402 кв.м. Культурный слой толщиной 0,5-0,7 м стратиграфически разделяется на горизонт разрушения (распашки) толщиной 15-25 см и собственно культурный слой, содержащий прослойки золы и пепла различной мощности, окраски и структуры. Основной слой сформировался в чегандинское время, верхний определен рамками мазунинской культуры, хотя в нем были обнаружены артефакты середины – второй половины I тыс. н.э. (бахмутинской АК, именьковской АК).

Остатки городища чегандинского времени представлены наземными бревенчатыми домами размерами 9,5-13,0x5-6 м, с одним-двумя очагами по осевой линии. Жилища располагались тремя рядами, под углом друг к другу. Между жилищами изучены хозяйственные ямы-кладовки и производственные сооружения. Основная часть ям (более 50) относится к чегандинскому времени, 20 ям – к мазунинскому. Жилища этого времени оказались разрушенными. Коллекция находок из раскопок включает более 10 тыс. предметов. Среди них больше всего фрагментов керамики и костей животных. Изделия из металла и кости немногочисленны: это орудия труда и предметы быта (ножи, наконечники стрел, проколки, рукояти). Выделяются каменные приспособления – зернотерки, жернов, точильные бруски, песты, метательные шары, грузила. Небольшая, но достаточно оригинальная, коллекция предметов из глины – фигурки людей и животных, «лепешки»,

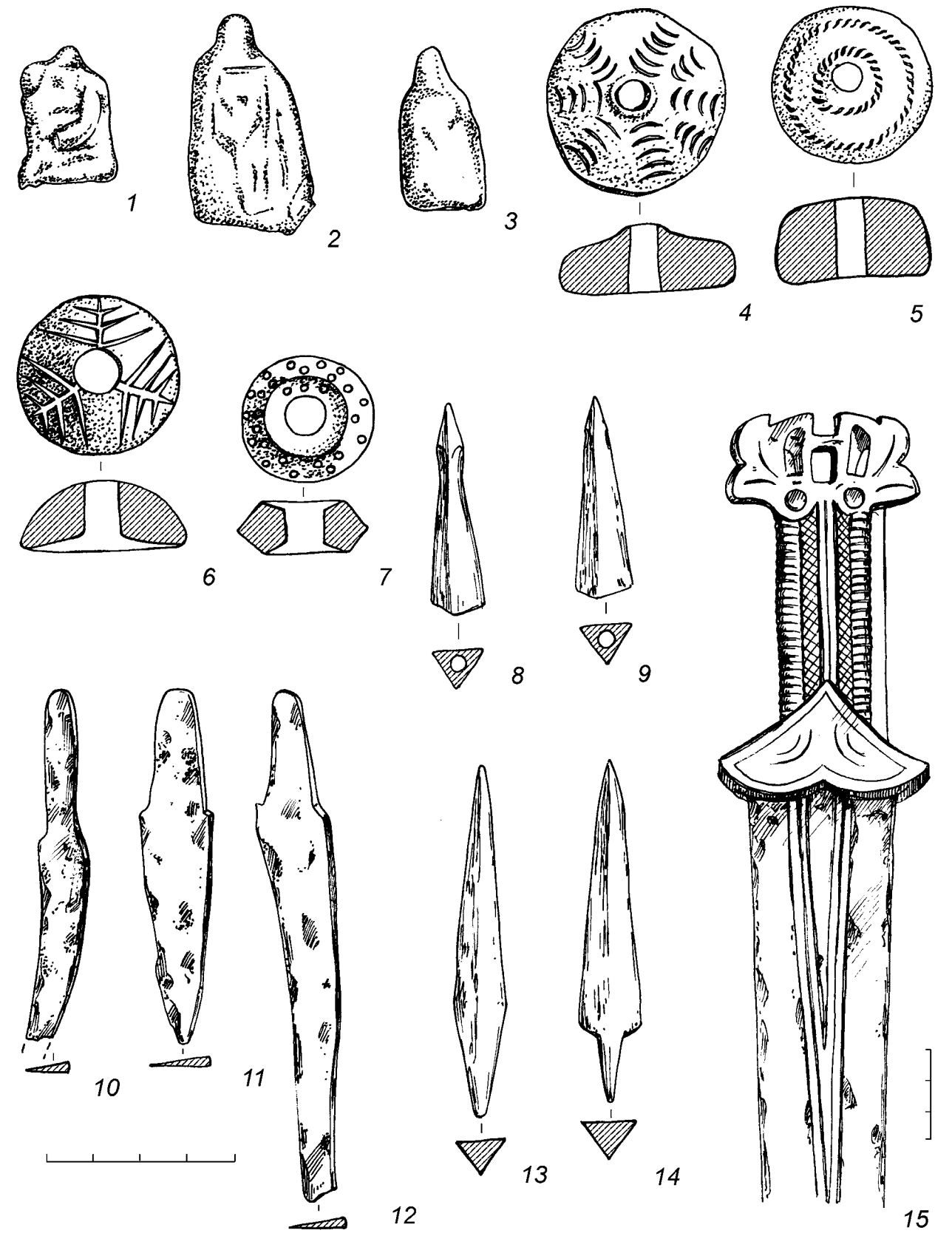

Рис. 40. Чегандинское I городище. Вещевой инвентарь: 1-3 – глиняная пластика; 4-7 – пряслица; 8, 9, 13, 14 – наконечники стрел; 10-12 – ножи; 15 – меч (по: Генинг В.Ф., 1971; Тальгрэн, 1917)

пряслица (рис.40). Имеются украшения костюма – бусы, бляшки-накладки, наконечники ремней, раковина-каури. Среди предметов производственного класса можно назвать куски шлака, крицы, тигли, литейные формы.

Разведочные обследования городища проводились в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1992 г. – И.Ю.Пастушенко.

В 1998 г. раскопки на городище продолжены Т.И.Останиной. Раскоп IX площадью 153 кв.м был заложен к западу от раскопа V. На нем изучено 11 хозяйственных ям и 7 очагов, датированных первыми веками н.э., а также парное захоронение (женщина и ребенок) V в. н.э. с инвентарем мазунинского типа. В керамической коллекции раскопа ею выделены 4 группы лепной посуды (ананьинская, пьяноборская, мазунинская и именьковская) (рис.41). На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 05.12.79 г. №362).

Колл. ГЭ, №649.

Колл. МИКСП, №4103.

Колл. НМУР, №№16, 86, 105, 116, 142.

Колл. УдГУ, №862.

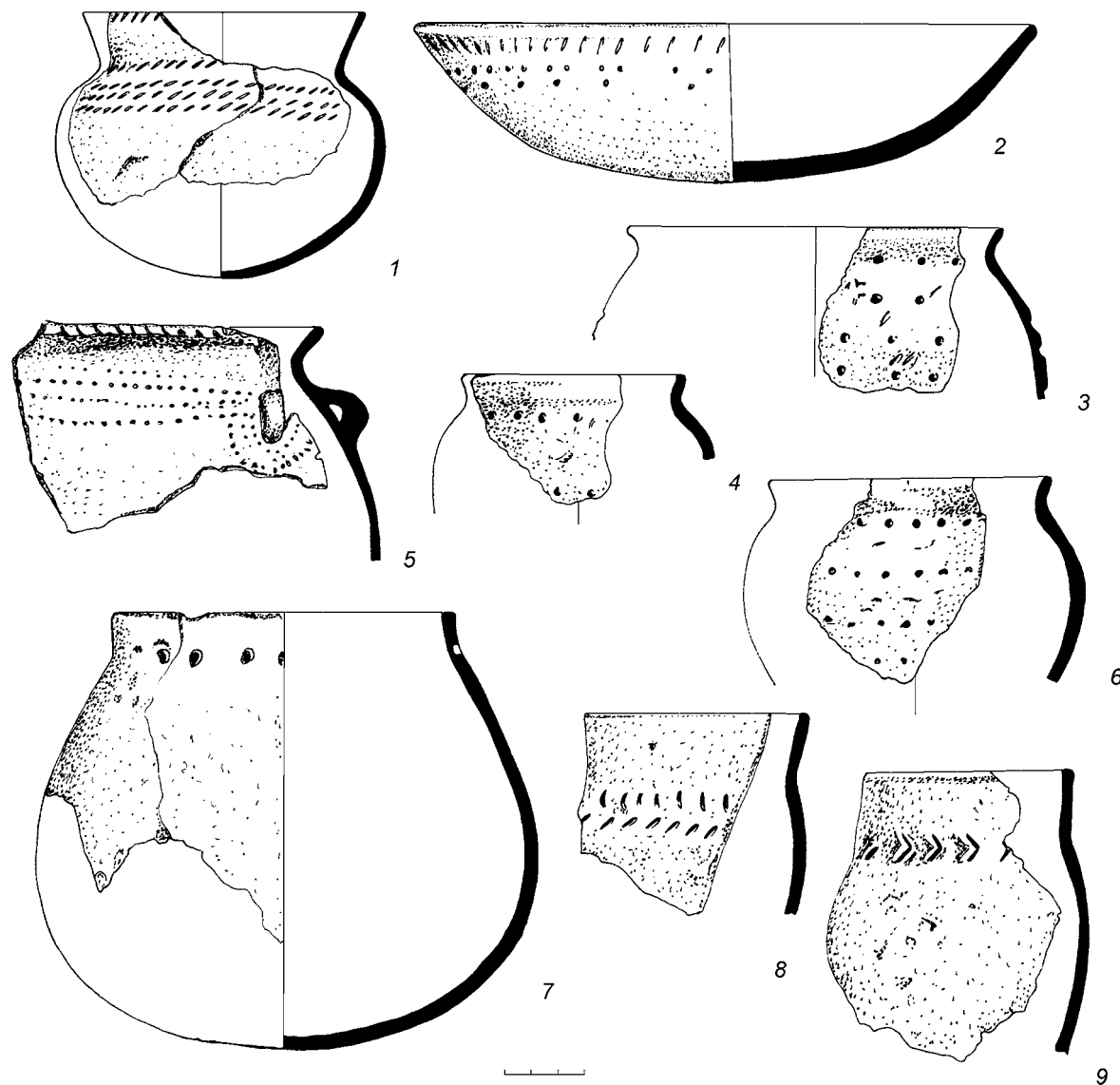

Рис. 41. Чегандинское I городище. Керамика из раскопок В.Ф.Генинга 1954-1956 гг.

Спицын, 1893, с.118-119; Беркутов, 1914, с.36-41; Тальгрэн, 1917, с.20; Талицкая, 1952, №355; Кадиков, Отчет 1954 г., с.68-69; Генинг, Отчет 1954 г., л.137-150; его же, Отчет 1955 г., с.101-111; его же, 1955, с.64; его же, Отчет 1956 г., л.109-185; его же, 1956б, с.63; его же, 1958, №262; его же, 1967а, с.141-163; его же 1971, с.35-83; Клюева, Отчет 1979 г., с.23-24; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №289; Памятники истории и культуры, 1990, с.88, №922; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.18-19; Останина, Отчет 1998 г., л.4-50; Голдина, 1999, с.210-212; УРЭ, 2000, с.742-743; Останина, 2000б, с.249-250; ее же, 2004, с.25-27, №50-54; Черных, 2008, с.52-53, 218-219, рис.25-26.

115. Чегандинское II городище (селище). М.тип; с.Чеганда, правый берег р.Камы.

Расположено на северном мысе в урочище Малая Чеганда, в 3,0 км к ЮЗ от села. Мыс вытянут с З на В на 700 м и полого опускается вниз, ширина его в устье достигает 120 м. Склоны круты и залесены, южный интенсивно разрушается береговой абразией. По дну оврагов, ограничивающих мыс, протекают ручьи, сливающиеся в глубине лога. Высота мыса достигает 24 м. Поверхность его распаивается. В центральной его части имеется ложбина и небольшое естественное возвышение, вытянутые поперек площадки. Очевидно, они и были приняты Л.А.Беркутовым, обследовавшим памятник в 1910 г., за вал и ров. Культурный слой разрушен. Находки, собранные в 1910 г., поступили в Императорскую Археологическую комиссию (рис.25). Площадь распространения находок, встречающихся, в основном к востоку от всхолмления, но не доходящих до стрелки мыса, составляет 140x80 м (около 11000 кв.м).

В 1954 г. памятник осмотрен Б.Х.Кадиковым, а в 1955 г. В.Ф.Генинг произвел здесь небольшие раскопки, высказав сомнение относительно наличия укреплений. В 1992 г. повторно обследован И.Ю.Пастушенко. С распаиваемой поверхности им было собрано более 50 фрагментов керамики и два куса шлака. Керамика лепная, серого и коричневого цвета, с примесью раковины, шамота, песка, органики. Среди орнаментов на посуде отмечены ямочные вдавления, оттиски крупнозубого гребенчатого штампа овальной формы, насечки. В ходе мониторинга, проведенного в 2007 г. на памятнике была выполнена инструментальная съемка. В каталоги 1979 и 1990 гг. занесен ошибочно как городище. На государственной охране (Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 г. №624).

Колл. УдГУ, №1981.

Беркутов, 1914, с.38; Талицкая, 1952, №356; Кадиков, Отчет 1954 г., л.70; Генинг, Отчет 1955 г., с.69; его же, 1958, №263; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №290; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №923; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.19-20; Перевощиков, Отчет 2007 г., с.10-11.

116. Чегандинское III городище (селище). Ч.к.; с.Чеганда, правый берег р.Камы.

Расположено в 3 км к ЮЗ от села, на мысу в логу Малая Чеганда, к югу от Чегандинского I городища. Занимает самую оконечность мыса, вытянутого по линии ЗЮЗ-ВСВ. Длина стрелки составляет 130 м при ширине 40 м. Склоны мыса достаточно круты, с юга и на самой стрелке разрушаются абразией. По дну оврагов протекают ручьи, сливающиеся в глубине лога. Высота мыса 18 м. Склоны и большая часть площадки залесены. Памятник был открыт в 1910 г. Л.А.Беркутовым, собравшим небольшой подъемный материал в виде керамики и костей животных, ошибочно отнесен к типу городищ. В 1954 г. обследован В.Ф.Генингом. Собрана керамика пьяноборского типа с ямочным орнаментом. Следов укреплений обнаружено не было, памятник назван Чегандинским III селищем. В 1992 г. вновь обследован разведочной группой КВАЭ. Находок обнаружено не было.

Беркутов, 1914, с.38; Талицкая, 1952, №357; Генинг, 1958, №261; его же, 1971, с.102, №30; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №291; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №924; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.20.

117. Черновское городище. Середина I тыс. н.э. (?); д.Черново, верховья р.Черная, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Расположено в 0,5 км к ЮЮЗ от д.Черново. Занимает узкий длинный мыс высотой 16 м, образованный двумя логами, с протекающими по ним ручьями. Ручьи сливаются к северу от городища, давая начало р.Черной. Площадка городища имеет вытянутую прямоугольную форму, обращенную к северу. Склоны городища достаточно круты, поверхность в прошлом распахивалась, в настоящее время задернована. С южной, напольной стороны, защищено шишковидным, сильно распаханым валом высотой 0,5 м и длиной 30 м, а также слабо заметным рвом. В средней части площадки сохранились еще два вала. Высота валов 0,4 м и 0,7 м, длина 25 м. Между ними имеется ложбина, выходящая к западному склону (возможно, ров?). Площадь городища 14000 кв.м, культурный слой не выявлен. Упоминания о городище имеются у А.А.Спицына и в анкетах, собранных Л.А.Беркутовым. Последний раз осматривалось в 1981 г. Н.Л.Решетниковым, собравшим с осыпи восточного склона несколько фрагментов лепной керамики.

Колл. МИКСП, №7526 КП.

Шабердин, 1928, с.5; *Талицкая*, 1952, №311; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.99, №292; *Решетников*, Отчет 1981 г.; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №925; *Быкова*, 2003, с.29.

118. Юньгинское I городище. А.к., Ч.к. (?); д.Юньга, правый берег р.Камы.

Располагается в 0,5 км к В от д.Юньга, в устье р.Каракулка, на выдающемся, высотой 66 м, продолговатом мысу коренного берега Камы. Мыс ориентирован по линии СЗ-ЮВ. Южный склон его очень крут, залесен елово-пихтовым лесом, на нем установлено два створных знака. Северный склон более пологий, открытый, небольшой лесок имеется лишь к В от вала. Стрелка мыса обрывиста. С напольной стороны поселение защищено невысоким валом овальной формы длиной 36 м, шириной 6 м. Высота его около 1 м, ров с внешней стороны едва заметен. Поверхность ранее распахивалась, в настоящее время задернована.

Городище впервые упоминается А.А.Спицыным, посетившим его в 1887-1888 гг. В 1912 г. обследовано Л.А.Беркутовым, собравшим керамику черную в изломе, с желтоватой поверхностью и примесью раковины, а также кости животных, раковины *Urio* и колотую гальку. В 1954 г. разведочными исследованиями Г.И.Матвеевой на городище собрана небольшая коллекция ананьинской керамики с ямочно-шнуровым и гребенчатым орнаментом. Повторно обследовано в 70-е годы Л.И.Ашихминой и Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. – Р.Д.Голдиной. Культурный слой толщиной 10-20 см обнаружен только на ЮЗ склоне площадки, содержит керамику ананьинского типа. По-видимому, пьяноборский слой уже полностью разрушен. Площадка укрепленного поселения имеет размеры 120x20-40 м (3400 кв.м). Используется под пастбище. Последние обследования городища проводились Е.В.Лукшиным и А.Е.Митряковым в 2009 г., указавшим на активное использование городища местными жителями как места отдыха. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 29.12.49 г. №1993).

Колл. НМУР, №49.

Колл. УдГУ, №646.

Колл. УрГУ, №911, 993.

Спицын, 1893, с.117-118; *Беркутов*, 1914, с.56-57; *Талицкая*, 1952, №587; *Матвеева*, Отчет 1954 г., л.72-73; *Генинг*, 1958, №270; *Ашихмина*, Отчет 1971 г., с.8; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1972, с.183; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.19; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.99, №293; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.89, №926; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.32; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.5-6; *Останина*, 2004, с.27-28, №55; *Митряков*, Отчет 2009 г., с.17-18.

119. Юньгинское II городище. А.к., Ч.к.; д.Юньга, правый берег р.Камы.

Находится на соседнем с Юньгинским I городищем мысу, занимает вытянутый под прямым углом к нему мыс, высотой 66-72 м, размерами 140x20-50 м (4200 кв.м), ориентированный в направлении СВ-ЮЗ. Склоны крутые, СЗ склон залесен, отдельные деревья растут и на площадке памятника, имеющей уклон к стрелке. Последняя укреплена невысоким валом (0,55 м) шириной 6 м, длиной 19 м, находящимся в 50 м от оконечности мыса. С напольной стороны городище защищено более значительной насыпью высотой до 1 м, длиной 40 м, шириной 8 м. Отмеченные ранее ров и третий вал, примыкавший со стороны площадки к наружному валу, ныне не прослеживаются. Поверхность мыса повреждена ямами, кострищами, полевой дорогой, засорена, используется под пастбище. Культурный слой почти полностью разрушен.

Памятник многократно обследовался, начиная с 80-х гг. XIX в., сначала А.А.Спицыным (керамика из его сборов хранится в ГИМе), в начале XX в. – Л.А.Беркутовым, в 1954 г. – Г.И.Матвеевой, в 1971 г. – Л.И.Ашихминой, в 1977 г. – Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. – Р.Д.Голдиной, в 2001 г. – Е.В.Лукшиным, в 2009 г. – А.Е.Митряковым. В 1971 г. на западном склоне городища Л.И.Ашихминой был заложен небольшой раскоп (площадь 12 кв.м). Коллекция с городища представлена керамикой позднеананьинского типа с ямочно-шнуровыми узорами и чегандинского – с рядами вдавлений круглой, овальной, каплевидной формы по шейке. На государственной охране (Постановление СМ УАССР от 29.12.49 г. №1993).

Колл. УдГУ, №645.

Колл. УрГУ, №909, 992.

Спицын, 1893, с.117-118; *Беркутов*, 1914, с.56-57; *Талицкая*, 1952, №588; *Матвеева*, Отчет 1954 г., л.73; *Генинг*, 1958, №271; *Генинг*, 1971, с.103-104, №37; *Ашихмина*, Отчет 1971 г., с.8-10; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1972, с.183; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.20-21; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.99, №294; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №927; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.32-33; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.6-7; *Останина*, 2004, с.28, №56; *Митряков*, Отчет 2009 г., с.18-19.

Могильники

120. Боярский («Арай») могильник. М.тип, III-V вв. н.э.; д.Боярка, правый берег р.Камы.

Расположен в 4,0 км к З от д.Боярка и в 5,0 км к С от р.Камы, на узком вытянутом мысу коренного берега, ограниченном двумя глубокими оврагами. Склоны мыса крутые, интенсивно разрушаются. Площадка могильника ровная, слегка покатая к ЮВ, длина около 50 м, ширина 10-15 м.

Памятник был открыт в 2002 г., после того как поступила информация о разграблении еще неизвестного могильника в окрестностях д.Боярка. При обследовании было установлено, что работы велись с помощью тяжелой техники (на поверхности остались следы трех незасыпанных траншей с выбранными могильными ямами, по СВ склону мыса выявлены прикопы, сделанные для выборки осыпающихся погребений). Исследовался в 2002-2005, 2007-2009 гг. Раскопанная площадь составила свыше 1500 кв.м, на ней изучены 183 погребения. Погребения располагаются параллельными рядами, вытянутыми с ССЗ на ЮЮВ. Ориентация могил неустойчивая, но преимущественно ЗЮЗ-ВСВ. Более 40 могил принадлежат детям и подросткам. Захоронения, в основном, одиночные, но есть и коллективные (парные, тройные), а также – кенотафы. Положение умерших в большинстве случаев – вытянуто на спине, руки вдоль тела, головой на ЮЗ, ЗЮЗ. Сохранность костей хорошая. В некоторых могилах зафиксированы остатки погребальных конструкций типа колод, ящичков, носилок. Третья часть могил – безинвентарные. В остальных умершие сопровождалась типичным для мазунинской культуры инвентарем: железные пряжки с кожаными поясами, украшенными бронзовыми накладками, бронзовые и железные гривны, височные подвески в виде знака вопроса с напускной бусиной, бисер и бусы в составе ожерелий и жертвенных комплексов, бабочковидные фибулы, ножи и шилья (рис.42).

Как редкую находку можно отметить головной убор в виде шапочки, украшенной бронзовыми пронизками-обоймами и круглыми выпуклыми бляшками, с наконечником, сплетенным из железных колец. В ряде погребений найдены глиняные сосуды, как в составе сопровождающего инвентаря, так и в засыпи могил.

Колл. УдГУ, №2137, 2139, 2149, 2161, 2186.

Черных, Отчет 2002а г.; Черных, Лаптева и др., 2003, с.305-306; Черных, Отчет 2003 г.; Черных, Красноперов и др., 2004, с.344; Черных, Отчет 2004 г.; Черных, Карпушкина и др., 2005, с.377-378; Черных, Отчет 2005 г.; Черных, Карпушкина и др., 2007, с.398-399; Черных, Отчет 2007 г.; Черных, Отчет 2008 г.; ее же, Отчет 2009 г.; Черных, Карпушкина и др., 2010, с.393.

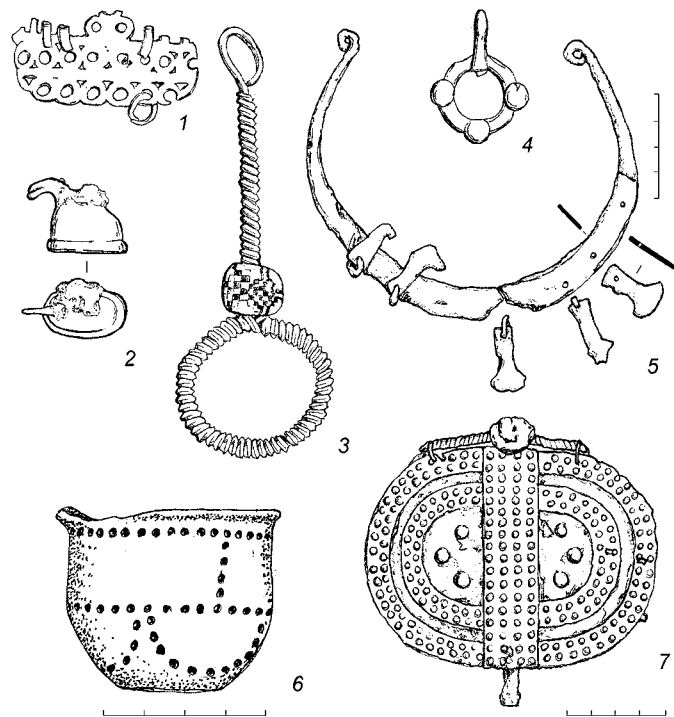

Рис. 42. Боярский («Арай») могильник. Находки из погребений (по Черных Е.М.)

121. Быргындинский I могильник. М.к., V в. н.э.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

Расположен в 0,5 км к С от деревни, на высоком узком мысу (12-21 м) коренного плато р.Камы, ограниченном с двух сторон оврагами. Поверхность распаивается, имеет значительную покатость в сторону р.Ижболдинка. Могильник занимает площадку ананьинско-пьяноборского селища (Быргындинского I), открыт в 1956 г. В.Е.Стояновым. В этом же году им была вскрыта площадь 153 кв.м, изучено 9 погребений. Раскопки были продолжены в 1969 г. Р.Д.Голдиной. На площади 225 кв.м изучено еще три погребения. Могильник исследован полностью. Все захоронения совершены в неглубоких могильных ямах, по обряду трупоположения на спине, головой на север, либо запад. Сопровождающий инвентарь небольшой, но достаточно выразительный: пряжки круглой формы, ножи, височные подвески, бабочковидная фибула. Повторно обследовался в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой), в 1995 г. – разведочной группой КВАЭ.

Колл. НМУР, №141.

Колл. УрГУ, №914.

Стоянов, Отчет 1956 г., с.81-81; Генинг, Стоянов, Семенов, Отчет 1956 г., с.217; Генинг, 1958, №239; Голдина, Отчет 1969 г., с.70-76; Ашихмина, Генинг и др., 1970, с.139; Клюева, Отчет 1979 г., с.20-21; Памятники истории и культуры, 1979, с.99, №291; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №928; Голдина, Отчет 1995 г., с.15; Останина, 2004, с.54, №148.

122. Быргындинский II могильник. XVI-XVII вв.; д.Быргында, оз.Митук, правый берег р.Камы.

Находится в 2,5 км к ЮВ от деревни, в 0,7 км к востоку от Быргындинского V поселения, на восточном краю террасы высотой 5-6 м, густо поросшей дубовым лесом, на берегу старичного озера Митук (ныне протока р.Камы).

Памятник открыт Л.И.Ашихминой в 1969 г. В следующем, 1970 г., исследован Р.Д.Голдиной. На площади раскопа (189,5 кв.м), заложенного на относительно свободной от леса поверхности, изучены 4 погребения, размещавшиеся в ряд с запада на восток, от края террасы вглубь ее. Могильные ямы имели меридиональную ориентацию, средние размеры 186x76 см, глубину 82 см, прямоугольную форму с сильно закругленными углами. Антропологический материал хорошей сохранности. Умершие уложены вытянуто на спине (в одном захоронении сохранились остатки деревянного гробовища), головой на север или юг, руки согнуты в локтях и положены на живот. Сопровождающий инвентарь имелся лишь в одной могиле: железный нож длиной 20 см с черенком и уступами при переходе к лезвию, височная подвеска в виде знака вопроса с напускной бусиной из зеленого стекла и льняной пояс, сотканный из зеленых и красных ниток. Лежал на груди погребенного, по диагонали от правого плеча к левому бедру (рис.43). К северу от

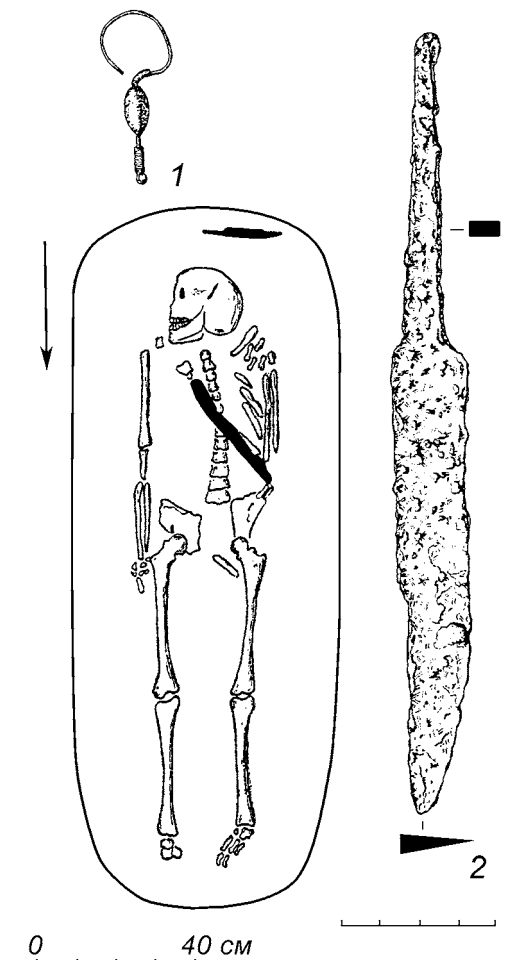

Рис. 43. Быргындинский II могильник (по: Голдина Р.Д., 1976)

ряда могил изучены три ямы овальной формы, глубиной 20-35 см, без находок. Коллекция находок передана на хранение в музей г.Сарапула.

Памятник повторно осматривался в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой) и в 1995 г. Р.Д.Голдиной. На площадке памятника построена компрессорная станция, возможно, разрушившая часть захоронений. Осматривался в 2001 г. Е.В.Лукшиным.

Колл. УрГУ, №925.

Ашихмина, Отчет 1969 г., с.12; *Голдина*, Отчет 1970 г., с.31-34; *Ашихмина, Генинг и др.*, 1971, с.148; *Голдина*, 1976, с.89-92; *Клюева*, Отчет 1979 г., с.21-22; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.108, №392; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.88, №929; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.28-29; *Лукшин*, Отчет 2001 г., с.15.

123. Вятский (Мошкарровский) могильник. А.к.; с.Вятское (Мошкары), правый берег р.Буториха, правого притока р.Камы.

Расположен на юго-западной окраине села, на высоком (? м) мысу, в излучине р.Буториха. Северный и южный склоны мыса довольно круты, восточный резко обрывается в сторону реки и небольшого пруда. От пруда всю толщу мыса прорезает карьер с дорогой, ведущей к ферме. Животноводческая ферма и хозяйственные дворы занимают поверхность мыса, прежде активно разрабатывавшегося крестьянами с целью добычи глины. Именно последнее обстоятельство привело к открытию погребения жителем села Адрианом Мельниковым. Информация была получена Л.А.Беркутовым, обследовавшим место находки в 1911 г. Находки приобрести не удалось, они к этому времени были утеряны. По сведениям, в погребении были бронзовое копьё, пряжка, шейная гривна, подвески и стеклянные бусы. Визуальный осмотр поверхности, сильно разрушенной ямами, ничего не дал. В 1954 г. памятник был осмотрен Г.И.Матвеевой, а в 1969 г. Л.И.Ашихминой. В заложенной траншее была найдена только челюсть животного. Повторно осматривался в 1979 г. Г.Н.Клюевой (Журавлевой). В 1995 г. при разведочном обследовании памятника найдены 2 фрагмента лепной керамики.

Беркутов, 1914, с.84; *Талицкая*, 1952, №595; *Матвеева*, Отчет 1954 г., с.76; *Генинг*, 1956а, с.60; его же, 1958, №278; *Ашихмина*, Отчет 1969 г., с.5-6; *Клюева*, Отчет 1979 г., с.32; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.108, №393; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.89, №930; *Голдина*, Отчет 1995 г., с.40-41.

124. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. А.к., VI-IV вв. до н.э.; д. Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Расположен на территории деревни, на берегу современного залива Нижнекамского водохранилища, на узкой и длинной террасе высотой около 6 м, ограниченной с двух сторон (южной и северной) ручьями. Открытие и исследование могильника в 1898 г. принадлежит А.А.Спицыну, изучив-

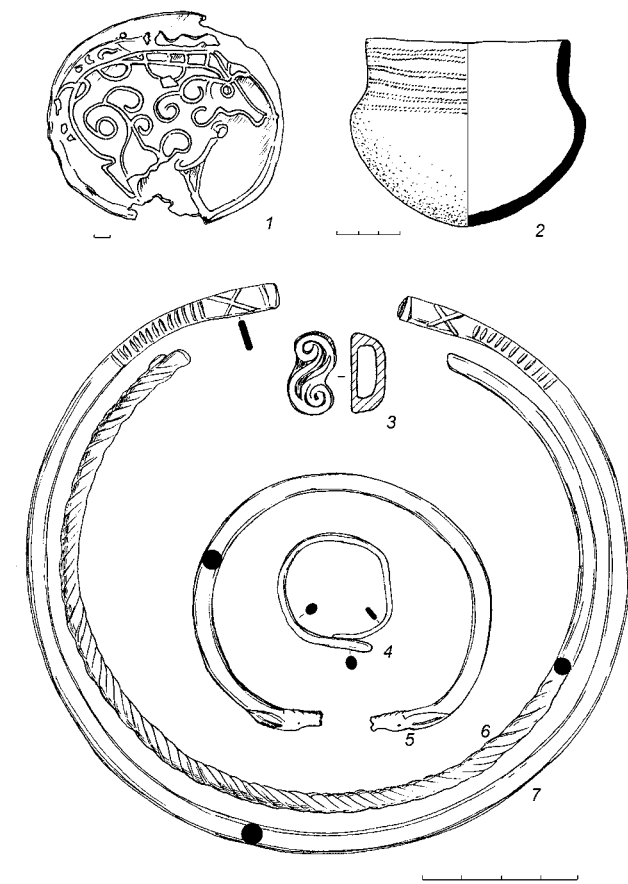

Рис. 44. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Инвентарь погребений (по: Худяков М.Г., Спицын А.А., 1933): 1 – зеркало; 2 – сосуд; 3 – уздечная бляшка; 4, 5 – браслеты; 7 – гривны. 1, 3-7 – бронза; 2 – глина

шему в течение месяца 218 захоронений. В конце XIX в. территория могильника была занята огородами и хозяйственными постройками деревни. В 1995-1996, 1998 гг. исследования памятника были продолжены С.Е.Перевозиковым, изучившим на площади 208 кв.м еще 10 погребений раннего железного века и 7 погребений конца XVI – XVII вв., совершенных в христианской традиции. В настоящее время территория памятника передана в частные руки и активно застраивается. Публикация материалов могильника (далеко не полная) была осуществлена в 1933 г. М.Г.Худяковым, наиболее выразительные предметы чуть раньше были опубликованы А.М.Таллгреном, поставившим его в один ряд с Ананьинским некрополем. Исследованные могилы располагались на площадке полосой шириной 4-13 м, тяготевшей к бровке террасы. Наиболее богатые захоронения занимали центральную часть площадки. Захоронения, в основном, индивидуальные, но известны и групповые (по 2-5 костяков), а также погребения отдельных черепов. Умерших укладывали вытянуто на спине, ногами к реке. Установлено наличие вторичных и частичных погребений. 3/4 могил имели погребальный инвентарь – металлические украшения, оружие, предметы конского снаряжения, быта и культа, глиняные сосуды (рис.44, 45). По характеру вещевых наборов и аналогиям им, датирован концом VI-IV вв. до н.э. Материалы дореволюционных раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже (г.Санкт-Петербург), в ИИМК РАН сохранились негативы фотографий, сделанных в начале XX в. фотографом Императорской археологической комиссии Чистяковым.

Колл. ГЭ, №609/1-149 (Отдел археологии Восточной Европы и Сибири).

Колл. УдГУ, №1979, 2076.

ОАК за 1898 г., с.43-46; *Tallgren*, 1919, p.38-45; *Древности Камы...*, 1933, с.10-14; *Худяков*, 1933а, с.5-10; *Смирнов*, 1938, с.218; *Девель*, 1950, с.292; *Збруева*, 1952, с.17; *Иессен*, 1952, с.213; *Талицкая*, 1952, №337; *Карпова*, Отчет 1954 г., с.47; *Генинг*, 1956б, с.48; его же, 1958, №225; *Клюева*, Отчет 1977 г., с.11-12; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.108, №394; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.89, №931; *Перевозиков*, Отчет 1995 г., с.7-9; его же. Отчет 1996 г., с.6-8; *Перевозиков и др.*, 1996, с.284-285; *Перевозиков и др.*, 1997, с.273-274; *Перевозиков*, Отчет 1998 г., с.3-6; *Черных, Перевозиков и др.*, 1999, с.125-127; *Перевозиков*, 2000, с.250-251; *Длужневская*, 2007, с.120-121; *Королькова*, 2010, с.300-305.

125. Зуевключевской II могильник. Энеолит, А.к., Новое время; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Располагался на площадке Зуевключевского I городища. При раскопках 1971-72 гг. были изучены 53 погребения, отнесенные к трем культурно-хронологическим группам. 25 захоронений, совершенных под слоем ананьинского времени, в юго-восточном секторе площадки, отнесены В.Ф.Генингом к эпохе бронзы. Погребения совершены в ямах прямоу-

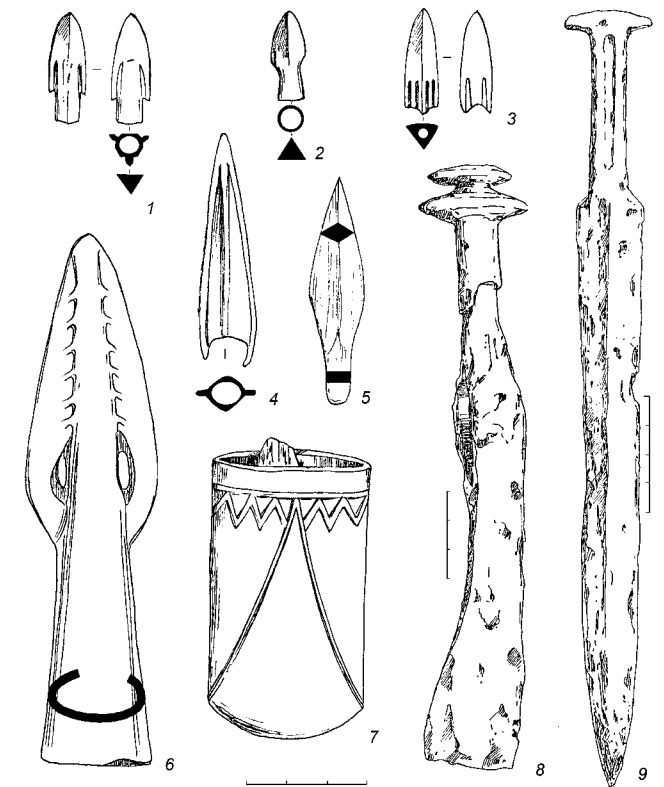

Рис. 45. Зуевский (Зуевключевской I) могильник. Инвентарь мужских погребений (по: Худяков М.Г., Спицын А.А., 1933): 1-5 – наконечники стрел; 6 – наконечник копья; 7 – кельт; 8 – топор; 9 – меч. 1-4, 6, 7 – бронза; 5 – кость; 8-9 – железо

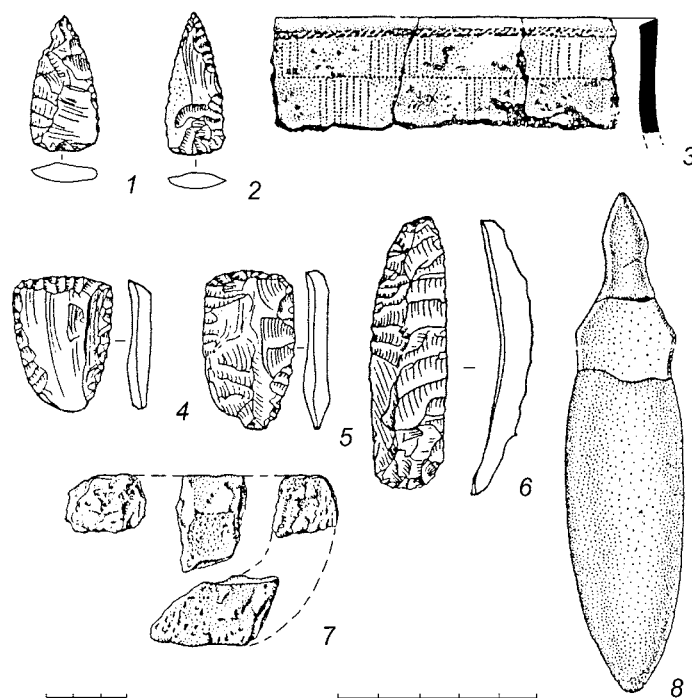

Рис. 46. Зуевключевской II могильник. Инвентарь погребений: 1, 2, 4-6 – кремневые изделия; 3 – сосуд; 7 – тигель; 8 – нож. 3, 7 – глина; 8 – медь (по: Генинг В.Ф., 1975; Голдина Р.Д., 1999)

на спине, головой на ЗСЗ, либо ЮЮВ. В двух случаях умершие были уложены головой к реке, в остальных – ногами в сторону реки. Сопровождающий инвентарь – обломки керамики, грузило и медный наконечник стрелы. Время функционирования некрополя может быть ограничено, по всей видимости, началом массовой застройки площадки городища в кон. VI – нач. V в. до н.э. Еще одна группа могил (5 погребений), размещавшихся на восточном краю площадки, сразу под слоем дерна и пахоты, была отнесена авторами раскопок к XVII-XVIII в., Л.Д.Макаровым – XIV-XV вв.

Костяки удовлетворительной сохранности лежали в прямоугольных ямах, ориентированных по линии ЮЗ-СВ, в вытянутом положении на спине, головой на ЮЗ. Размеры ям составляли в среднем 200x85 см, глубина – 30 см. В двух могилах найдены вещи – бронзовые подвески и перстень. Н.И.Шутова атрибутировала захоронения как поздние удмуртские, Л.Д.Макаров склонен рассматривать их как остатки русского кладбища более раннего времени – XIV-XVI вв.

Колл. МИКСП, №983, 984.

Колл. НМУР, №892, 983.

Ашихмина, Генинг и др., 1971, с.148; Ашихмина, Генинг и др., 1972, с.182-183; Ашихмина, Генинг и др., 1973, с.156; Генинг, 1975, с.211-220; Денисов и др., 1988, с.56-57; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №932; Шутова, 1992, с.255; Пастушенко, Отчет 1992 г., с.7-8; Макаров, 2003, с.193; Макаров, 2009, с.239.

126. Зуевключевской III могильник. Новое время, конец XVI – XVII в., д.Зуевы Ключи, правый берег р. Камы.

Располагался на надпойменной террасе р.Камы высотой около 6 м, на площади Зуевского (Зуевключевского I) могильника. Открыт в 1996 г. С.Е.Первощиковым. За два года раскопок изучены 7 погребений – одно взрослое и шесть детских. Костяк взрослого был

гольной или овальной формы, ориентированных по линии ЮЗ-СВ или ЮВ-СЗ. Размеры ям 50-260x30-94 см. Кости сохранились в 4-х из 25 погребений. В двух могилах отмечено положение умершего на правом боку с согнутыми в коленях ногами, в одном – вытянуто на спине. Вещевой инвентарь погребений беден: кремневые наконечники стрел треугольной формы с усеченным основанием (рис.46-1,2), скребки (рис.46-4-6), тигель (рис.46-7), медный нож (рис.46-8) и глиняный сосуд (рис.46-3). К раннему железному веку отнесены 23 погребения, размещавшихся двумя группами в восточной и юго-восточной частях площадки. Могильные ямы прямоугольной формы, размерами 120-240x50-90 см, ориентированы по линии З-В, ЗСЗ-ВЮВ. Антропологические остатки различной степени сохранности обнаружены во всех могилах. Умершие лежали вытянуто

уложен в глубокой прямоугольной яме (более 1 м), вытянуто на спине, головой на З, руки умершего сложены на поясе. Сохранились следы деревянного гробовища. Детские погребения совершены в неглубоких ямах, ориентированных бессистемно. Умершие уложены вытянуто на спине, головой на Ю, З, СЗ. При двух погребенных найдены медные нательные кресты, датирующиеся XVII в.

Колл. УдГУ, №2009, 2099.

Первощиков, Отчет 1996 г., с.8-9; его же, Отчет 1998 г., с.8-9; Первощиков и др., 1997, с.273-274; Первощиков, 2000, с.250-251; Макаров, Первощиков, 2006, с.169-177.

127. Каракулинский («Вятский Клесть», «Хлест», Первомайский) могильник. А.к., VI-IV вв. до н.э.; с.Каракулино, пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

По поводу места расположения могильника в научной литературе существуют расхождения. В 1892 г. на памятнике проводил раскопки И.Н.Смирнов. Согласно его описаниям, изученные могилы располагались на краю террасы, обрывавшейся к р.Каме. Вскрытые останки умерших лежали под слоем почвы толщиной до 0,6 м, ногами к реке, в направлении СЗ-ЮВ. Кости нижних конечностей были собраны на камском галечнике. Вещевой инвентарь был обнаружен только в одном погребении: глиняный сосуд в изголовье умершего, бронзовая пряжка на левом плече, бронзовый наконечник копья – рядом с левой рукой, два неопределенных предмета – около тазовой кости, справа. В экспозиции ГИМа выставлены крупная бронзовая бляха, бронзовое зеркало и медный вток от копья (зал №5, витрина 1, №№9, 29, 31) (рис.47). Позднее могильник неоднократно обследовался, но никаких остатков погребений обнаружено не было. В 1894 г. место это посетил Ф.Д.Нефедов, в 1954 г. – Г.И.Матвеева. Последней был составлен план памятника, располроженного на мысу, удаленном от Камы, вглубь территории, к СЗ от д.Партизан. Местонахождение могильника указал житель с.Каракулино П.Н.Черницын, отец которого участвовал в раскопках 1892 г. Г.И.Матвеевой были заложены три шурфа, давшие культурный слой мощностью 20-23 см, а также керамику серого, охристого и светло-коричневого цвета с раковинной примесью, украшенную шнуром и ямками. В 1969 г. Л.И.Ашихминой в траншее обнаружены несколько пятен без находок, 4 фрагмента керамики, в т.ч. орнаментированной шнуром, и обломок трубчатой кости. В 1979 г. место вновь осмотрено Г.Н.Клюевой (Журавлевой), а в 1983 г. – Н.Л.Решетниковым. Последним при обследовании обнажения террасы, на которой расположено Партизанское VI поселение (Первомайская (Каракулинская) стоянка), обнаружена разрушенная могила с человеческими костями. Могила прорезала слой эпохи бронзы и перекрывалась наслоениями русской деревни Партизан. По мнению Н.Л.Решетникова, именно это место следует связывать с локализацией могильника, раскопанного И.Н.Смирновым. Последний раз осматривался в 1995 г. разведочной группой КВАЭ.

Колл. ГИМ, №93989, оп.Б635

Колл. НМУР, №45.

Колл. УрГУ, №905.

ОАК за 1892 г., с.69; Смирнов, 1895, с.263-267; Нефедов, 1899, с.51; Кривошеков и Зеленов, 1911, с.89; Збруева, 1952, с.17; Талицкая, 1952, №592; Матвеева, Отчет 1954 г., с.74; Генинг, 1956а, с.50, №51; его же, 1958, №276; Ашихмина, Отчет 1969 г., с.7-8; Клюева, Отчет 1979 г., с.27; Памятники истории и

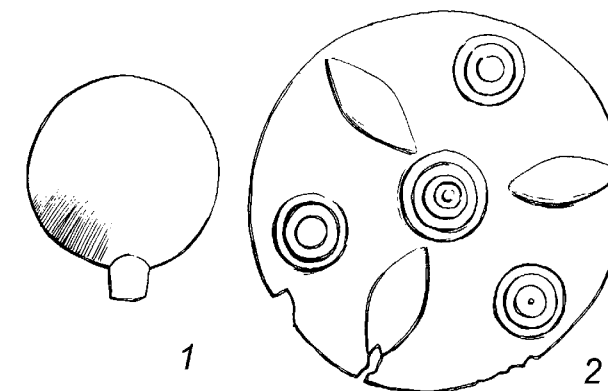

Рис. 47. Каракулинский («Вятский Клесть», «Хлест») могильник. Бронзовые изделия из раскопок И.Н.Смирнова 1892 г.: 1 – зеркало; 2 – бляха. Вещи даны без масштаба

культуры, 1979, с.108, №395; Решетников, Отчет 1983 г., с.7; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №933; Голдина, Отчет 1995 г., с.36-37; Останина, 2004, с.29.

128. Каракулинский II могильник. XVIII – начало XIX в.; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Находился на территории Каракулинского IV городища – крепости дворцового села. При строительстве храма Святого Великомученика и Целителя Пантелеимона в 2006 г. были разрушены два погребения, описание которых удалось установить со слов очевидцев А.В.Корепанова и О.Н.Попова. Одно находилось в гробовище длиной около 1,5 м, на глубине 1,2 м. Умерший лежал вытянуто на спине, головой на З. Положение рук не зафиксировано. От второго погребения сохранился только череп. Вещей при погребенных не найдено (возможно, не были замечены рабочими). Человеческие захоронения находили и раньше. Информация об этом сохранилась в источниках начала XX в.

Беркутов, 1914, с.56; Перевоицков, Отчет 2006 г., с.8.

129. Каракулинский III могильник. XVII-XIX вв.; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Занимал поверхность первой надпойменной террасы Камы, у подножия горы, на которой в XVI-XVIII в. была выстроена русская Каракулинская крепость. До середины XX в. территория была застроена торговыми рядами бывшей Базарной площади села. Информация о могильнике была получена еще в начале XX в. Л.А.Беркутовым, указывавшим при описании села на местонахождение здесь церкви и прихода.

После строительства Нижнекамского водохранилища все постройки села были перенесены выше по террасе, церковь разрушена, место превратилось в пустырь. В настоящее время здесь восстановлена Никольская часовня. В 2009 г. при обследовании участка разведочной группой КВАЭ были выявлены разрозненные костные останки взрослого индивида и ребенка, размещавшиеся в 0,15 км к ЮЗ от часовни, без сопровождающего инвентаря. Установлена сильная разрушенность почвенного слоя при застройке села.

Беркутов, 1914, с.56; Черных, Отчет 2009а, с.10-14.

130. Нырғындынский I могильник. Ч.к., I-III вв. н.э.; д.Нырғында, правый берег р.Камы.

Расположен в 2,8 км к ВЮВ от д.Нырғында, в 2,2 км к ЗЮЗ от д.Быргында, в 0,5 км к СЗ от бывш. Барановской пристани (Ижболдино). Могильник занимает поверхность боровой террасы, сильно залесенной, высотой до 3 м. Стал известен в 1892 г. по находке крупной эполетовидной застёжки, поступившей в Эрмитаж от жителя д.Нырғында Емельяна Балабухина. В 1898 г. раскопки на могильнике произвел А.А.Спицын (9 погребений). Небольшую коллекцию для Сарапульского земского музея собрал в начале XX в. Л.А.Беркутов. В составе ее бронзовые подвески, фибула, застёжка, 20 крупных и 10 мелких золоченых бусин, голубая бочонковидная бусина и крупные матовые фиолетовые бусы. В 1954 г. 36 кв.м и 6 могил к северу от раскопа А.А.Спицына вскрыл В.Ф.Генинг. В 1969-1971 гг. крупные исследования провела Р.Д.Голдина, изучены 294 погребения. В 1975 г. 8 погребений изучены Л.И.Ашихминой, в 1979 г. еще 6 погребений – Г.Н.Клюевой (Журавлевой). Общая вскрытая площадь на памятнике составила 3330 кв.м, на ней изучены 323 погребения в овальных ямах глубиной 50-80 см. Умершие захоронены в деревянных гробовищах, вытянуто на спине, головой на В. Сопровождающий материал – типично позднепьяноборский: медные подвески с напускной бусиной, бронзовые бляхи, застёжки с неподвижным крючком, эполетовидные застёжки, железные кольцевидные пряжки. В научном архиве ИИМК РАН хранятся негативы фотографий раскопок А.А.Спицына [НА, ФА, нег.П26171, 26173, П6564-6579, 7574-7579, отп. Q86/22-24, Q444/81].

Колл. ГЭ, №566/1-18.

Колл. НМУР, №13.

Колл. УдГУ, №41, 93.

ОАК за 1898 г., с.41-42; Древности Камы..., 1933, с.18; Худяков, 1933б, с.15-18; его же, 1934, с.79-92; Смирнов, 1949, с.26-28; его же, 1952, с.74; Талицкая, 1952, №342; Бухтева, Отчет 1954, с.61-62; Генинг, Отчет 1954 г., с.152-155; его же, 1955, с.63; его же, 1957, с.171; его же, 1958, №237; Голдина, Отчет 1969 г., с.1-69; Ашихмина Генинг и др., 1970, с.138-139; Голдина, Отчет 1970 г., с.35-80; ее же, Отчет 1971 г.; Генинг, 1971, №15; Ашихмина и др., 1971, с.148; Ашихмина, Генинг и др., 1972, с.183; Клюева, Отчет 1979 г., с.3-6; Памятники истории и культуры, 1979, с.108, №396; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №934; Голдина, Отчет 1995 г., с.23-24; Голдина, 1996, с.39-43; Останина, 1997, №54; Голдина, 1999, с.208, 258; УРЭ, 2000, с.520; Останина, 2000, №42; ее же, 2004, с.29; Длужневская, 2007, с.121.

131. Нырғындынский II могильник. Ч.к., III в. до н.э. – II в. н.э.; д.Нырғында, правый берег р.Камы.

Расположен на ЮЗ окраине деревни, ныне занятой усадьбой Федоровых и участком Удмуртского ботанического сада. Занимает широкий мыс высотой 4-5 м, четырехугольной формы, второй надпойменной террасы р.Камы. В 1898 г. А.А.Спицын вскрыл 36 погребений в восточной части площадки (рис.48), а в 1954 г. В.Ф.Генинг раскопал еще 34 погребения вдоль южного края мыса. В 1968-69 гг. им же раскопано еще 198 могил. Таким образом, общее количество изученных погребений составляет 268. Захоронения совершены в ямах прямоугольной, реже овальной, формы, на глубине более 100 см. Сохранность костей плохая. Ориентация умерших – головой на В или ВСВ. Сопровождаются многочисленным материалом, характерным для пьяноборской эпохи: височные подвески, бляшки различной формы, бусы и бисер, ажурные накладки, эполетовидные застёжки. Оружие – мечи и кинжалы. Особый интерес представляют головные уборы и составные нагрудные украшения из блях (рис.49-2), бляшек, накладок, бус. В последний раз осматривался в 1995 г.

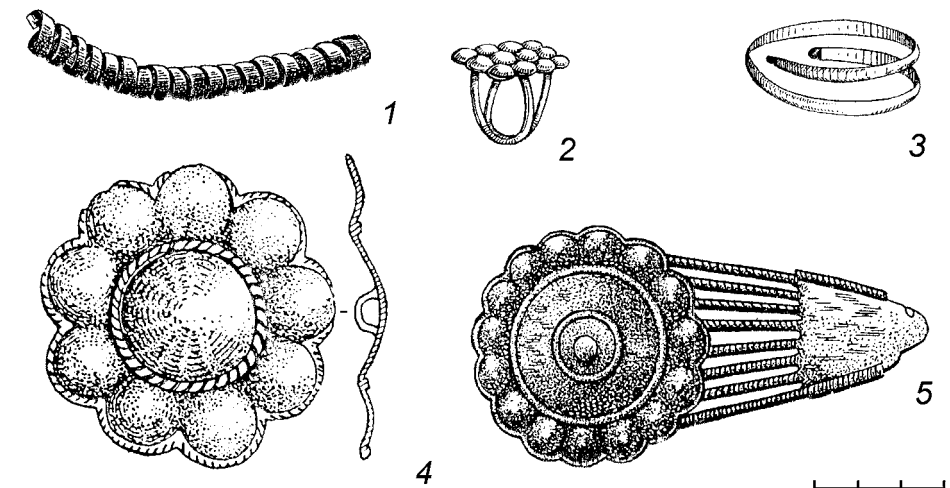

Рис. 48. Нырғындынский II могильник. Инвентарь погребений (по: Худяков М.Г., Спицын А.А., 1933)

Колл. ГЭ, №567/1-168.

Колл. НМУР, №14.

Колл. УдГУ, №894.

Колл. УрГУ, №780, 900.

ОАК за 1898 г., с.42-43; Tallgren, 1916, с.14; Древности Камы..., 1933, с.18-19; Худяков, 1929, с.41-50; его же, 1933б, с.15-18; Смирнов, 1949, с.28-39; его же, 1952, с.75; Талицкая, 1952, №343; Генинг, Отчет 1954 г., с.99-113; его же, 1956а, с.50; его же, 1957, с.167-169;

1958, №230; 1959, с.33-96; Генинг, Одинцов, Отчет 1968 г., с.3-79; Генинг, Одинцов, 1969, с.157-158; Ашихмина, Генинг и др., 1970, с.138-139; Генинг, 1971, №10; Памятники истории и культуры, 1979, с.108, №397; Памятники истории и культуры, 1990, с.89, №935; Голдина, Отчет 1995 г., с.78; ее же, 1999, с.208, 216, 258; УРЭ, 2000, с.520; Останина, 2000, с.45; ее же, 2004, с.29-30; Длужневская, 2007, с.121; Красноперов, 2009.

132. Партизанский могильник. Ч.к.; пос.Первомайск (бывш. д.Партизан), правый берег р.Камы.

Занимает поверхность первой надпойменной террасы р.Камы, высотой 3-4 м, в 1,2 км к В от пос.Первомайск, в 0,4 км к СВ от Партизанского IV поселения. Площадка ограничена с восточной и северо-восточной сторон повышением коренного берега. Поверхность задернована, частично поросла кустарником и одиночными деревьями; юго-восточный край активно размывается водами Нижнекамского водохранилища.

Открыт в 1995 г. Н.Л.Решетниковым, собравшим на песчаной отмели обломки человеческих костей. В береговом обнажении им было расчищено погребение на глубине 138 см в прямоугольной яме с плоским дном, ориентированной по линии ВСВ-ЗЮЗ. Кости человека хорошей сохранности лежали на дне ямы, в анатомическом порядке. Умерший был уложен вытянуто на спине, ногами к реке, головой на В, повернутой налево, лицом на ЮЮВ, кисти рук лежали на тазовых костях. Вещевой инвентарь представлен костяными втульчатыми наконечниками стрел и костяной колчанной накладкой караабызского типа (рис.50). Площадь могильника определена примерно – 1200 кв.м.

Колл. МИКСП, №13643.

Решетников, Отчет 1995 г., с.9-10; его же, 1996, с.286.

133. Саузовский (Бельский Шихан) могильник. II тыс. н.э., XIII-XIV вв. (?); д.Саузово, правый берег р.Белой, левого притока р.Камы.

Расположен в 7 км к ЗЮЗ от деревни на останце коренного берега (шихане) высотой 15-18 м в пойме р.Белой, в 0,3 км от реки. Могильник занимает южную оконечность холма, заросшего лиственным лесом. В 1913 г. раскопки здесь произвел инженер А.Е.Марков. Им было обнаружено 6 погребений: одно взрослое и пять детских. В 1981, 1983 гг. Н.Л.Решетниковым в рекогносцировочных раскопах площадью 12 кв.м вскрыто три по-

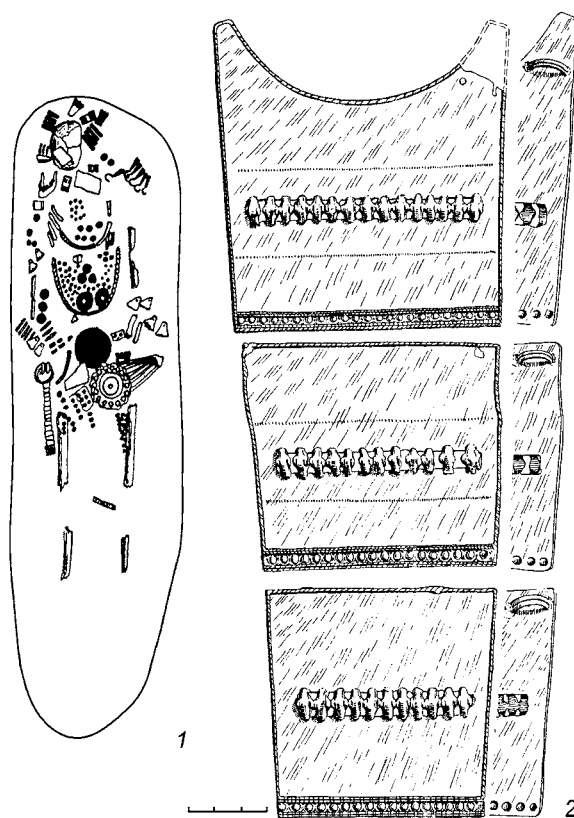

Рис. 49. Нырғындынский II могильник. 1 – план погребения 51 (по: Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет за 1968 г.); 2 – нагрудник из погр.204 (по: Красноперов А.А., 2006, табл.55)

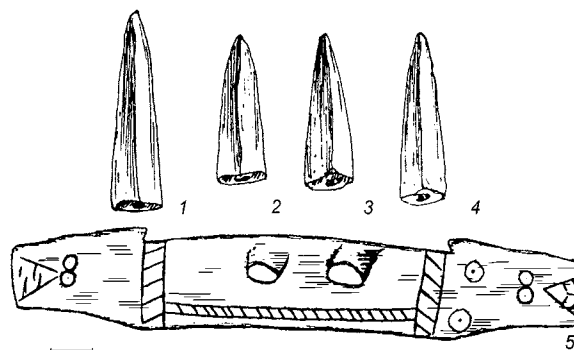

Рис. 50. Партизанский могильник. Инвентарь погребения 1 (разведка Н.Л.Решетникова 1995 г.)

гребения. Могильные ямы прямоугольной формы фиксировались в основании культурного слоя, на глубине 0,5 м. Ориентированы ЮЗ-СВ, ЗСЗ-ВЮВ. Костяки сохранили анатомический порядок. Умершие лежали вытянуто на спине, одна из рук уложена на таз, или согнута на груди. Вещевой инвентарь отсутствовал.

Стрельцов, 1914, с.97-98; Талицкая, 1952, №359; Решетников, Отчет 1981 г., с.6-7; Решетников, Отчет 1983 г., с.9-10; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №936.

134. Чегандинский II могильник***. Ч.к., III в. до н.э. – II в. н.э.; д.Усть-Бельск, правый берег р.Бол.Емаша, правого притока р.Камы.

Расположен на правом берегу реки, на полпути из д.Чеганда в д.Быргында, в 0,4 км к С от моста. Занимает невысокий мыс в излучине реки, высотой 6-8 м, прямоугольной формы. Местность известна жителям под названием «поляны». Поверхность ровная, слегка понижается в ЮВ направлении. В западной части распаивается. Северный край мыса круто обрывается к реке и активно разрушается. Полученный из обнажения материал привел к обнаружению могильника, полностью изученного в течение 1954-1956 гг. В.Ф.Генингом. Раскопано 220 погребений с костяками хорошей сохранности. Могилы располагались неправильными рядами, расположенными довольно хаотично. Ориентация могил СВ-ЮЗ, В-З, глубина 30-80 см. Умершие уложены на спине, головой на В, ВСВ, ВЮВ. 1/3 могил – безынвентарные, но ряд захоронений содержал богатые наборы украшений – фибулы, эполетовидные застежки, медные круглые и ажурные бляхи, составные нагрудники, бусы, костяные втульчатые наконечники стрел. Коллекция из раскопок составляет около 4000 предметов (рис.51, 52).

Колл. МИКСП, №4097.

Колл. НМУР №15, 106, 115.

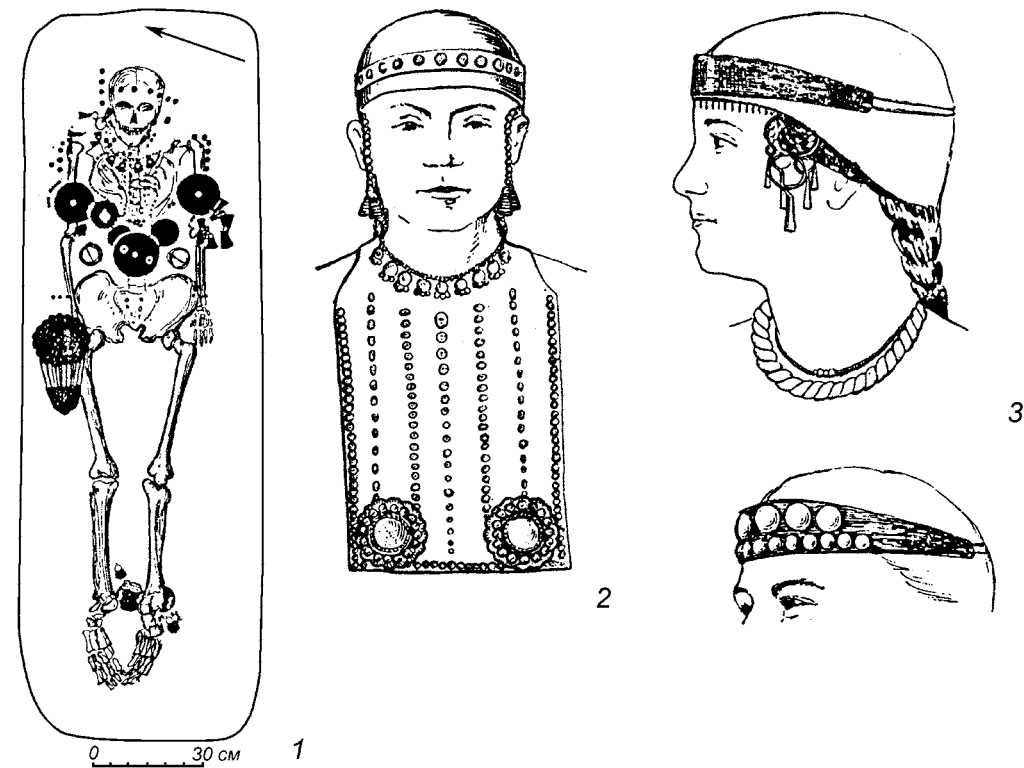

Рис. 51. Чегандинский II могильник: 1 – план погребения 154; 2-4 – реконструкции женского нагрудника и головных уборов (по: Генинг В.Ф., 1970)

*** Номер II могильнику был присвоен В.Ф.Генингом, поскольку к моменту его открытия имелась информация о возможном могильнике в местности «Над амбарами» (см. ниже, №164).

Генинг, Отчет 1954 г., л.114-135; его же, Отчет 1955 г., л.75-100; его же, 1955, с.64; его же, Отчет 1956 г., л.88-107; его же, 1956а, с.16-18, №41; 1956б, с.63; его же, 1958, №259; его же, 1971, с.6-34; Клюева, Отчет 1978 г., с.14-16; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №937; Останина, 2004, с.30-31.

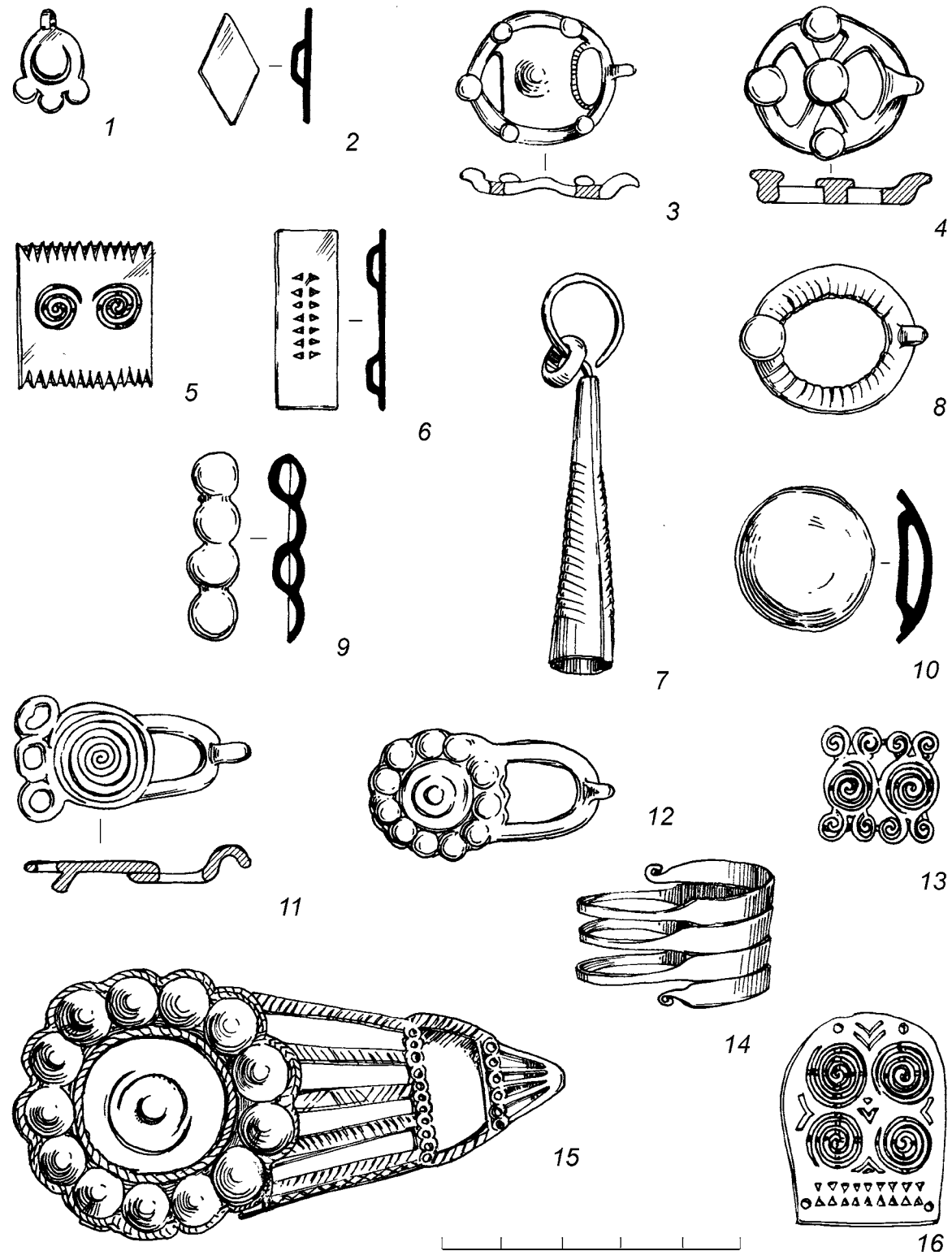

Рис. 52. Чегандинский II могильник. Инвентарь погребений (по: Генинг В.Ф., 1970)

Места отдельных находок

135. Бельско-Островное местонахождение палеофауны. Плейстоцен; остров в устье р.Белой, левого притока р.Камы.

В НМУР им.К.Герда хранится шейный позвонок мамонта шириной 16 см и длиной (вместе с суставом) 45 см.

Колл. НМУР, №2305 УРМ.

Роцупкин, 2005, №44.

136. Бочкаревские (Марковские) находки. Ч.к.; поч.Бочкарево (бывш. д.Марково), левый берег р.Чегандинка, правого притока р.Камы.

Близ деревни, к СЗ от д.Чеганда, в так называемом Бочкаревском Логу, крестьяне находили при распашке крупные медные бляхи с отверстиями посередине и медную «кастрюлю» конусообразной формы (кубок?), декорированную «медными треугольными бляхами и голубыми камешками», информация о чем впервые была дана земскими статистиками в к. XIX в.

Материалы по статистике..., 1892, с.141; Шабердин, 1928, с.5; Талицкая, 1952, №584; Памятники истории и культуры, 1979, с.119, №527; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №938.

137. Быргындинские I находки. А.к., Ч.к.; д.Быргында, правый берег р.Камы.

В 1898 г. А.А.Спицын приобрел у местных крестьян ряд вещей: медный кельт ананьинского типа, медную бляху с заклепками и такую же бляху, но с петлями на обороте. Найдены в Археологической комиссии, в 1931 г. были переданы в МАЭ.

ОАК за 1898 г., с.66; Древности Камы..., 1933, с.20-21; Талицкая, 1952, №345; Генинг, 1958, №245; Памятники истории и культуры, 1979, с.119, №528; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №939.

138. Быргындинские II находки. Древнерусские (?); д.Быргында, правый берег р.Камы.

В 1894 г. близ деревни был найден горшок с оплавленными мелкими серебряными слитками неправильной формы весом 4 пуда 13 фунтов 14 золотников.

ОАК за 1894 г., с.35, 159; ОАК за 1898 г., с.67; Спицын, 1916, с.86; Ильин, 1921, с.19; Талицкая, 1952, №345; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №940; Макаров, 2009, с.238.

139. Быргындинские III находки. VII, X-XI вв. н.э.; д.Быргында, левый берег р.Ижболдинка (Быргындинка), правого притока р.Камы.

От учительницы Быргындинской средней школы У.К.Ижболдиной были получены находки железного наконечника стрелы, бронзовой коньковой подвески и литой привески, датируемые ранним средневековьем (рис.53). Вещи были найдены при добыче торфа на усадьбе Юминовой и переданы в школьный музей в конце 90-х гг. XX в. Обследование места находки в 2008 г. следов могильника не дало.

Карпушкина, Отчет 2008 г., с.17-18.

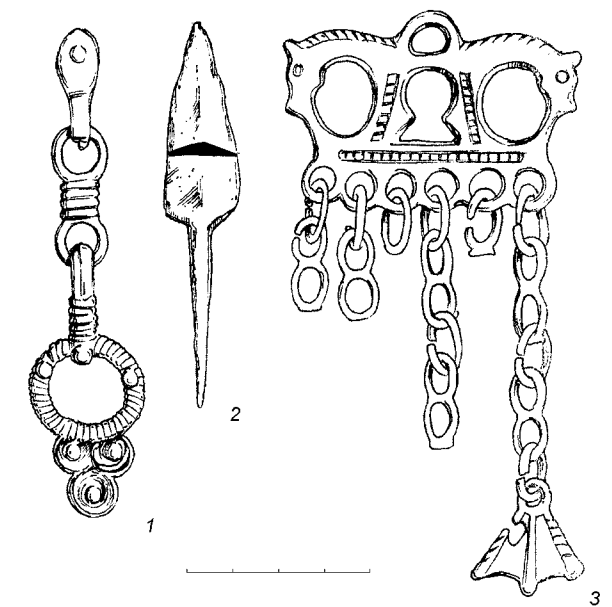

Рис. 53. Быргындинские III находки. Сборы учащейся Быргындинской средней школы (данные 2008 г.)

140. Вятское местонахождение керамики. РЖВ (?); с.Вятское, правый берег р.Камы. Обнаружено на западном склоне мыса, занятого сельским кладбищем, в 0,5 км к В от села и 0,4 км к ЮЮВ от МТФ. Керамика лепная, темно-серого цвета с примесью раковины в тесте.

Колл. УдГУ, №1932.

Голдина, Отчет 1995 г., с.41.

141. Галановские I находки. (?); с.Галаново, р.Большая, правый приток р.Камы.

В окрестностях села в разное время находили древние чудские бронзовые и железные вещи, обломки керамики, украшения, оружие и прочее.

Материалы по статистике..., 1892, с.23; *Кривошеков и Зеленов*, 1911, с.89; *Стрельцов*, 1926; *Шабердин*, 1928, с.2; *Талицкая*, 1952, №605; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.119, №529; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.90, №941.

142. Галановская II находка. А.к., VI-V вв. до н.э.; с.Галаново, правый берег р.Камы.

При земляных работах на площади современного кладбища, расположенного на южной окраине с.Галаново, на берегу р.Камы в 1986 г. жителем села П.Н.Петуховым найдена литая бронзовая секира (рис.54). Длина секиры – 19 см, на обухе имеется скульптурное изображение хищной птицы и волка. По рассказам местных жителей в этой местности находили еще один предмет – «железную кирку» (железный чекан (?)) ананьинского времени). Секира относится к числу редких предметов ананьинского оружия, известного как «парадное» – принадлежность военного вождя, выполнявшего, очевидно, еще и жреческие функции.

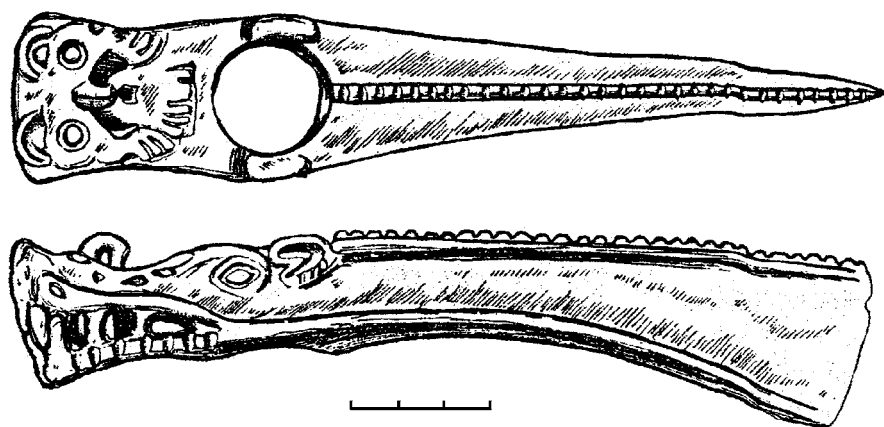

Рис. 54. Галановская секира: Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья УдГУ, инв. №1661

Колл. УдГУ, №1661.

Арматинская, Отчет 1987 г., с.34-35; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.90, №942; *Киржнер*, *Арматинская*, 1990, с.256-259; *Голдина*, 1995, с.35-36; *УРЭ*, 2000, с.263.

143. Галановские находки костей мамонта I. Плейстоцен; с.Галаново, правый берег р.Камы.

Находки костей мамонта в окрестностях села упоминаются в дореволюционных источниках.

Материалы по статистике..., 1892, с.23; *Кривошеков и Зеленов*, 1911, с.89; *Шабердин*, 1928, с.2; *Талицкая*, 1952, №606; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.119, №530; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.90, №943; *Рошупкин*, 2005, с.48.

144. Галановские находки костей ископаемых животных II. с.Галаново, правый берег р.Камы.

В восточной части сельского кладбища, расположенного на южной окраине села, при закладке глиняного карьера в 80-х гг. XX в. обнаружены кости ископаемого животного.

Колл. УдГУ, №ИЖ-22.

Арматинская, Отчет 1987 г., с.34; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.91, №944; *Рошупкин*, 2005, №49.

145. Гремячевская находка. Эпоха бронзы; д.Гремячево (Гремячий Ключ), правый берег р.Бима, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Близ деревни в 1915 г. был найден медный кельт, переданный в Сарапульский музей. Не сохранился.

Отчет правления..., 1917, с.107; *Талицкая*, 1952, №308; *Генинг*, 1956б, с.43; его же, 1958, №188; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.119, №531; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.91, №945.

146. Дубровский клад. Ч.к., II-III вв. н.э.; д.Дубровка, правый берег р.Камы.

В 0,5 км к Ю от деревни, на поле, был выпахан клад бронзовых украшений чегандинской культуры. Нашли его учащиеся Ныргындинской школы. Всего было собрано 218 предметов, среди них: две эполетообразные застежки, три нагрудные бляхи, гривна со звериными головами на концах, застежка-сольгама, накладки, подвески, пронизки (рис.55), круглая буса из темно-желтого стекла. Здесь же найден бронзовый листовидный нож, относящийся к бронзовому веку, происхождение которого, очевидно, связано не с кладом, а с Дубровским II поселением (см. выше, №30). Место находки обследовалось УАЭ в конце 60-х годов XX в. Местонахождение клада, вероятно, также соответствует располагавшемуся неподалеку Дубровскому II поселению (см. выше, №30). Место хранения находок не установлено.

Генинг, Одинцов, Отчет за 1968 г., с.72-79; *Генинг, Одинцов*, 1969, с.158; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.119, №532; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.91, №946; *Голдина*, 1996, с.22-26.

147. Зуевключевская I находка. А.к., V-IV вв. до н.э.; д.Зуевы Ключи, левый берег руч.Гремячий Ключ, правый берег р.Камы.

Напротив Зуевключевского I городища на горе, в урочище Кереметище, был найден железный кинжал сарматского типа с брусковидным перекрестьем, сломанным под тупым углом, и «когтевидным» навершием, в виде овального разомкнутого кольца (рис.56). Находка приобретена в 1898 г. А.А.Спицыным. В 1954 г. местонахождение было обследовано разведочной группой УАЭ, в 1977 г. и 1992 г. – разведочными группами КВАЭ.

Колл. ГЭ, №609.

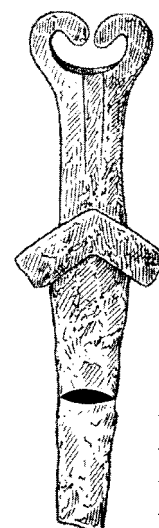

Рис. 56. Меч с горы Кереметь (покупка 1898 г. (по: Збруева А.В., табл. XXI-12))

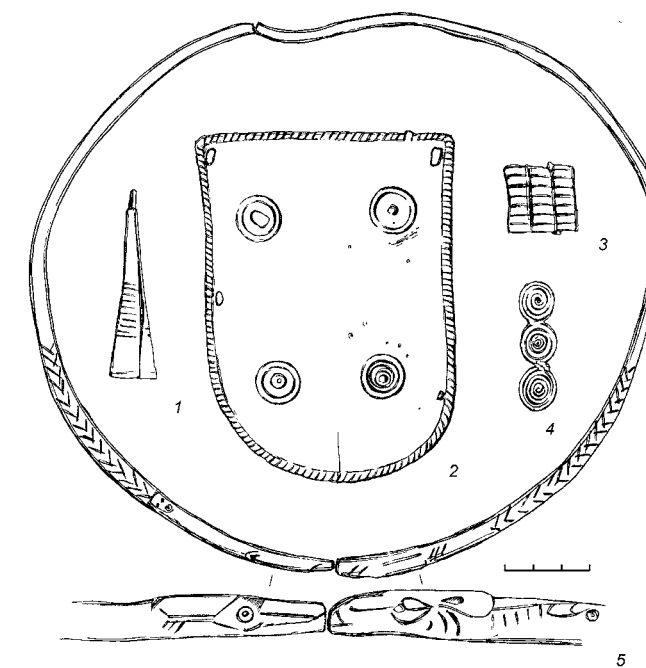

Рис. 55. Украшения из Дубровского клада (разведочные сборы В.Ф.Генинга, В.В.Одинцова, 1968 г.): 1 – подвеска; 2 – нагрудник; 3 – пронизка; 4 – бляшка; 5 – гривна

Рис. 57. Железный наконечник копья из д.Зуевы Ключи. Случайная находка

Спицын, 1916, с.88; Древности Камы..., 1933, с.20; Збруева, 1952, с.103; Карпова, Отчет 1954 г., с.43; Генинг, 1958, №227; его же, 1971, с.91, №9; Ключева, Отчет 1977 г., с.7-8; Памятники истории и культуры, 1979, с.119, №533; Памятники истории и культуры, 1990, с.90, №947; Пастушенко, 1992, с.12.

148. Зуевключевская II находка. А.к.; д.Зуевы Ключи, правый берег р. Камы.

На дороге между дд.Ныргында и Зуевы Ключи у основания надпойменной террасы жителем д.Зуевы Ключи А.Сапожниковым найден железный втульчатый наконечник копья листовидной формы (рис.57). Находка, переданная Л.И.Ашихминой, по-видимому, связана с Зуевским (Зуевключевским I) могильником.

Колл. УдГУ, №ЗКІГ2534.

Ашихмина, Отчет 1975 г., с.50; Памятники истории и культуры, 1979, с.119, №534; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №948.

149. Зуевключевское («Сучья гора») местонахождение палеофауны. Плейстоцен; д.Зуевы Ключи, правый берег р.Камы.

Располагается в 1,2 км к Ю от Зуевключевского I городища и 1,0 км к С от д.Зуевка Красноборского района Республики Татарстан. Позвонок и головка сустава большой берцовой кости бизона (определение Э.В.Алексеевой) были найдены в обнажении береговой террасы р.Камы высотой до 3 м. Кости залежали в углистой прослойке, перекрывавшей слой коричневой глины и намывочного галечника, на глубине 1,3 м от современной поверхности. Пляж в основании террасы и самой часть террасы подтоплены Нижнекамским водохранилищем.

Колл. Биологического музея УдГУ.

Лукин, Отчет 2001 г., с.23; Роцупкин, 2005, №47.

150. Ильнешский клад. Нач. I тыс. н.э., Ч.к.; д.Ильнеш (бывш.), левый берег ручья, правого притока руч.Ильнеш, правого притока р.Бима, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

По дореволюционным сведениям, крестьяне д.Ильнеш при распашке находили различные вещи.

Клад бронзовых украшений позднечегандинского типа обнаружен на Ильнешском II селище в 1995 г. В ходе обследования памятника, с пашни был поднят обломок бронзовой трапециевидной подвески. В траншее, заложенной на месте находки из слоя распашки, а также залегавшего под ним культурного слоя – светло-серого суглинка, собраны 19 бронзовых изделий: накладка, две В-образные пронизки, 10 одночастных и четырехчастных пронизок, 2 трапециевидных подвески, подвеска-лапка и 2 крупных колесовидных бляхи (рис.58).

Колл. УдГУ, №1904.

Шабердин, 1928, с.5; Голдина, Отчет 1995 г., с.5-6.

151. Калмашинские находки. (?); д.Большие Калмаши, р.Калмашка, левый приток р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

Около села упоминаются «чудские» ямы, в которых находили сосуды, молотки, медные бляхи с рубчатым краем и отверстиями посередине. Близ села найдена также костяная острога древнего облика. Место находки осмотрено в конце XIX в. И.Н.Смирновым.

Материалы по статистике..., 1892, с.22; Смирнов, 1895, с.27; Шабердин, 1928, с.4; Талицкая, 1952, №313, 314; Генинг, 1958, №197; Памятники истории и культуры, 1979, с.119, №535; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №949.

152. Каракулинский клад. Ч.к., III в. н.э.; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Клад бронзовых украшений позднепьяноборского облика найден в 1929 г. Вещи были переданы в Сарапульский музей, где, по информации В.Ф.Генинга, оказались частично перепутаны с вещами из Исенбаевского клада. В состав клада входили лапчатые подвески, полупронизки, прямоугольные поясные накладки, различные по форме и размерам бляшки. Частично опубликованы В.Ф.Генингом. В Музее истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул) материалы не обнаружены.

Худяков, 1933, с.16; Талицкая, 1952, №591; Генинг, 1958, №274; его же, 1971, №38, табл.3-7,13; 4-10,19,20; 19-9; Памятники истории и культуры, 1979, с.20, №536; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №950.

153. Каракулинские находки палеофауны. Плейстоцен; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

Из дореволюционных сборов в Каракулинской волости происходит кость носорога, поступившая на хранение в Сарапульский земский музей.

Роцупкин, 2005, №51.

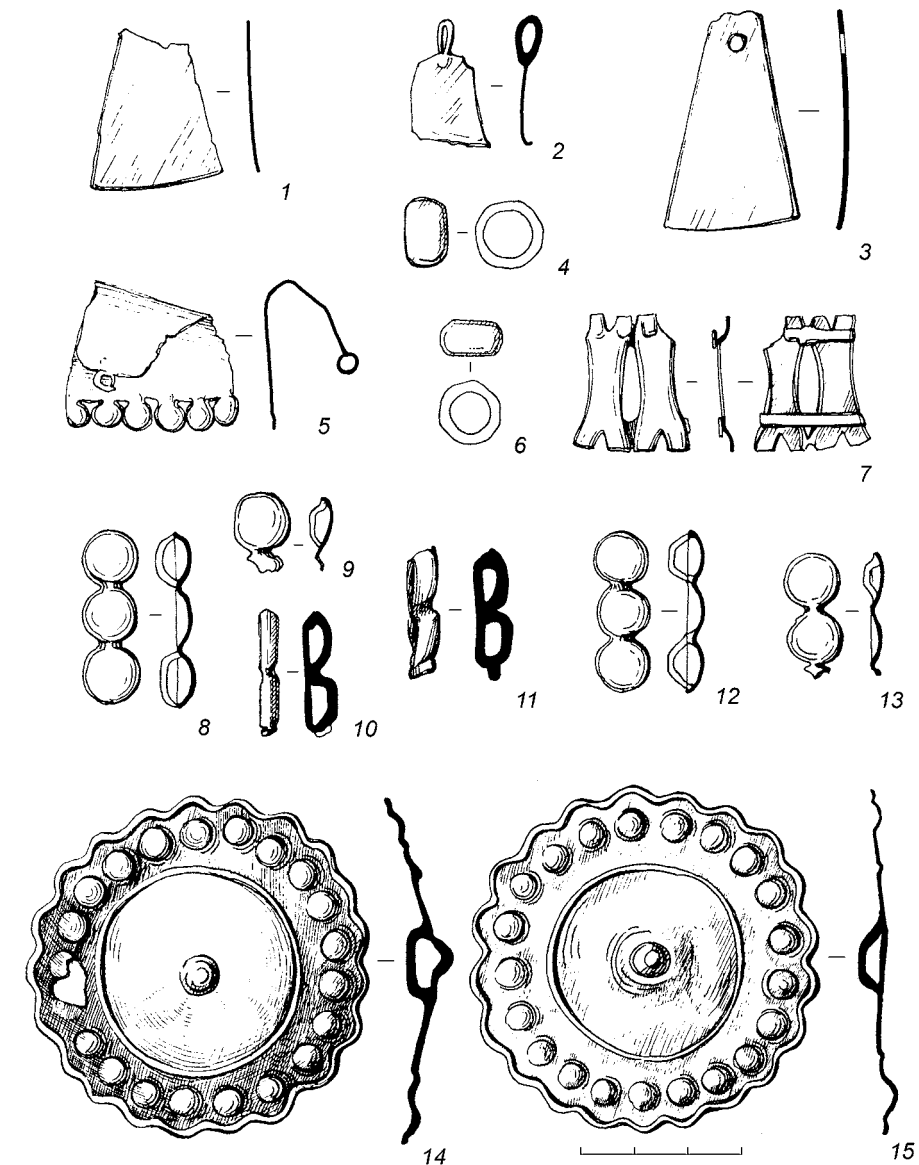

Рис. 58. Ильнешский клад (разведочные сборы 1995 г.): 1-3, 5 – подвески; 4, 6-13 – пронизки; 14, 15 – бляхи. Все – бронза

154. Каракулинское местонахождение керамики. Железный век; с.Каракулино, правый берег р.Камы.

С прибрежной полосы, на южной окраине села, с площади шириной 3-5 м и длиной 15-20 м, в 2001 г. собраны фрагменты лепной и гончарной посуды. Лепная керамика темного или серого цвета, с примесью органики, неорнаментирована. Гончарная принадлежит к поливной посуде, датирующейся XIX – нач. XX в. Вероятнее всего, найденные фрагменты связаны с культурным слоем Каракулинского IV городища, расположенного западнее места находки.

Колл. УдГУ, №2115.

Лукин, Отчет 2001 г., с.4-5.

155. Колесниковское местонахождение керамики. Железный век; с.Колесниково, левый берег руч.Решаковский, правого притока р.Камы.

В 0,2 км к ВСВ от северной окраины села, в 0,3 км к ВСВ от устья руч.Максимовка, впадающего в руч.Решаковский, на южном склоне мыса коренной террасы, высотой более 45 м, в 0,11 км к С от тракта д.Ныргында – с.Каракулино, найден фрагмент лепной керамики светло-коричневого цвета, толщиной 7 мм, с примесью раковины в тесте. Авторы не исключают, что находка могла быть связана с остатками разрушенного Колесниковского II городища.

Колл. УдГУ, №2263.

Голдина, Отчет 1995 г., с.29-30.

156. Колесниковское местонахождение каменного долота. Неолит?; с.Колесниково, правый берег р.Камы.

В 1983 г. жителем г.Ижевска С.А.Кузнецовым около села найдено каменное орудие, изготовленное из кремня молочного цвета с серыми прожилками. Длина орудия 16,8 см, ширина лезвия – 6,2 см (рис.59).

Колл. НМУР, №367.

Останина, 2004, с.14, №9.

157. Колесовские находки. Ч.к.(?); д.Колесово (бывш. д.Буториха), левый берег руч.Кривошечиха, правого притока р.Буториха, правый приток р.Камы.

По сведениям, собранным земскими статистиками, близ деревни в разное время находили массивные медные бляхи с отверстиями посередине. Разведочные обследования 1970 г. новых находок не дали. В 60-е годы деревня была перенесена на новое место, в связи со строительством Нижнекамской ГЭС.

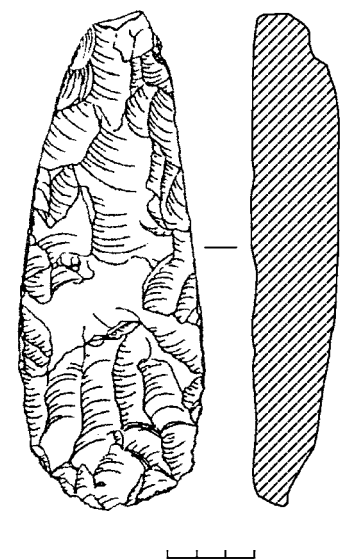

Рис. 59. Каменное долото из с.Колесниково (покупка 1983 г.; по: Останина Т.И., 2004, рис.1-5)

Материалы по статистике..., 1892, с.5; Шабердин, 1928, с.5; Талицкая, 1952, №599; Генинг, 1958, №282; Чистякова, Отчет 1970 г., с.2; Памятники истории и культуры, 1979, с.120, №537; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №951.

158. Колесовские находки палеофауны. Плейстоцен; д.Колесово (бывш. д.Буториха), руч.Кривошечиха, правый приток р.Буториха, правый приток р.Камы.

По дореволюционным сведениям, близ деревни в разное время находили кости мамонта.

Материалы по статистике..., 1892, с.5; Шабердин, 1928, с.5; Талицкая, 1952, №600; Генинг, 1958, №282; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №952; Роизупкин, 2005, №46.

159. Коростинский клад. Ч.к., Шв. н.э.; с.Новопоселенное (бывш. Коростино), левый берег р.Ижболдинки (Быргындинки), правого притока р.Камы.

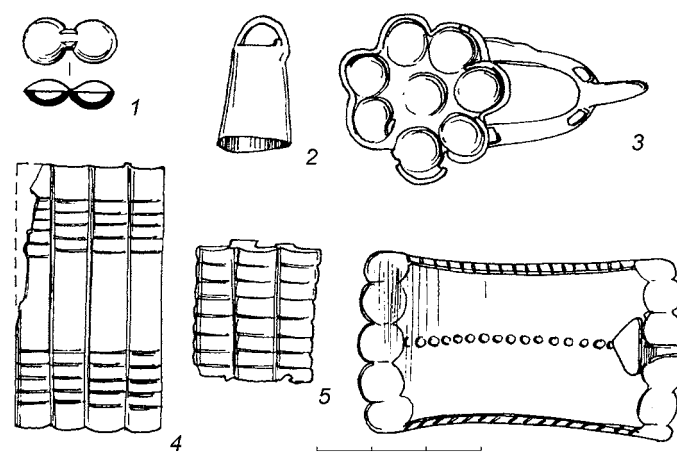

Рис. 60. Бронзовые украшения из Коростинского клада (покупка 1898 г., по: Спицын А.А., 1933, табл.ХI)

стинчатую застежки с неподвижным крючком (рис.60). Отдельные находки были опубликованы А.А.Спицыным и А.М.Тальгреном. В архиве ИАК хранятся негативы фотографий находок А.А.Спицына [НА, ФА, отп. Q669/34].

ОАК за 1898 г., с.67, рис.114; Спицын, 1916, с.87; Tallgren, 1916, р.9, рис.4; Древности Камы..., 1933, с.20; Талицкая, 1952, №346; Генинг, 1958, №248; его же, 1971, №18; Памятники истории и культуры, 1979, с.120, №539; Памятники истории и культуры, 1990, с.91, №953.

160. Коростинские находки. Эпоха бронзы, А.к., Ч.к.; с.Новопоселенное (бывш. Коростино), р.Ижболдинка (Быргындинка), правый приток р.Камы.

Во время поездки 1898 г. по Каме А.А.Спицын приобрел у крестьян несколько вещей, в том числе эполетовидную застежку (рис.61), медный чекан (типа найденного в погр.22 Зуевского могильника) и медный листовидный нож. Вещи поступили в Археологическую комиссию, откуда были переданы сначала в Санкт-Петербургский университет, а в 1931 г. – в МАЭ.

Худяков, 1929, №10; Древности Камы..., 1933, с.20-21, рис.7, табл. VII-31; Генинг, 1958, №249; его же, 1971, №20; Памятники истории и культуры, 1979, с.120, №538; Памятники истории и культуры, 1990, с.92, №954; Длужневская, 2007, с.131.

161. Кулевские находки. (?); д.Кулево (бывш.), верховья р.Калмашка, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

В 1 км к востоку от деревни на небольшом возвышении, проходящем через лог, по данным земских статистов, находили молотки, топоры, медную посуду и другие вещи.

Материалы по статистике..., 1892, с.23; Шабердин, 1928, с.4; Талицкая, 1952, №315; Генинг, 1958, №198; Памятники истории и культуры, 1979, с.120, №540; Памятники истории и культуры, 1990, с.92, №955.

На левом склоне Коростинского I селища крестьянином Бабиковым в кон. XIX в. был выпахан клад бронзовых украшений «до 8 фунтов весу». Вещи утеряны, за исключением нескольких, приобретенных в 1898 г. А.А.Спицыным. Среди них: две выпуклые и две плоские бляхи, 7 круглых бляшек, 6 одинарных, двойных и четвертных бляшек, 6 обувных пронизок, 20 спаренных полупронизок, сапожковая полупронизка, полупронизка, полупронизки из трех или четырех полуцилиндров, подвеску-колокольчик, обувную и пла-

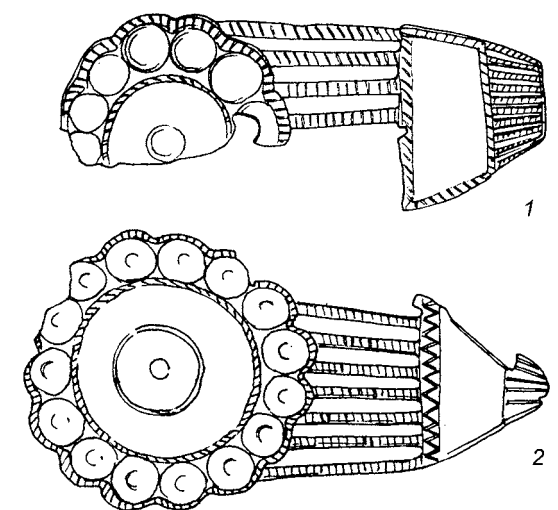

Рис. 61. Эполетовидные застежки, приобретенные А.А.Спицыным в 1898 г. у жителей с.Коростино (ГЭ, колл. 682) (даны без масштаба)

162. Кухтинские находки. Ч.к.; д.Кухтино, р.Ветлянка, правый приток р.Камы.

По данным земских статистов, при вспашке полей местные крестьяне находили медные украшения от конской сбруи. А.А.Спицыным приобретены найденные близ деревни 4 бронзовых бляшки и трубчатая подвеска с ушком.

Материалы по статистике..., 1892, с.24; *Спицын*, 1893, с.142; *Стрельцов*, 1926, с.53-59; *Шабердин*, 1928, с.4; *Талицкая*, 1952, №601; *Генинг*, 1958, №284; его же, 1971, №44; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №541; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №956.

163. Нырғындынские находки. Ч.к., средневековье, II в. н.э., I тыс. н.э., XV в.; д.Нырғында, правый приток р.Камы.

В 1898 г. А.А.Спицын приобрел у крестьян несколько вещей: медный наконечник копья, бронзовый ковш гэдакерского типа с рукояткой, украшенной рельефным орнаментом с изображением птичьих головок и растительным мотивом (рис.62), железный наконечник мотыги, медную обувную застежку, относящихся к пьяноборской эпохе, а также железный топор типа пальштаба, якорьковую подвеску, медную пряжку, железную трехзубую острогу, медный круглый амулет с испорченной арабской надписью. Вещи хранились после 1931 г. в МАЭ, ковш – в Эрмитаже. Из д.Нырғында в ИАК поступила еще одна эполетообразная застежка, найденная учителем Якимовым.

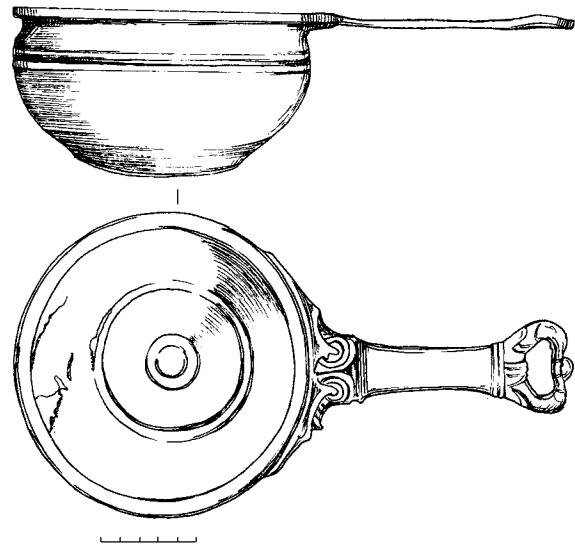

Рис. 62. Бронзовый ковш из д.Нырғында (ГЭ, колл. 558; покупка А.А.Спицына 1898 г., по: Кропоткин В.В., 1970, рис.61-3-4)

Колл. ГЭ, инв. №558/1; 582/1.
ОАК за 1898 г., с.66-67; *Спицын*, 1916, с.86; *Древности Камы...*, 1933, с.20; *Волкович*, 1941, с.231-233; *Eggers*, 1951, с.77-173; *Талицкая*, 1952, №344; *Генинг*, 1958, №233; *Кропоткин*, 1970, рис.61-3,4, №810; *Генинг*, 1971, с.91, №11; *Шелов*, 1972, с.210; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №542; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №957; *Длужневская*, 2007, с.128.

164. Пестеревские находки. (?); д.Пестерево, верховья р.Ялык, левого притока р.Кырыкмас, левого притока р.Иж, правого притока р.Камы.

По сведениям земских статистиков, за гумнами деревни в 90-е гг. XIX в. находили различные медные украшения, серьги, ковши и прочую утварь. Место находки не обследовалось.

Материалы по статистике..., 1892, с.25; *Шабердин*, 1928, с.4; *Талицкая*, 1952, №316; *Генинг*, 1958, №199; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №543; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №958.

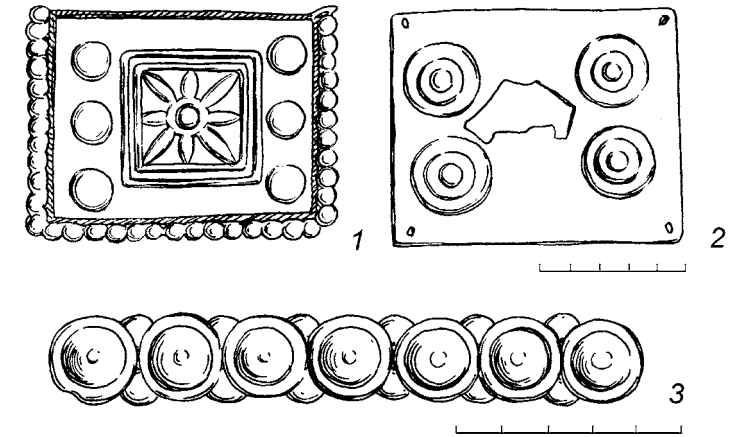
165. Саузовский (Бельский Шихан) клад. А.к.(?), Ч.к.(?); д.Саузово, правый берег р.Белой, левого притока р.Камы.

В 1894 г. Ф.Д.Нефедовым при раскопках на шихане обнаружен клад бронзовых и железных предметов, лежавших в круглой материковой яме, в основании культурного слоя городища (см. выше №113). Опубликован только бронзовый кельт с одним уцелевшим ушком. Характер прочих вещей не ясен, автор указывал только на их сходство с предметами из «Чегандинского клада». По-видимому, речь идет о кладе, найденном Ф.Д.Нефедовым в том же году в селе Чеганда (см. ниже №169).

Нефедов, 1899, с.69, рис.29; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №950.

166. Трошковский клад. Ч.к., II-V вв. н.э.; д.Трошки (бывш.), р.Ветлянка, правый приток р.Камы.

В 1890 г. в поле близ деревни найден большой (до 6 фунтов) клад бронзовых украшений, хранящихся ныне в ГИМе, ГЭ, Казанском и Кировском музеях. В составе клада – до 18 типов различных вещей (сохранился 641 экземпляр): две медные четырехугольные бляхи-нагрудники до 8 см шириной, кольцевидные застежки с двумя спиралями, большая плоская лапчатая подвеска, пять полых подвесок в виде животных (медведя и свиньи), 92 сапожковые пронизки, большое количество круглых бляшек и сдвоенных пронизок, трапециевидных привесок и других предметов (рис.63). Обследование территории в 1970 г. разведочной группой М.Н.Чистяковой оказалось безрезультатным.

Колл. ГИМ №30782, оп.Б636.

Колл. ГЭ, №581/1-41.

Материалы по статистике..., 1892, с.27; *Спицын*, 1893, с.142; *Шабердин*, 1928, с.4; *Худяков*, 19336, с.16; *Талицкая*, 1952, №602;

Генинг, 1958, №283; *Чистякова*, Отчет 1970 г., с.2; *Генинг*, 1971, №42; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №544; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №960.

167. Чегандинский I («Над амбарами») клад. Ч.к.; с.Чеганда, д.Усть-Бельск, правый берег р.Камы.

В местности, граничащей с Плоским оврагом и расположенной на высоком берегу р.Камы, на пути из д.Усть-Бельск в с.Чеганда, в начале XX в. найдены меч и медная литая «римская кастрюля» с ручкой. Л.А.Беркутов, первым опубликовавший эту информацию, высказал предположение о нахождении здесь могильника сарматского времени. Последующими разведочными работами могильник не был найден. Вещи, хранившиеся у крестьян, по всей видимости, утеряны.

Беркутов, 1914, с.50; *Волкович*, 1941, с.219-236; *Талицкая*, 1952, №353; *Кадиков*, Отчет 1954 г., с.65; *Генинг*, 1958, №252; его же, 1971, №29; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №545; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №961.

168. Чегандинский II клад. Ч.к., II-III в.; с.Чеганда, правый берег р.Камы.

А.А.Спицын в Отчете о поездке 1898 г. писал: «Несколько лет тому назад на втором Чегандинском городище, именно близ следов двух землянок, находящихся внизу у родника, найдено было 7-8 фунтов различных поделок из меди пьяноборских типов, лежащих в виде клада». Из этих вещей им были приобретены подвеска-колокольчик, синяя с белым глазком стеклянная бусина и 14 трапециевидных плоских подвесок, две круглые бляхи, лапчатые подвески. Место хранения не известно.

Древности Камы..., 1933, с.20, табл.П-10,11,14-18; *Генинг*, 1958, №264; его же, 1971, №33, табл.4-6,10;19-5; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №546; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.92, №962.

169. Чегандинский III клад. Ч.к., II-III в. н.э.; с.Чеганда, левый берег р.Чегандинки, правого притока р.Камы.

Во время поездки 1894 г. Ф.Д.Нефедовым были приобретены у чегандинских крестьян вещи пьяноборского типа. На месте находки им же произведены раскопки, давшие

большой клад вещей, среди которых около 60 спаренных полупронизок, 27 сапожковых пронизок, плоские лапчатые подвески, круглые бляшки с одной и двумя петлями, две бронзовых бляшки с отверстиями (всего 185 предметов). Часть вещей опубликована. Находки хранятся в Музее антропологии МГУ(?).

Нефедов, 1899, с.66-67, рис.22-24; *Генинг*, 1958, №265; его же, 1971, №35; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №548; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.93, №964.

170. Чегандинский IV клад. XVIII-XIX вв.; д.Чеганда, левый берег р.Чегандинки, правого притока р.Камы.

В начале 1920-х гг. недалеко от села, в урочище Бочкаревский лог, крестьянином Т.Е.Санниковым был выкопан большой медный сосуд, закрытый сверху ковшом. В нем было много каких-то «беловатых» вещей. Предметы и ковш потеряны, а сосуд в 1954 г. В.Ф.Генинг приобрел для Удмуртского музея. Атрибутирован ошибочно как изделие ремесленников Волжской Булгарии.

Генинг, Отчет 1954, с.12; его же, 1955, с.64; его же, 1956а, с.19, рис.7; его же, 1958, №267; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №547; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.93, №963.

171. Чегандинская находка. Ч.к.; д.Чеганда, левый берег р.Б.Емаша, правого притока р.Камы.

В 70-х гг. XIX в. в 2 верстах от села на небольшом возвышении «каравашек» была выпажана большая медная эполетообразная застежка (рис.64), приобретенная в 1898 г. А.А.Спицыным. Очевидно, происходит с Быргындинского VII («Каравай») селища.

Древности Камы..., 1933, с.20, рис.9; *Генинг*, 1958, №266; его же, 1971, с.103, №34; *Памятники истории и культуры*, 1979, с.120, №549; *Памятники истории и культуры*, 1990, с.93, №965.

172. Чегандинское I местонахождение палеофауны. Плейстоцен; д.Чеганда, правый берег р.Камы.

Согласно Описи дореволюционных коллекций Сарапульского земского музея, в нем хранился рог первобытного быка, найденный на окраине с.Чеганда.

Роцушкин, 2005, №50.

173. Чегандинское II местонахождение палеофауны. Плейстоцен; д.Чеганда, правый берег р.Камы.

В разное время, в районе чегандинских пещер, были найдены зубы плейстоценовых животных: лошади и шерстистого носорога.

Колл. НМУР, 15993, 15994 УРМ.

Роцушкин, 2005, №45.

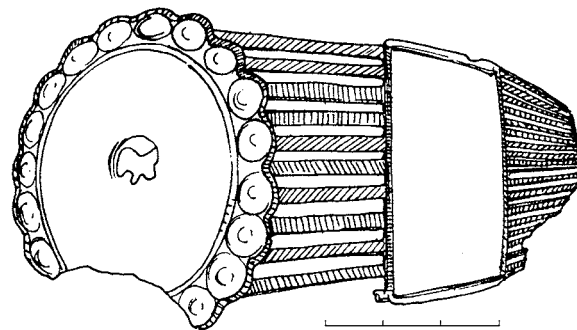

Рис. 64. Чегандинская находка эполетовидной застежки (покупка 1898 г., по: Спицын А.А., 1933, рис.9)

IV. История Каракулинского края по археологическим источникам (вместо заключения)

Проблема происхождения и древней (дописьменной) истории народов – одна из самых актуальных и важных в исторической науке. Любой народ, даже самый немногочисленный, имеет право знать свои истоки, все перипетии своей исторической судьбы, и долг каждого исследователя внести свой посильный вклад в этот нескончаемый процесс познания.

Столь отдаленные эпохи можно изучать с помощью интереснейшей из гуманитарных наук – археологии. Она исследует вещественные исторические источники. Самую многочисленную часть этих источников составляют орудия труда, оружие, украшения, глиняная посуда, предметы быта и культовые принадлежности. К числу основных археологических памятников относятся: стоянки (места обитания людей в эпоху камня и бронзы), селища (неукрепленные поселения эпохи железа), городища (укрепленные поселения эпохи железа), курганы, бескурганные могильники, клады, отдельные находки.

Прикамье не относится к числу тех благоприятных территорий земного шара, где произошли domestikация животных, окультуривание злаков, освоение металлов и другие важнейшие достижения человечества, но во все исторические периоды здесь имелись реальные, иногда весьма суровые, условия для проживания людей.

Археология изучает историю этого края примерно со 100 тыс. лет назад до XVIII в. н.э. (первобытнообщинный строй, время его разложения, формирования раннеклассовых отношений, феодализм). Этот гигантский период условно делится на каменный, бронзовый и железный века. Ранняя стадия каменного века – палеолит. Самые древние памятники Прикамья относятся к среднему (100-40 тыс. лет назад) и позднему (40-10 тыс. лет назад) палеолиту. Затем следуют мезолит – среднекаменный век (VIII-V тыс. до н.э.), неолит – новокаменный век (V – нач. III тыс. до н.э.), энеолит – меднокаменный век (XXIII-XVI вв. до н.э.), бронзовый век (XVI-IX вв. до н.э.), ранний железный век (VIII в. до н.э. – V в. н.э.), раннее средневековье (V-IX вв. н.э.) и поздний железный век (X-XVIII вв. н.э.).

На территории Каракулинского района памятники эпохи палеолита пока не известны. Но есть довольно многочисленные находки древней фауны: костей мамонта, шерстистого носорога, первобытного быка, бизона. Эти животные обитали в палеолитическую пору и были распространены в Евразии от побережья Тихого до Атлантического океанов и от Полярного круга до пустынь Средней Азии. В Удмуртии, по данным Л.Д.Макарова, известно 88 пунктов палеофауны, из них 9 располагаются в Каракулинском районе. Это Островская (в устье р.Белой) находка шейного позвонка мамонта; 2 находки у Чегандинских пещер: зубов плейстоценовой лошади и шерстистого носорога; на р.Буториха у д.Колесово – костей мамонта; у д.Зуевы Ключи – костей бизона; в двух местах у с.Галаново – костей мамонта; на окраине с.Чеганда – рог первобытного быка и где-то в Каракулинской волости (точнее не известно) – кость носорога. Эти данные позволяют надеяться, что со временем возле костей древних животных будут обнаружены и каменные изделия, выполненные рукой человека, – явные свидетельства обитания людей эпохи палеолита в удмуртском Прикамье. Тем более, что на границе Удмуртии в Среднем Прикамье (Еловский район Пермской области) обнаружены объекты конца позднего палеолита: Сосновка III, Кресты II, Рязановский Лог, Ягодное I, II (Коренюк С.Н., Цыганов Ю.Ю., 1989, с.67-69).

В позднем палеолите люди эпизодически появлялись почти во всех областях Урала. Очевидно, что сюда продвигались не только бродячие охотники, но и племена, ведущие оседлый образ жизни, имевшие развитое охотничье-собираческое хозяйство, жившие материнскими родовыми коллективами, умевшие строить теплые жилища и шить одежду

из шкур, изготавливать каменные и костяные орудия. Они имели весьма сложную духовную жизнь, о чем свидетельствуют остатки святилищ с яркими образцами палеолитической живописи. В эпоху позднего палеолита оформились основные черты уральской общности, что проявилось, возможно, и в сложении особого антропологического типа – древнеуральской расы, необычно сочетающей в себе как монголоидные и европеоидные признаки, и в особенностях прауральского языка.

Пока мы не знаем в Каракулинском районе и памятников среднекаменного века – мезолита (VIII-V тыс. до н.э.). Но поскольку они в большом числе известны в центральной Удмуртии – по рр.Вале, Нылге, Кильмези, на Средней Каме и в устье р.Белой (Голдина Р.Д., 1999, рис.14), видимо, они есть и в Каракулинском Прикамье.

В мезолите – среднекаменном веке (VIII-V тыс. до н.э.) климат в Северной Евразии стал значительно теплее, оледенение сменилось климатическим оптимумом. Камско-Вятское междуречье располагалось в подзоне широколиственных лесов. Изменения растительного мира сказались и на состоянии фауны. В это время вымерло не менее десятка представителей мамонтового комплекса. Территорию Камско-Вятского междуречья населили лоси, северные олени, кабаны, бобры, косули, медведи, волки, лисы, а также современные виды птиц и рыб.

С переменой растительного и животного мира произошли значительные изменения в организации жизни людских коллективов. Охота на мелких и средних животных в загонной или облавной формах невозможна. Появились лук и стрела, с помощью которых человек мог добыть зверя на расстоянии: дальность полета стрелы достигает 300-450 м. Кроме того, опытный лучник выпускает в минуту до 20 стрел. На стоянке Вис I в бассейне р.Вычегды в слоях VII-VI тыс. до н.э. собрано более 30 луков, в том числе и целых. Некоторые из них достигали длины 255 и даже 348 см. Сделаны луки из ели, сосны и других пород деревьев (Буров Г.М., 1966, рис.2; 1967, с.67). Люди мезолитического времени Приуралья освоили весьма совершенные средства передвижения – лыжи, сани, нарты. Об этом свидетельствуют материалы торфяника Вис I (Буров Г.М., 1966, с.157). В качестве наконечников стрел использовались микролиты – мелкие сечения кремневых пластин, которые можно было использовать также в качестве ножей. Такие пластины мастера скальвали с нуклеусов-ядрищ. Для обработки шкур, удаления жира и мездры применялись каменные скребки.

Орудия изготавливали из кости и дерева, повсеместно были распространены составные изделия. Микролиты – маленькие кремневые пластины в форме трапеций, треугольников, сегментов, прямоугольников – употреблялись как вкладыши в пазы деревянных, костяных, роговых изделий, образуя ножи, наконечники копий и дротиков. Это были более экономичные орудия труда и оружие, так как при минимальных затратах можно было изготовить длинные рабочие лезвия.

Духовная жизнь людей мезолитической поры была весьма сложной. Возникнув в позднем палеолите, продолжали развиваться ранние формы религии: тотемизм, анимизм, фетишизм, различные виды магии: промысловая, вредоносная, охранительная, эротическая, лечебная, семейно-родовой культ святынь и покровителей, погребальный культ и др. Вероятно, из этого времени, а может быть и более раннего, исходят некоторые варианты охотничьих культов – например, почитание медведя, сохранившееся в этнографических материалах многих лесных народов.

Особое развитие в мезолите получило собирательство, возникло рыболовство. На поселении Баринка I недалеко от ст.Сюрек Сюмсинского района найдены кости лося, северного оленя, косули, кабана, бобра. Подобный набор фауны обнаружен на Деуковской II стоянке, в низовьях Белой, где выявлены кости домашней собаки, зайца, бобра, медведя, кабана, лося, дикого барана (?), чирковых видов птиц, а также кости карповых рыб и сома (Косменко М.Г., 1971, с.78-86; Петренко А.Г., 1978, с.143-144).

Эпохе неолита – новокаменному веку (V – начало III тыс. до н.э.) – соответствует климатический оптимум. Климат был теплый и влажный. На территории Камско-Вятского междуречья преобладали хвойно-широколиственные леса. Северная граница их проходила по широте г.Сыктывкара, где в слоях эпохи неолита обнаружена пыльца дуба, вяза, орешника. Благоприятные климатические условия способствовали прогрессу во всех областях жизни людей. Именно в неолите в южных районах Евразии осуществился переход от присваивающей экономики (охота, собирательство, рыболовство) к производящей (земледелие, скотоводство). Эти процессы обозначены в исторической науке как неолитическая революция. Она произошла на территориях, близких к центрам древневосточных цивилизаций и имеющих благоприятные природные условия для развития мотыжного земледелия, – в Средней Азии, Молдавии и Украине. В более северных областях, в том числе и в Камско-Вятском междуречье, продолжали развиваться традиционные формы хозяйства: охота, рыболовство, собирательство. Климатический оптимум оказывал и на эти отрасли свое благотворное воздействие.

Типы каменных орудий стали более разнообразными. Появились предметы, связанные с обработкой дерева, – различные варианты топорovidных орудий: долота, стамески, топоры, тесла и др. Получили распространение вещи, выполненные из мягких пород камня – доломита, сланца, шифера – способом шлифования, известного уже в мезолите. Кроме шлифования камня, люди научились его пилить и сверлить. Поскольку нужные виды камня встречались далеко не везде, то создались реальные предпосылки для развития обмена между весьма отдаленными областями. Обменивались не только каменным сырьем, но и культурными достижениями, поэтому прогрессивные явления распространялись значительно быстрее.

Важным достижением эпохи неолита было изобретение глиняной посуды – керамики, которая возникла, вероятно, от обмазывания глиной плетеных емкостей. Неолитические сосуды имели большие размеры, толстые стенки, как правило, яйцевидную, или приближенную к ней, форму. Стенки сосудов почти всегда сплошь украшены простым, бесхитрым орнаментом: прочерченными линиями, оттисками гребенчатого штампа, ямками. Глиняная посуда позволяла совершенствовать процесс приготовления пищи и обеспечивать качественное хранение ее запасов. Возможно, сама идея и основные качественные приемы изготовления керамики были заимствованы населением камской неолитической культуры у обитателей юго-западных районов лесостепного Поволжья (Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988, с.41). Кроме того, в развитом неолите на керамике ощущается воздействие на камскую культуру финского населения Поволжья (ямочно-гребенчатый комплекс) и лесостепного населения Подонья (накольчатая керамика).

Люди неолитической поры стремились максимально использовать природные материалы. Появилась плетеная обувь (типа лаптей), а также ткани из растительных волокон. Свидетельством возникновения ткачества именно в неолите являются находки на памятниках этого времени глиняных и каменных пряслиц. Пряслица – это круглый утяжелитель с отверстием в центре, который насаживали на конец деревянной палки – прообраз современного веретена. Появление их на памятниках неолита – бесспорное подтверждение умения людей этого времени прядь нити и изготавливать ткани. Искусству ткачества, видимо, предшествовал период плетения полотен. Первые ткани были выполнены из грубых волокон – крапивы и конопли. Именно поэтому пряслица были массивными и тяжелыми. Более тонкие нити из шерсти и пуха стали использоваться значительно позднее, и прядение из них стало возможным с помощью легкого деревянного веретена.

Хозяйство населения эпохи неолита было комплексным, присваивающим с развитием охоты, рыболовства, собирательства. Состав добываемых животных был в основном тем же, что и в эпоху мезолита. На поселении Кыйлуд III были собраны кости лося, северного

олень, косули, на Новомултанском, Ботылях IV – кости северного оленя, а лося и куницы – на Кочуровском I. Основными промысловыми животными были лось и северный олень.

Другой важнейшей отраслью хозяйства продолжало оставаться рыболовство. Размещение памятников на низких местах, ближе к воде, в устье мелких речек убеждает в этом. Основной способ ловли, видимо, сетевой. На некоторых поселениях найдены гальки с перехватом, глиняные биконические грузила. Рыбу ловили и с помощью плетеных приспособлений, на удочку, били острогой. Вероятно, многие приемы охоты, рыбной ловли и бытовой жизни люди заимствовали у наблюдаемого животного мира. Подсмотрев, как крадется за добычей зверь, как ловит рыбу птица, как строит свои хатки бобер, люди использовали этот богатейший опыт живой природы.

Долгое время неолит Камско-Вятского междуречья не был известен. Лишь с началом работ археологической экспедиции Удмуртского университета стали проводиться целенаправленные поиски памятников и раскопки их большими площадями. За это время было выявлено несколько десятков поселений эпохи неолита, на которых экспедицией университета в общей сложности было исследовано около 5000 кв.м культурных слоев и обнаружены остатки 20 изученных жилищ.

Численность неолитического населения возросла. Практически вся территория современной Удмуртии в неолитическую пору была довольно плотно заселена (Голдина Р.Д., 1999, рис.23). В Каракулинском районе остатки неолита обнаружены на Зуевключевской II стоянке (№33), а также возле д.Колесниково (местонахождение каменного долота, №156, рис.58). Долото имеет сходство с подобными предметами, найденными в центральной части Камско-Вятского междуречья на неолитических поселениях Моторки II (Гусенцова Т.М., 1993, рис.69-31) и Ботыли IV (там же, рис.96-7). Значительное скопление неолитических поселений выявлено на левом берегу р.Камы, в устье р.Белой: Русско-Азибейские I, II, Татарско-Азибейское II, Сауз I, II, Зиарат и другие (Выборнов А.А., 2008, рис.1). Кроме того, стоянки эпохи неолита хорошо известны и в соседней Татарии, на правом берегу р.Камы: Челнинская, Кумысская, Луговские I, II, Ананьинская, Елабужская II и другие (Археологическая карта ТАССР, 1981, №785, 794, 797, 800, 805, 807). Надо надеяться, что в ближайшие годы число неолитических объектов в удмуртском Прикамье увеличится.

В энеолите – меднокаменном веке (XXIII-XVI вв. до н.э.) – люди научились изготавливать первые металлические предметы из меди. Навыки получения меди из местных медистых песчаников, как и основы животноводства, население Прикамья усвоило при контактах с населением фатьяновской (прото-балто-славяно-германцы) и абашевской (ранние индоиранцы, арийцы) культур. Металл способствовал быстрому росту производительных сил, специализации, разделению труда и его индивидуализации, расширению обмена с соседними территориями.

Памятники энеолита в Каракулинском районе малочисленны. Это Партизанские IV (№77, рис.21-5) и V (№78, рис.22-4) поселения, где найдены плотные черепки с примесью песка и шамота в глине, орнаментированные разряженными поясками оттисков гребенчатого штампа. Поселения эпохи энеолита хорошо известны на противоположном берегу р.Камы: Русско-Азибейская стоянка, Татарско-Азибейская II, Сауз II, несколько выше по Каме – целый комплекс поселений у д.Непряха – IV, VII, X, и в центральной Удмуртии – Кочур IV, Курегурт III, Кыйлуд IV и другие. В результате изучения неолитических памятников Удмуртии и сопредельных территорий картина жизни населения в это время представляется довольно полной.

В энеолите в Прикамье возросла охота на пушных животных: барсуков, куниц, белку и, в особенности, – на бобра. Его кости найдены на многих памятниках. Очевидно, именно в энеолите началось его интенсивное истребление. Ведущей отраслью хозяйства было се-

тевое рыболовство – в жилищах найдены мощные скопления чешуи и костей рыб, а также каменные грузила от сетей. В реках бассейна Камы и Вятки водились стерлядь, белуга, осетр, белорыбица, хариус, щука, голавль, язь, линь, лещ, чехонь, сом, налим, судак и другие виды рыб. Появились специализированные каменные ножи для разделки рыбы. Увеличился набор деревообрабатывающих инструментов, строились большие теплые жилища, соединенные крытыми коридорами-переходами, образующими сложные архитектурные комплексы. Рядом с жилищами располагались хозяйственные сооружения для хранения запасов продуктов. Высокий уровень развития рыболовства и охоты, переход к производящим отраслям хозяйства, существенно пополнившим продовольственные запасы, способствовали увеличению численности населения. На одном поселении могло жить до 400 человек, а количество домов – превышать два десятка. Судя по характеру, размерам жилищ и поселков, экономическую основу общества составляла родовая собственность на охотничьи и рыболовные угодья. Другие средства производства могли находиться как в коллективной, так и в индивидуальной собственности, причем роль последней все более возрастала. Отношения собственности в основном совпадали с родовыми и укрепляли единство производственного коллектива. Многие виды производства – рыболовство, охота – требовали коллективных усилий, и потому родовые коллективы существовали еще длительное время.

Этнографические материалы подтверждают, что по мере развития родовой общины хозяйственная и общественная роль женщины несколько возрастала. Прочная оседлость, большая численность коллективов требовали и больших запасов продуктов питания, производства емкостей для их хранения, топлива. Кроме того, женщины готовили еду, воспитывали детей, и это тоже обеспечивало их высокое положение в обществе. Женщины, занимавшиеся собирательством, поставляли значительную часть продуктов питания растительного происхождения. Именно женщины, ухаживая сначала за дикими растениями, быстрее усвоили навыки земледельческого труда, обеспечив, таким образом, переход к одной из производящих отраслей экономики.

На развитие приуральского общества энеолита огромное влияние оказали миграции степного и лесостепного населения, известного под названием фатьяновского (балановского) и абашевского. Фатьяновская общность, принадлежит к кругу культур каменных сверленых боевых топоров. Фатьяновцы – северные индоевропейцы, еще не разделившиеся протобалто-славяно-германцы или протобалты. Исходной областью их расселения была территория между Днепром и Вислой-Одером (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с.75). Под влиянием балановцев местное население – волосовское, гаринское – в первой четверти II тыс. до н.э. познакомилось с первыми навыками обработки меди (Черных Е.Н., 1970, с.107). Балановцы сыграли основную роль в освоении финно-уграми Приуралья животноводства. Они разводили домашних животных: свиней, мелкий и крупный рогатый скот, лошадей (Смирнов А.П., 1975, с.184-187). Пришельцы умели использовать быков в качестве тягловой силы, знали двухколесные повозки (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с.80).

Большое значение для Прикамья имела миграция в Среднее Поволжье и Вятско-Ветлужское междуречье в середине II тыс. до н.э. населения абашевской культуры. Большинство ученых считает их древними индоиранцами (арийцами). В результате контактов с ними, в языке финно-угров появились арийские заимствования (сто, мед, пчела, сирота, рог) (Основы финно-угорского языкознания..., 1974, с.45). У абашевцев было развито скотоводческое хозяйство, в меньшей степени – земледелие. Сохранились свидетельства глубоких астрономических представлений абашевцев: о периодичности смены небесных светил, о зависимости от их положения смены дня и ночи, о цикличности временных климатических периодов. Им был известен календарь на 360 и 365 дней (Никитин В.В., 2002, с.275-282).

Контакты местного населения эпохи энеолита с абашевцами отразились в материалах поселения (№43) и могильника (№125) у д.Зуевы Ключи. Здесь на двух соседних мысах обнаружены следы поселения (северный мыс) и могильника (южный мыс). На поселении изучено жилище, представлявшее собой землянку глубиной более 2 м, размером 6х4,5 м. На дне ее выявлены остатки углей от костра, собрано около 130 каменных предметов: сколов, отщепов, чешуек, изготовленных из известняка, галечниковых пород и кварцита. Обнаружены и фрагменты глиняной посуды, украшенные оттисками мелкого гребенчатого штампа, насечками, ямками, образующими различные геометрические узоры (рис.15-6,9-12). Обращают на себя внимание своеобразные украшения шейки и плечиков – утолщения и валики. Из камня изготовлены 4 скребка (рис.15-4), 2 ножа (рис.15-8), 6 наконечников стрел (рис.15-1-3,5). Часть вещей вследствие пожара обуглена. Найдены обломки глиняной медеплавильной чаши (рис.15-7).

На южной части площадки соседнего мыса обнаружены 25 погребений этого же времени. Очертания могильных ям, заполненных темно-коричневым песком, четко фиксировались после снятия культурного слоя на фоне светло-желтого песка. Памятник раскопан полностью. В большинстве захоронений костяки не сохранились. В некоторых случаях обнаружены скелеты погребенных, которые лежали на правом боку с подогнутыми ногами. В могилах найдены обломки тигля (рис.46-7), каменные наконечники стрел (рис.46-1,2), скребки (рис.46-4-6), ножи, отщепы. Орудия из камня обработаны прекрасной ретушью. Замечателен и двулезвийный медный нож (рис.46-8) (длина – 18 см, ширина лезвия – 4 см) с удлиненным фигурным черешком и ромбическим навершием.

Зуевоключевские поселение и могильник были оставлены одними из первых металлургов Прикамья, о чем красноречиво свидетельствуют медный нож из могилы 15, тигель – специальный толстостенный сосуд для плавки металла, найденный в погребении 12, а также обломки медеплавильной чаши, собранные в жилище. Возможно, эти люди научили местных охотников и рыбаков обработке меди. В.Ф.Генинг, руководивший раскопками этих памятников, считал, что они принадлежали сейминско-турбинскому и чирковскому населению (1975, с.216-217). А.Х.Халиков относил их к чирковской культуре (Эпоха бронзы лесной полосы..., 1987, с.136). Но существует и иная точка зрения – материал Зуево-Ключевских объектов более всего соотносится с абашевскими древностями. Основанием для такого мнения служат отсутствие классических сейминско-турбинских изделий, а также химический анализ зуевоключевского ножа, выявивший, из какого сырья он был изготовлен – высокомышьяковой ташказганской меди, и наибольшую близость его орудиям из уральских баланбашских комплексов абашевской общности (Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988, с.56-57).

В Каракулинском районе обнаружены интереснейшие объекты эпохи бронзы (XVI-IX вв. до н.э.). Это Быргындинские I, II стоянки (№11, 12); Дубровское II поселение (№30); целый комплекс объектов у д.Зуевы Ключи: Зуевоключевская I (№32), II (№33), III (№34) стоянки; Зуевоключевское II поселение (№44); Ныргындинская стоянка (№66); Партизанские II (№75), III (№76), IV (№77), V (№78), VI (№49) поселения.

Памятники камского побережья между устьями Белой и Вятки отнесены А.В.Збруевой (1960) к луговской культуре, А.Х.Халиковым – к приказанской (1953, 1980). По мнению Л.И.Ашихминой, исследовавшей памятники эпохи бронзы удмуртского Прикамья, они относятся к луговской культуре (1985а). Сейчас их известно около 40. Эта культура, в отличие от приказанской, складывалась на гаринской основе. Многие памятники содержат комплексы как гаринские, так и луговские. Территория распространения этих культур в пределах Бельско-Вятского междуречья и бассейна Вятки совпадают. Граница между гаринской и волосовской общностями проходила по устью р.Шошмы, одного из левых притоков р.Камы (Археологические памятники Центрального Закамья..., 1988, с.7). Хорошо известны луговские поселения.

На Зуевоключевской I (№32) и Луговских I, II стоянках раскопаны жилищные комплексы из нескольких полуземлянок, соединенных переходами. На Луговской II и Зуевоключевской стоянках таких жилищ было 4, на Луговской I – 6. По своим особенностям – углубленности в грунт, коридорам-переходам – жилые сооружения луговской культуры близки гаринским.

На Зуевоключевской I стоянке (№32) жилища имели площадь 25, 40, 42, 72 кв.м. Общая площадь их составляла 180 кв.м. Вдоль стен располагались нары. Жилища отапливались простыми очагами – кострищами. Обнаруженные остатки свидетельствуют о разыгравшейся здесь некогда трагедии – все жилища сгорели. Из них почти ничего не успели вынести. На полах остались обломки более 90 глиняных горшков. Все они плоскодонные, верхняя половина орнаментирована различными геометрическими узорами – елочкой, меандрами, заштрихованными треугольниками, ромбами. Узоры нанесены гребенчатым штампом или представлены резными линиями (рис.11). Одно из жилищ датировано по радиоуглероду 3210 ± 150 лет. По мнению В.Ф.Генинга и Л.И.Ашихминой, эти зуевоключевские жилища относятся к луговской культуре, датируются XIV-XII вв. до н.э. (Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1984, с.137) и характеризуют раннюю стадию развития этой культуры (Ашихмина Л.И., 1985а, с.8, 22). Подобные материалы происходят с Зуевоключевской III стоянки (№34, рис.12), а также Партизанских II (№75, рис.20), III, IV (№76, 77, рис.21-1-4; 22-1,2), V и VI (№78, 79, рис.22-2, 3) поселений.

Поздняя стадия культуры (XII-XI вв. до н.э.), отражена в материалах Ныргындинской стоянки (№66, рис.19) (Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1977, с.93-97). В это время уменьшается число баночных форм сосудов, появляется посуда с «воротничком» и несколько большей профилированностью горловин, упрощаются геометрические узоры, используются в качестве разделителей орнаментов свободные зоны. Техника орнаментации однообразна: резная, реже – гребенчатая, вдавления и каннелюры (рис.19-2-8).

По мнению Л.И.Ашихминой, в конце XI в. до н.э. в Среднее Прикамье переместилось маклашеевское население из Нижнего Прикамья. В результате взаимодействия его с луговским возникла оригинальная быргындинская культура (Ашихмина Л.И., 1985а, с.8). К ней отнесены 20 поселений и 2 могильника.

На Быргындинской I стоянке (№11) раскопано жилище, слабо углубленное в землю, приближающееся по типу к наземным. Этот вариант жилых построек в ананьинскую эпоху станет преобладающим в удмуртском Прикамье.

Глиняная посуда быргындинской культуры отличается своеобразием. Она имеет смесь шамота и толченых раковин в тесте и представлена двумя формами: плоскодонными горшками и круглодонными сосудами. Наряду с посудой с отогнутой шейкой (рис.5-5,8,9) встречаются сосуды с вертикальной прямой горловиной (рис.5-1-4,7). Орнамент отличается горизонтальными зигзагами (рис.5-6-8) и решеткой (рис.5-3,5), флажками (рис.5-1,2), лесенкой (рис.5-4,9), зооморфными фигурками (рис.5-6,7). Узоры часто перемежаются горизонтальными рядами наколов, ямок или несколькими оттисками шнура. Встречаются сосуды, украшенные одним рядом редких круглых ямок. На основе быргындинской культуры сложился местный (удмуртское Прикамье) вариант ананьинской культуры.

В бронзовом веке (XVI-IX вв. до н.э.) для изготовления орудий труда, оружия и украшений использовалась бронза. Изделия из неё более тверды, прочны и эффективны в работе. Ограниченность меднорудных баз не позволяла полностью удовлетворить спрос, поэтому наряду с бронзой продолжали использовать камень. Техника обработки камня достигла совершенства. На Урале сложился один из древних очагов металлургии Евразии (Черных Е.Н., 1970, с.4). Развивались производящие отрасли хозяйства – скотоводство и земледелие. В удмуртском Прикамье сложилось смешанное многоотраслевое производящее (скотоводство и земледелие) и присваивающее (рыболовство, охота, собирательство) хозяйство. Возросшая индивидуализация труда и развитие производительных сил способ-

ствовавали разрушению коллективной родовой общины. К концу бронзового века отмечены процессы дифференциации родовых коллективов, обособления родовой знати, перехода от материнского к отцовскому роду.

Ранний железный век (VIII в. до н.э. – V в. н.э.) – первый этап в истории населения Прикамья, связанный с освоением производства изделий из нового сырья – железа. Железорудные месторождения в лесной полосе были распространены практически повсеместно в виде болотных, озерных и луговых руд. Но добыча железа и производство изделий из него весьма трудоемки. Человечество прошло более чем трехтысячелетний путь экспериментов в бронзолитейном деле, прежде чем научилось изготавливать железные вещи. Освоив производство орудий из железа, люди отказались от каменного сырья. Только железо смогло вытеснить камень из основных материалов производства орудий.

Во второй половине II тыс. до н.э. многие народы степной полосы Восточной Европы познакомились с технологией добычи и обработки железа. Процесс получения железа в древности назывался варкой, так как железо получали не в жидком, а пористом, тестообразном состоянии. При нагревании руды в специальных печах-домницах, интенсивной подаче воздуха (сырое дутье), горении древесного угля, выделявшего окись углерода, из закиси и окиси железа происходил процесс восстановления чистого железа, которое в виде крупниц металла, более тяжелого, чем другие материалы, оседало в придонной части домницы. Железо из рыхлой тестообразной массы с многочисленными пустотами превращали в качественное путем многократного нагревания и прессовки сильными ударами молота. Прокованные, сплюснутые крицы можно было использовать для изготовления орудий и оружия.

Кричное железо имело недостатки: оно было в два раза мягче оловянистой бронзы и нужно было найти способы его упрочнения. Такой способ был выявлен – науглероживание железа. При нагревании железа и длительном соприкосновении его с раскаленным углем образовывался слой стали – науглероженного железа.

В VIII в. до н.э. произошел перелом в развитии металлургии и металлообработки железа: увеличилось число железных вещей, они стали более разнообразными и совершенными. Металлурги этого времени уже умели получать металл различного качества – от простого кричного железа до высокоуглеродистой стали. В это время функционировали несколько производственных центров, откуда распространялись как готовые изделия, так и технологический опыт: Северный Кавказ, Среднее Поднепровье, лесостепная и степная Скифия и другие. Аналогичный центр металлургии и металлообработки возник на территории ананьинской культуры. Основная масса действующих металлургических центров Восточной Европы в X-VI вв. до н.э. связана с населением, говорившим на иранских языках. Очевидно, финно-пермяне получили первые навыки добычи и обработки железа от иранских народов, о чем свидетельствуют данные лингвистики: слово *железо* во многих финно-угорских языках заимствовано из иранского (Абаев В.И., 1972, с.29).

Распространение железа стимулировало дальнейшую специализацию общинников. Начавшееся в бронзовом веке обособление литейщиков продолжалось: выделились значительные группы производителей металлической продукции: металлургов, черновых и чистовых кузнецов. Использование железа способствовало некоторому ослаблению монополизации добычи медных руд и изделий из них. Области, не имеющие медных руд, постепенно стали догонять в развитии те районы, которые ушли далеко вперед, располагая большими запасами меди и олова. Появление железа содействовало сложению более продуктивного хозяйства и, как следствие, росту народонаселения, а также развитию обмена, распространению технологического опыта и культурных достижений. Широкое распространение железа повлекло разрушение традиционных норм первобытного общества, зарождение расслоения общества и формирование раннеклассовых отношений.

Изготовление орудий труда из железа привело к революции в материальном производстве: появилась возможность расчищать лес на больших площадях, лучше обрабатывать почву и убирать урожай. Земледелие поднялось на принципиально новый уровень. Оружие, сделанное из железа, было более совершенным, появились длинные мечи, боевые топоры, новые, улучшенные варианты наконечников стрел и копий. Новые виды наступательного вооружения сделали войну успешным занятием. Неслучайно ранний железный век – время широкого распространения войны как средства быстрого обогащения. Совершенствовались и защитные средства: панцири, кольчуги, шлемы, щиты и др.

Ананьинский бронзолитейный металлургический очаг представлял собой вполне самостоятельное явление. Его продукция (изделия местных форм: кельты, наконечники копий, тёсла, ножи, украшения) была распространена от Северной Швеции на западе до р.Иртыш – на востоке (Кузьминых С.В., 1983, с.174, рис.91). Использовался местный («чистая» медь) и привозной (оловянистые бронзы и сурьмяно-мышьяковистые сплавы на медной основе) металл с Урала. Ананьинская металлообработка в VIII-VI вв. до н.э. испытала влияние кавказского металлообрабатывающего центра, а с VI-V вв. до н.э. – кочевников Южного Приуралья, Казахстана и Средней Азии. На рубеже V-IV вв. до н.э. бронза была вытеснена из области изготовления орудий труда и оружия (Кузьминых С.В., 1983, с.178-179).

В удмуртском Прикамье хорошо изучены памятники ананьинского времени разных категорий: городища, селища и могильники. Поселения довольно часто содержат слои предшествующего времени, что подтверждает преемственность материальной культуры с эпохой бронзы. Нестабильная обстановка и стремление оградить свою жизнь и ценности от врагов привели к появлению в VI в. до н.э. городищ - укрепленных поселений, располагавшихся на высоких мысах, окруженных рвом и валом. Наиболее известны из них Каменный Лог (№94), Галановское (№97), Зуевключевское I (№98) в Каракулинском районе Удмуртии. По мнению В.А.Иванова, раньше всего укрепленные городища возникли в западных районах ананьинской общности в связи с угрозой со стороны южных степных народов и постепенно распространились на север и восток (1984, с.42). Следует отметить, что чем севернее, тем городищ сооружалось меньше. Большая часть их была постоянно обитаема, хотя известны и сторожевые городки.

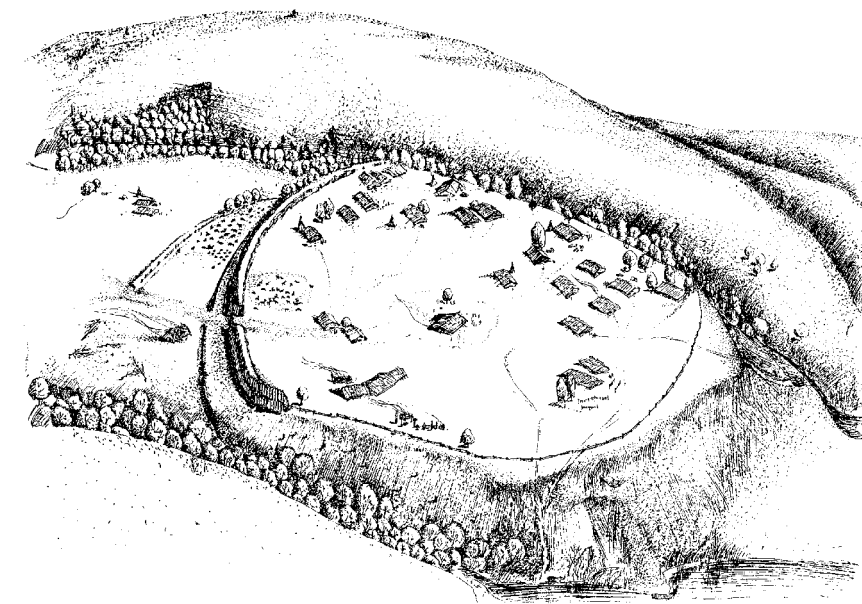

Рис. 65. Реконструкция укрепленного поселка IV-III вв. до н.э. в окрестностях д.Зуевы Ключи

Раскопки Зуевключевского I городища показали, что первоначально оно возникло как селище. В VIII в. до н.э. жилища располагались лишь в северной части мыса. К VI в. постройками была занята площадь около 30000 кв.м, а в V в. был насыпан вал и выкопан ров (рис.65). Основной вал неоднократно подсыпался и имел высоту до 3,5 м и ширину до 10 м. Перед валом был выкопан ров шириной 4,2 м и глубиной от уровня древней поверхности 2 м. По гребню вала и вплотную к внутреннему склону был сооружен деревянный частокол. Общая высота преграды составляла около 8 м.

На городище исследовано около 8 тыс. кв.м и более 60 жилищ (Черных Е.М., Останина Т.И., 2007, с.132), выстроенных рядами, их разделяли улицы шириной до 15 м (Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986, с.54). В жилищах – наземных постройках прямоугольной формы площадью 60-70 кв.м (рис.66) – вход делали с юго-восточной или восточной стороны, слева от входа и у стены, противоположной ему, располагали нары. В центре жилища устраивался очаг, иногда на глинобитном основании. Некоторые очаги, чтобы дольше держалось тепло, были обставлены камнями.

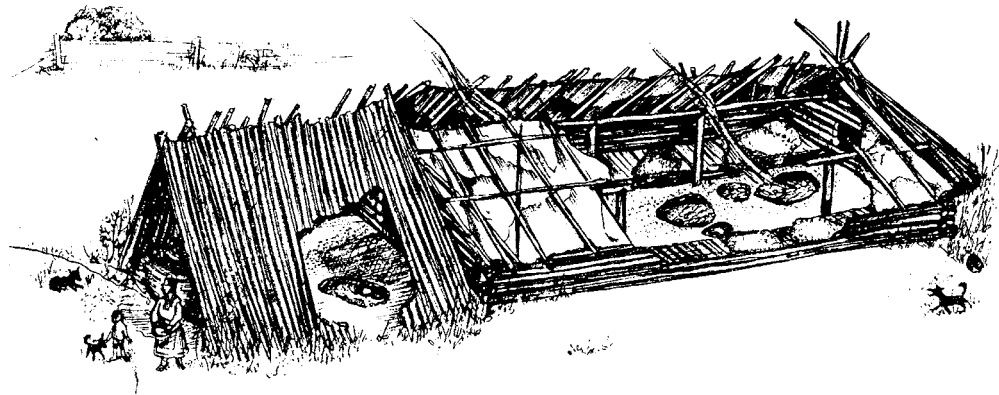

Рис. 66. Жилище ананьинцев. Реконструкция Е.М.Черных

Городища были не только административными, но и культовыми центрами. В южной части Зуевключевского I городища выявлено святилище. Здесь обнаружено огромное скопление костей животных: лошадей, крупного рогатого скота, которые были принесены в жертву стоявшим здесь идолам. Еще один жертвенник находился в северной части городища: в зольном слое ананьинского времени зафиксировано скопление костей коров и лошадей, окруженное остатками кострищ.

Неукрепленные поселения группировались вокруг городищ. Например, возле Зуевключевского I городища выявлены Зуевключевские II (№36), III (№37), IV (№38), VIII (№42) селища; вокруг Галановского городища – I (№26), II (№27), III (№28) селища. Возможно, многие селища до сих пор остаются неизвестными ученым.

Необходимо отметить, что слои поселений ананьинского времени насыщены костями животных настолько, что А.А.Спицын называл их «костеносными». Кость широко использовалась для изготовления оружия – наконечников стрел (рис.31-5), орудий труда и различных бытовых поделок (рис.31-2,3,6). Весьма выразительны глиняные фигурки животных и людей, иногда с орнаментацией и знаками (см. цв. вклейку 3).

Большим событием в изучении ананьинской проблематики стали открытие и исследование А.А.Спицыным Зуевского могильника (№124) в Каракулинском районе Удмуртии (Худяков М.Г., 1933). Здесь было обнаружено 218 захоронений ананьинской поры. До сих пор этот памятник является одним из крупнейших исследованных памятников ананьинского типа в удмуртском Прикамье. На могильнике зафиксировано несколько погребальных

обрядов: по способу труположения – индивидуальные и коллективные (в 14 могилах обнаружено 80 костяков, чаще всего, женщин и детей); впускные захоронения в уже занятую могилу, а также погребения черепов. Обнаружено несколько костяков без черепов. Документированных следов трупосожжений нет, но свидетельств проявления культа огня достаточно: обожженные камни в засыпи могил, обугленные кости погребенных, вероятно, в результате ссыпания в могилу углей погребального костра.

В четвертой части могил ананьинцев обнаружены предметы вооружения, которые могли использоваться и в повседневной жизни. Вероятно, воинами являлись практически все мужчины. Захоронения мужчин были богаче женских: в них найдены наконечники копий (рис.45-6) и стрел (рис.45-1-5), боевые топоры-секиры (рис.45-8), короткие мечи-акинаки (рис.45-9), кельты (рис.45-7), прекрасные пояса с медными накладками и привесками, шейные гривны и браслеты. Женские погребения сопровождалась медными бляшками, гривнами (рис.44-6,7), браслетами (рис.44-5), перстнями, подвесками, иногда бусами, шильями, иглами. В могилы ставили глиняные сосуды с пищей (рис.44-2) (чаще всего, мужчинам – 1, женщинам – 2) и клали куски мяса: женщинам, обычно, говядину, мужчинам – конину. В центре могильника зафиксированы следы жертвенника из валунов и плитняка, где, видимо, проводились поминальные обряды.

По материалам ананьинских памятников можно представить одежду людей того времени и дополняющие ее элементы. Мужчины, судя по изображению на одной из стел Ананьинского могильника, носили узкие кафтаны, расшитые аппликациями или вышивкой, и штаны. Головные уборы украшали бронзовыми накладками и височными подвесками. На шею надевали ожерелье из пронизок или бронзовую гривну. Кафтан на талии скрепляли поясом, украшенным бронзовыми накладками, наконечником, подвесками-бляхами (рис.67-1,3).

У женщин были популярны составные налобные венчики с бронзовыми накладками и височными подвесками, на шее – ожерелья из бус, бронзовые гривны и различного типа

Рис. 67. 1, 3 – каменные стелы из Ананьинского могильника; 2 – реконструкция облика ананьинца по материалам Луговского могильника. Реконструкция выполнена М.М.Герасимовым

бронзовые подвески. Одежду подпоясывали. Руки украшали браслетами и колечками. Более образно женскую одежду можно представить по материалам глиняной пластики. Это длинная прямая одежда с рукавами, накидка типа плаща, платье, украшенное вышивкой и драпировкой, стянутое поясом, передники.

Ананьинская глиняная посуда имеет весьма характерные особенности: в тесте содержится хорошо заметная примесь толченой раковины; по форме – это круглодонные невысокие чаши, как правило, с четко профилированной верхней частью, хорошо заглаженной поверхностью, иногда с заметным лощением. Характерны также размещение орнамента в верхней части сосуда, его горизонтальная зональность и преобладание в технике нанесения орнамента шнуровых отпечатков, оттисков гребенчатого штампа и ямок.

По наблюдениям Л.И.Ашихминой (1985а, с.10-11), в удмуртском Прикамье в раннюю пору ананьина сосуда украшали по верхней части довольно сложными композициями из наклонных и зигзагообразных линий, ромбов, треугольников, «елочки», «решетки» (рис.5-7). Узоры выполнены преимущественно шнуровыми отпечатками, но были резные и гребенчатые оттиски. Постепенно орнаментация упрощалась, преобладающими стали узоры в виде многорядовых горизонтальных оттисков шнура, сочетающихся с горизонтальными рядами редких круглых ямок. В последующем число сосудов с оттисками шнура уменьшилось, но возросло количество посуды, украшенной ямками (рис.32-9-10; 34-1,2,8; 35-4). Для ранних и поздних комплексов характерны гладкие шейки сосудов, в VII-V вв. до н.э. они дополнительно украшались налепками в виде «валиков» или «воротничков» (рис.39-1,2,4). На заключительной стадии развития культуры основная масса керамики весьма скудно орнаментирована – только горизонтальный пояс из редких круглых ямок на шейке сосуда (рис.32-8).

Ананьинское население имело развитое комплексное хозяйство. Не случайно, в течение трех столетий – VIII-VI вв. – наблюдается демографический взрыв в Прикамье (площадь Зуевключевского I городища увеличилась в десятки раз). Это было обеспечено правильно спланированным хозяйством, где все отрасли дополняли друг друга.

Ананьинская общность – это первый этап, когда можно уверенно зафиксировать определенный уровень развития земледелия. Поселения располагались поблизости от плодородных пойм. Как считают многие ученые, наиболее ранней формой земледелия в условиях Прикамья могла стать только подсечно-огневая, при которой требовалась не вспашка земли, а лишь рыхление. Орудия рыхления в виде костяных наконечников палок-копалок обнаружены десятками. Они представляют собой полые трубчатые кости животных с заостренным концом и несколькими отверстиями для привязывания к деревянной палке. С помощью этого нехитрого приспособления рыхлили пал – золу, сторевшие сучки, корни, заделывали в землю разбросанные семена. Известны и железные наконечники мотыг.

На ананьинских памятниках сохранилось не так много зерен злаков. При раскопках Луговской I стоянки были обнаружены зерна проса (Збруева А.В., 1960), а Ананьинского могильника – семена конопли. На Новокабановском городище в низовьях р.Белой найден глиняный сосуд с обугленными зернами ржи. На ананьинских объектах находят железные серповидные ножи, предназначенные для сбора урожая. При переработке продуктов земледелия использовали каменные зернотерки, песты, терочники, во множестве встречающиеся на поселениях.

Охота велась на различную дичь: глухарей, уток, гусей, лебедей, тетеревов. На Гремячанском поселении найдены 472 кости от 92 особей всех этих видов, а также цапель и хищных птиц типа подорликов. Больше всего среди убитых птиц оказалось глухарей и уток (Андреева Е.Г., 1967, с.184). Птица была и объектом почитания. На Зуевключевском I городище какая-то крупная птица (лебедь, глухарь?) была использована в качестве «строительной жертвы» при возведении культовой постройки.

Находки на поселениях чешуи, рыбьих позвонков, костяных и медных гарпунов, а также железных рыболовных крючков, грузил убедительно свидетельствуют о рыболовстве (рис.68). По данным ихтиологов, в Каме в то время ловили стерлядь, осетра, тайменя, белорыбицу, щуку, леща, голавля и другие виды рыб. На Осинском городище начала I тыс. н.э., расположенном в г.Оса Пермского края, найдены кости осетровых рыб: стерлядок длиной 40-60 см, весом 150-700 г, одной стерляди длиной 247 см, а весом свыше 30 кг, севрюги длиной 240 см и весом около 30 кг и осетра длиной 140 см и весом 15 кг (Генинг В.Ф., Оборин В.А., 1960, с.166). На городище Зуевы Ключи было найдено много костей карповых, что позволяет думать не только об обилии в пойме р.Камы старичных озер, но и об активном использовании их рыбных ресурсов и озерной фауны.

Проводимое в течение многих десятилетий исследование костей животных с поселений делает характеристику ананьинского скотоводства весьма документированной (Андреева Е.Г., 1967; Петренко А.Г., 1984 и др.). Среди костяного материала преобладают (58-87%) кости домашних животных. Ананьинцы разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней. Соотношение отдельных видов на разных памятниках разное. Но чаще всего более многочисленны были крупный рогатый скот (около 30%) и лошади (30-40%). Третье место в стаде занимала свинья (20-30%) и четвертое – мелкий рогатый скот. Однако на некоторых поселениях свиньи преобладали над всем поголовьем скота, составляя более 50% всех домашних животных (Богаткина О.Г., 1992, с.129). Крупный рогатый скот ананьинцев был грацильным (тонкокостным), комолым, с высотой в холке у коров 108 см, у быков – 114 см, близким к мелким разновидностям скота у скифов (Петренко А.Г., 1984, с.139). Забива-

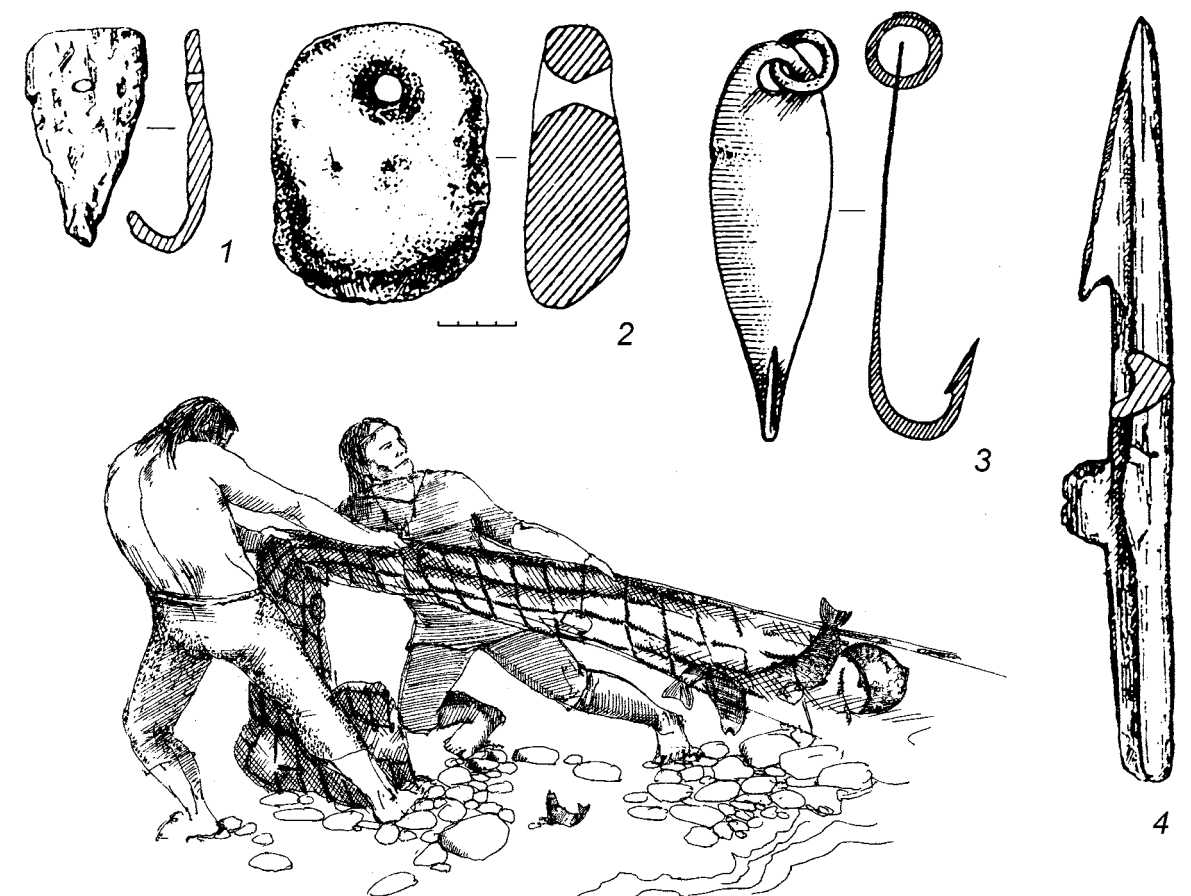

Рис. 68. Орудия рыболовства с ананьинских городищ: 1, 3 – крючки; 2 – грузило; 4 – наконечник гарпуна. 1 – железо; 2 – камень; 3 – бронза; 4 – кость

ли коров чаще всего в возрасте 28 месяцев и старше, следовательно, разводили их в значительной мере и для получения молока. Лошади ананьинцев были довольно разнообразными, высота их в холке варьируется в пределах 122-143 см. Выносливая, низкорослая (высота в холке 112-128 см) лесная лошадь, распространенная в лесной зоне, использовалась как тягловая сила, давала продукты питания и сырье для одежды, бытового инвентаря, обуви, других хозяйственных нужд. Во многих случаях лошадей забивали в возрасте до двух лет, что указывает на разведение этого вида на мясо, так как именно к этому возрасту лошадь набирала нужный вес. Однако известны случаи (Буйское городище), когда возраст животных достигал 6-9 лет (Петренко А.Г., 1984, с.75), что может свидетельствовать о разведении кобылиц для получения молока, так как максимум молочности этого вида приходится на возраст 7-15 лет (Федотов П.А., 1989, с.170).

Свиньи были довольно крупными – высота в холке 83,3 см (Богаткина О.Г., 1992, с.136), большую их часть забивали в возрасте до года, когда кончался подножный корм (Андреева Е.Г., 1967, с.179). На зимовку оставляли только наиболее продуктивных особей для воспроизводства.

Менее всего был популярен мелкий рогатый скот. Но и его разводили весьма успешно. На Гремячанском поселении в бассейне р.Тулвы, расположенном совсем недалеко от Удмуртии, были собраны кости 15 коз и 80 овец. Овцы использовались для получения мяса, шкур и шерсти. Поскольку среди овец было довольно много особей старше двух лет, вероятно, их разводили не столько для употребления в пищу, сколько для получения шерсти (Андреева Е.Г., 1967, с.180). Именно ананьинцы впервые в Прикамье научились делать ткани из шерсти. Пряслица на поселениях ананьинского времени – одна из массовых находок (рис.27-1; 31-9). Только на Зуевключевском I городище их найдено более 130 (Черных Е.М., Останина Т.И., 2007, с.151).

Ананьинцы были и хорошими охотниками – умели добывать бобра, медведя, лисицу, куницу, соболя, белку, зайца, лося, косулю, северного оленя, кабана. Преобладала охота на пушных зверей, среди которых явно превалировал бобр. Пушнина заготавливалась специально для обмена на оружие, украшения, металл. Охотились с помощью лука и стрел, копий, рогатин, различных приспособлений и собаки. По данным А.Г.Петренко (1984, с.112), на 18 ананьинских памятниках собрано 108 костей собак от 32 особей. Среди них были довольно крупные экземпляры узколобого типа, напоминающие современных северных лаек. На некоторых памятниках (например, городище Сорочьи горы) среди всех добытых зверей было больше всего медведей (Богаткина О.Г., 1992, с.138-140), которые давали и мясо, и шкуры и использовались при отправлении культовых обрядов. Только при раскопках А.Д.Вечтомова на Гремячанском поселении-святилище были собраны кости 55 медведей (Андреева Е.Г., 1967, табл.4). На Зуевключевском I городище изучены остатки жертвенников из костей медведей, устроенных как в самих жилищах, так и рядом с ними (Черных Е.М., Останина Т.И., 2007, с.141).

Формирование экономики, основанной на земледелии и скотоводстве, дающими возможность иметь стабильные запасы продуктов питания, подготовило основу для кардинального скачка в истории Прикамья. Это проявилось, прежде всего, в увеличении численности населения. Резко возросло число ананьинских поселений, увеличились их площади. Циклический характер земледелия и скотоводства, высвободивший часть времени жителей Прикамья от производства продуктов питания, способствовал развитию металлообработки, костерезного дела, искусства. Неудивительно, что именно в ананьинское время появились шедевры бронзолитейного производства, великолепные образцы костерезного дела: рукояти (рис.31-2,3) с изображениями волков, медведей, лосей, птиц, орнаментированные костяные лопаточки, костяные гребни с изображением звериных голов (см. цв. вклейку 2).

Ананьинский звериный стиль имеет свои характерные особенности – наряду с широко распространенными мотивами степного скифо-сибирского искусства (изображения оленя, пантеры, барса и др.) использовались и образы представителей лесной фауны (лося, медведя, волка, птиц). Особенно популярны изображения голов лосей, кошачьего хищника с чертами медведя, свернувшихся в кольцо хищников с медведе- и волкообразными чертами, медведя, волка и других животных (Корепанов К.И., 1990).

Патриархальные отношения в ананьинское время стали нормой. Мужчина занимался войной, всеми ведущими отраслями хозяйства: скотоводством, земледелием, охотой, рыболовством, поэтому женщины отошли как бы на второй план: их погребения значительно беднее мужских (Збруева А.В., 1952, с.147 и др.).

Многоотраслевая экономика способствовала накоплению избыточного, а затем и прибавочного продукта, в виде скота, пушнины, металла, металлических изделий, оружия, дорогих украшений и других престижных ценностей. Эти богатства можно было отобрать силой. Грабеж давал возможность быстрого и легкого обогащения. Не случайно, именно в ананьинское время появилось в Прикамье так много оружия, и формы его все более совершенствовались. Эпизодические столкновения приняли характер массовых. Победители забирали все ценности: скот, оружие, металл, сокровища, рабов. Стала меняться психология древнего человека: грабеж, разбой – почетное занятие, мирный труд – ущербное дело для мужчины-воина. Реакцией на изменение характера межобщинных отношений явилось возникновение городищ как средства потенциальной обороны накопленных ценностей. Встречаемость их на всей территории ананьинской общности, а не только на границе со степью свидетельствует о нестабильной обстановке внутри самого ананьинского общества, о стремлении родственных групп к переделу территорий и собственности.

Неспокойная обстановка вызвала к жизни институт вождей, которые выполняли несколько функций. Прежде всего, они, будучи военными предводителями, не только осуществляли военные операции, но и руководили разделом добычи. Одновременно они были и жрецами, и колдунами, магическими обрядами обеспечивая гармонию коллектива в природном и социальном мире. В то же время они были организаторами и мирной, трудовой, жизни общинников. О существовании вождей говорит появление особо ценных видов оружия – парадных секир, одна из которых найдена у с.Галаново Каракулинского района Удмуртии (№142). Она представляет собой бронзовый топор, весом 460 г, с лезвием, обухом и отверстием для рукояти. Длина предмета составляет 19 см, ширина по втулке – 3,3 см, ширина лезвия – 3,7 см, ширина обуха – 3,3 см, его высота – 2,8 см, диаметр втулки – 2 см. Обух выполнен в виде оскаленной морды волка, хорошо обозначены пасть, клыки, прижатые к голове уши. Вздыбленная шерсть на гриве подчеркнута линией зубчиков по верхней грани предмета. А на голове волка изображена сова, с хорошо выраженными ушами, глазами, лохматой бородой, клювом-крючком, лапами. Художник сумел так составить композицию, что раздутые ноздри волка одновременно являются округлыми, выступающими наружу ушами птицы, а уши зверя – подогнутыми птичьими лапами, охватывающими втулку топора (рис.54; цв. вклейка 1).

Галановская секира – восьмая из известных науке ананьинских секир. По данным С.В.Кузьминых, 7 остальных ананьинских секир были найдены: на р.Пинеге, притоке Северной Двины (2 экз.), на территории Воткинского завода, под Сарапулом, на городище Кара-абыз в Башкирии, в окрестностях г.Юрюзань на Южном Урале и пос.Курган Чердынского района Пермского края. На обухе большинства секир изображена голова волка с оскаленной пастью, а втулку завершает голова грифона. Ни одна из секир не похожа друг на друга, представляя оригинальное и уникальное изделие. По мнению С.В.Кузьминых (1983, с.145), секиры датируются VI-IV вв. до н.э. Таким образом, возраст галановской секиры –

2,5 тыс. лет. Она отличается от других тем, что у нее нет выступающей втулки, отсутствует изображение головы грифона, а морда волка искусно объединена с изображением совы. По мнению многих ученых, мотив зубастого хищника – волка, наиболее характерен для лесных ананьинцев и кочевников-савроматов.

Ананьинские секиры – это парадное оружие, использовавшееся предводителями дружин, военными вождями для подчеркивания своей власти. Сочетание устрашающей оскаленной морды волка и спокойной мудрой совы убеждает в том, что галановская секира – атрибут сильной и мудрой власти. Известно, что в Древней Греции сова была символом углубленного познания и мудрости. Сова была посвящена Афине – богине мудрости и справедливой войны, которую называли «совоокой». Изображения сов чеканились даже на монетах.

Об институте вождей у ананьинцев свидетельствуют и каменные стелы, устанавливаемые в честь умерших на могильниках. На них изображены, как правило, мужчины с оружием и без него, или только оружие. В условиях постоянной военной опасности вожди приобретали все больший вес в обществе. От их искусства и удачливости зависело не только благополучие, но и сама жизнь сородичей. В случае опасности в качестве военной силы выступали все мужчины коллектива, но постепенно из них выделились наиболее сильные и храбрые, составившие военную дружину вождей. Возникла своеобразная организация общества, получившая название «военная демократия». Это была еще демократия: в обсуждении наиболее важных вопросов принимали участие все члены коллектива (мужчины). Она еще предполагала некое равенство, так как все члены военного похода имели равное право на свою долю добычи. Но фактического равенства уже не было: военный предводитель и его приближенные имели право на лучшую долю добычи, и никто им в этом не мог препятствовать. Грабительские войны, появившись как следствие накопления богатств, сыграли роль стимулятора для развития частной собственности и института государства. Грабительские войны привели к появлению еще одного фактора, который способствовал дальнейшему разложению первобытной общины, – появлению имущественного неравенства и связанного с ним рабства.

Материалы ананьинских могильников убедительно свидетельствуют об имущественном расслоении общества. А.В.Збруева по характеру и числу сопровождающего инвентаря выделила 7 групп захоронений мужчин. В наиболее богатых из них обнаружены наконечники копий и стрел, кельты, акинаки, украшения, кости животных, сосуды с пищей. Например, в мужском погребении 94 Зуевского могильника найдены глиняный сосуд, фрагменты золотого кольца, кельт, восемь бронзовых и десять костяных наконечников стрел, позолоченная железная бляшка, бронзовая гривна, железный наконечник копья, железный нож, пояс с 48 бронзовыми бляшками, двумя наконечниками и застежкой, тремя привесками и двумя бронзовыми спиральными пронизками (Збруева А.В., 1952, с.150). Могилы других групп значительно беднее. О социальной дифференциации ананьинского общества свидетельствуют и все более многообразные похоронные обряды.

Известны также как женские, так и мужские безынвентарные погребения, которые А.В.Збруева считала захоронениями рабов. Именно эти погребения часто имеют другую, не характерную для памятников ориентировку. Ананьинское общество стояло на такой стадии развития, когда оно могло, с одной стороны, прокормить значительный коллектив, а с другой – нуждалось в дополнительных рабочих руках для производства материальных благ. И такие возможности предоставлял институт рабства, возникновению которого способствовали приобретаемые все больший размах войны и грабежи. Идею о существовании у ананьинцев патриархального рабства поддерживал и А.П.Смирнов (1970, с.117-118). В том, что оно имело домашний характер, убеждают захоронения рабов не на отдельном, а на общеродовом кладбище. Вероятно, в это время рабы не противопоставлялись коллективу, а

считались его членами, занимающими несколько пониженное положение. Идея применения труда рабов в хозяйстве, видимо, оформилась не сразу. Вначале военнопленных приносили в жертву или просто убивали. Так, в очаге жилища 1 Луговской стоянки были найдены обожженные и расколотые черепа и кости 13 взрослых и 6 детей (Збруева А.В., 1952, с.157). В одной из женских могил Котловского могильника был найден амулет из черепной кости человека. Остатки человеческих жертвоприношений – груды человеческих костей, частично обожженных (трех мужчин, женщины и ребенка), найдены возле очага культовой постройки на Аргыжском городище на р.Вятке (Черных Е.М., 1996, с.91-93). Однако со временем применение рабского труда стало очевидно выгодным, и рабы стали использоваться в домашнем хозяйстве. По этнографическим источникам, первоначально они выполняли наиболее трудные домашние работы: носили воду, заготавливали дрова, готовили еду, кормили собак. Жили рабы вместе с хозяевами, ели за одним столом, могли жениться на свободных женщинах, участвовать в общественной и религиозной жизни. Рабство сначала не было пожизненным: проработав несколько лет на своих хозяев, раба либо отпускали домой, либо он становился свободным членом коллектива.

Антропологические материалы свидетельствуют о неоднородности населения ананьинской культурной общности. Наряду с ярко выраженным низколицым монголоидным типом (Луговской могильник – Трофимова Т.А., 1941; Полянский II могильник – Алексеев В.П., 1981) известны черепа европеоидного облика (Гулькинский, Байларский, Аккозинский и др. могильники – Акимов М.С., 1968), а также смешанные группы, в которых наряду с монголоидным компонентом встречались и мезокранные европеоиды (Тетюшский – Ефимова С.Г., 1981). Многими антропологами поддержано мнение о притоке монголоидного населения из Сибири на рубеже эпохи бронзы и железного века, однако археологические материалы заставляют относиться к этой гипотезе с осторожностью.

Вопрос о происхождении ананьина относился к разряду остро дискуссионных, что особенно проявилось на IV Уральском археологическом совещании (Труды УАС, 1967). Тогда были высказаны полярные суждения. Одна группа ученых (В.Ф.Генинг, О.Н.Бадер, В.П.Денисов) значительно преувеличивала роль западносибирского влияния в формировании ананьинской общности, другая (Е.А. и А.Х.Халиковы) – прижимала. Спустя 30 с лишним лет новые материалы и исследования показали, что истина лежит посередине. В результате проведенных широких полевых работ в Зауралье и Западной Сибири на памятниках предананьинского времени выявлено, что о массовой миграции зауральских племен в Прикамье и о их мощном воздействии на формирующийся ананьинский этнос говорить не приходится (Борзунов В.А., 1992, с.103-104). Редкие группы зауральских мигрантов – населения гамаюнской культуры с их присваивающим хозяйством – не могли оказать серьезного влияния на прикамское население с его прогрессирующей производящей экономикой и развитой металлообработкой. Таким образом, можно уверенно говорить о возникновении ананьинской общности на основе развития местных культур эпохи бронзы без каких-либо серьезных включений извне.

Ананьинская культурная общность датируется, по мнению многих ученых, VIII-III вв. до н.э. (Збруева А.В., 1952, с.44; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961; Вечтомов А.Д., 1967; Ашихмина Л.И., 1985, 1985а и др.). Вполне вызывает доверие периодизация памятников удмуртского Прикамья, предложенная Л.И.Ашихминой на основе типологического анализа больших керамических коллекций. Она делит культуру на 4 стадии: зуевключевскую (VIII-VII вв. до н.э.), каракулинскую (VII-VI вв. до н.э.), каменноложскую (VI-V вв. до н.э.) и ныргындинскую (IV-III вв. до н.э.).

Древности второй половины раннего железного века имеют в археологической литературе неоднозначную оценку. Материалы III в. до н.э. – II в. н.э. впервые в 1880 г. были

получены из могильника у с.Пьяный Бор на севере Татарии и получили название пьяноборских. Спустя почти 100 лет В.Ф.Генинг, изучивший все известные к тому времени сведения о памятниках этого типа, пришел к заключению о существовании в удмуртском Прикамье, в низовьях р.Белой, в Нижнем Прикамье особой пьяноборской общности. На территории камско-бельской географической зоны им была выделена чегандинская культура (Генинг В.Ф., 1970). В 1987 г. Р.Д.Голдина включила в чегандинскую культуру и памятники мазунинского типа III-V вв., которые В.Ф.Генинг считал самостоятельной культурой, расширив таким образом рамки чегандинской культуры до V в. н.э. В этой работе мы придерживаемся культурно-хронологической оценки памятников Р.Д.Голдиной, имея в виду, что существует и мнение В.Ф.Генинга, развиваемое Т.И.Останиной (1997), о культурной самостоятельности мазунинских памятников.

На основе ананьинской историко-культурной общности сложилась древнеудмуртская пьяноборская общность (III в. до н.э. – V в. н.э.), которая представлена четырьмя культурами: чегандинской (удмуртское Прикамье, низовья рек Белой и Ижа), карабызской (среднее течение р.Белой), худяковской (бассейн Вятки) и красноярской (Средняя Кама).

Памятники чегандинской археологической культуры расположены по притокам р.Белой от устья р.Куваш до низовий, р.Ик, а также по камскому побережью от устья Ика на юге и до устья Малой Сарапулки на севере. В начале 70-х гг. XX в. самыми северными памятниками считались Сухаревское и Кухтинское городища в Каракулинском районе Удмуртии. За последние годы большая группа чегандинских памятников выявлена в Сарапульском районе (Тарасовские могильник и селища, Афонинский, Усть-Сарапульский могильники, Момылевское городище), в результате граница чегандинской культуры отодвинулась на север более чем на 40 км и общая протяженность культуры по Каме составила около 130 км. На поздней (мазунинской) стадии развития чегандинской культуры были заселены

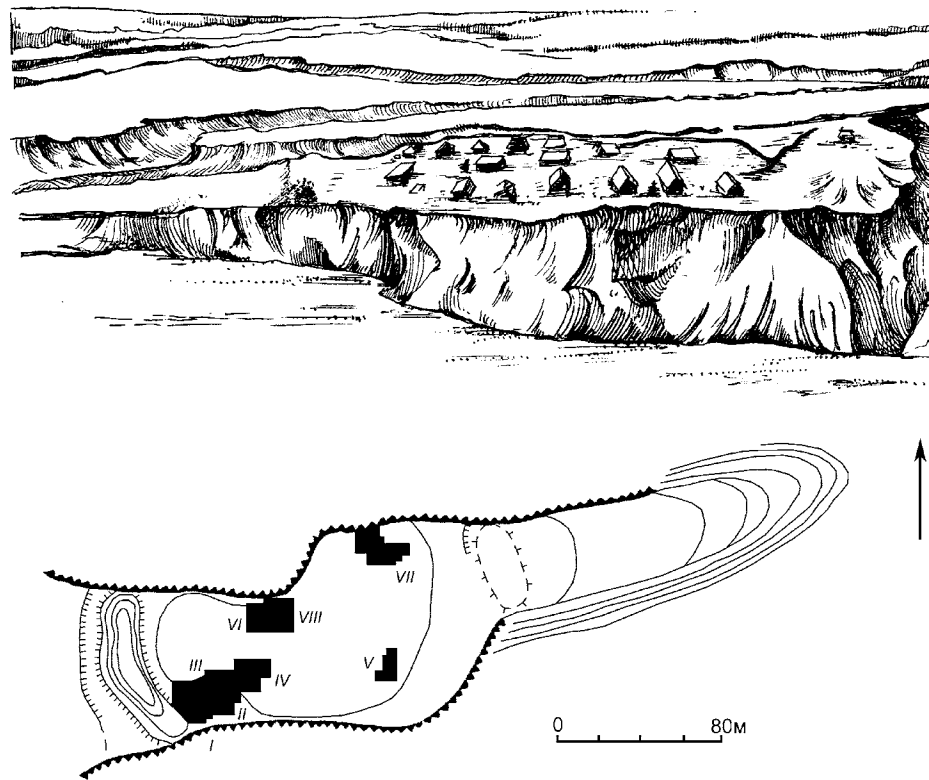

Рис. 69. План и реконструкция городища Чеганда I (по В.Ф.Генингу)

и более северные районы: выше по течению правого берега р.Камы, район современных Гольян (Чепанихинский могильник), бассейн р.Сивы (Нивский могильник), верховья Ижа (Ижевский могильник) и его притоки (Покровский могильник), верховья Увы (городище Пек-Жикья); левобережье Камы – по р.Сайгатке (Сайгатский могильник); нижнее (Тураевский могильник) и среднее течение Тоймы (городище Старая Игра). Следует отметить, что на этой территории памятники располагались не сплошным массивом, а группами: от единичных объектов до нескольких десятков.

Из поселений удмуртского Прикамья изучены городище Чеганда I (№116, рис.69), Зуевключевское I городище (№98), Быргындинские IV, V поселения (№16, 17) и другие памятники. Известно более 50 городищ этой культуры. Слои этого времени часто располагаются на поселениях ананьинского времени, что указывает на их преемственность. Городища укреплены обычно одной линией валов и рвов. По площади городища делятся на две группы: с малой площадью (500-4000 кв.м) и незначительным культурным слоем – сторожевые городки, в которых жили небольшие гарнизоны, оповещавшие о приближении неприятеля; и с большой площадью (30-40 тыс. кв.м) и довольно мощным культурным слоем (0,6-0,7 м), с остатками жилищ и хозяйственных построек – постоянно обитаемые крепости.

Вокруг городищ размещались селища площадью 4-10 тыс. кв.м. Мощност культурных слоев – 0,3-0,4 м. На поселениях изучены наземные бревенчатые жилища площадью 40-55 кв.м (рис.70). Отапливались такие жилища простым очагом – кострищем, основание которого было обмазано глиной и, видимо, для сохранения тепла присыпано речной галькой. Вдоль стен располагались нары-лежанки. На городище Чеганда I жилища стояли на расстоянии 10-15 м и образовывали улицы шириной 15-20 м. Между жилищами устраивались ямы-кладовки и летние очаги для приготовления пищи. Кроме жилых сооружений на поселениях изучены и более значительные по площади, как считает Е.М.Черных, общественные постройки: на Сосновском городище дом площадью 121,5 кв.м, а на Постольском – 118,4 кв.м.

На 40 могильниках исследовано более 5000 захоронений. Из них наиболее крупные Тарасовский в Сарапульском районе Удмуртии (1880 могил с 2096 костяками), Ныргында I

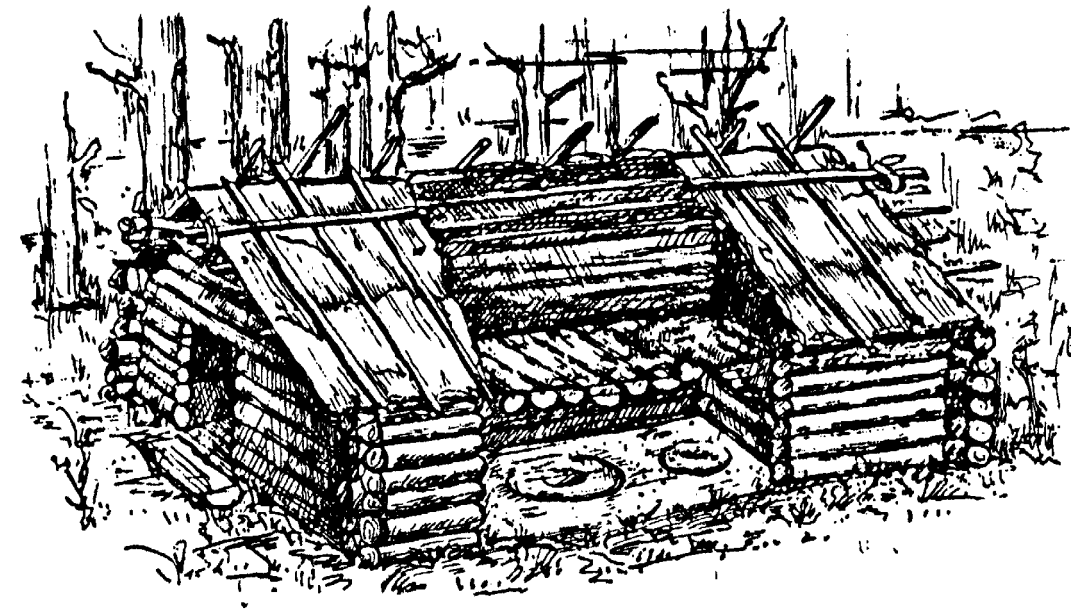

Рис. 70. Реконструкция чегандинского жилища (по Е.М.Черных)

(№130, 268 могил), II (№131, 308 могил), Чеганда II (№134, 224 могилы) в Каракулинском районе Удмуртии и другие. Могильники на поверхности внешних признаков не имеют. В некоторых случаях на периферии памятника зафиксированы ямы с обломками керамики, костями животных, кострища, следы от столбов – остатки поминальных тризн.

Захоронения на площади памятника располагались в определенном порядке, образуя ряды, группы, разделенные свободным пространством или имеющие разную ориентировку. На Тарасовском могильнике самые ранние погребения (I-II вв. н.э.) находились на наиболее высокой точке мыса, которая больше всего пострадала при бурении нефтяной скважины. Потом могильник «рос» в стороны и вниз, к р.Каме. Пока это крупнейший раскопанный финно-угорский могильник для всей истории первобытности. К примеру, Старший Ахмыловский могильник раннего железного века, расположенный в Республике Мари Эл и исследованный А.Х.Халиковым и В.С.Патрушевым, считавшийся самым крупным, содержал 946 погребений, Танкеевский могильник IX-X вв. в Татарии – 881 захоронение.

В южной части Тарасовского могильника выделяется довольно много рядов могил с различной ориентировкой. Вероятно, могильник использовался двумя разными группами населения, каждая из которых имела свою ориентировку. В одном ряду хоронили близких родственников – членов малой 3-поколенной семьи, а группы рядов принадлежали, вероятно, членам патриархальной семьи. Стремление похоронить близких родственников рядом, привело к тому, что могилы в некоторых рядах, особенно в более поздней северной части памятника, почти смыкались.

Могилы имели прямоугольную форму, иногда «в ногах» они были несколько уже. Размеры могил обычные – 180-230х50-80 см. Глубина их незначительна – 50-60 см. Хоронили умерших, как правило, в ящиках из досок, сверху тоже закрытых досками; известны захоронения и в деревянных долбленых колодах. Отмечено несколько случаев, когда верхнее перекрытие было обуглено. Видимо, над ним был разожжен поминальный очищающий костер. На могильнике Чеганда II, например, выявлены два погребения с обожженными костяками, когда костер развели прямо в могиле. Большинство захоронений совершено по обряду трупоположения вытянуто на спине.

Основная масса погребений – индивидуальные, но встречались и коллективные (в одной яме до 8 умерших мужчин, женщин и детей). В одном месте Тарасовского могильника наблюдалась концентрация таких коллективных погребений, что связано, видимо, с какой-то свирепствовавшей здесь болезнью. В двух случаях на Тарасовском могильнике отмечен странный обряд: у умерших была отрезана кисть левой руки и уложена справа от головы. Возможно, эти люди были замечены в воровстве и в назидание другим подвергнуты экзекуции. Из 947 индивидуумов, пол которых определен, 343 – мужчины (36,2%), 537 – женщины (56,7%), 67 – дети в возрасте до 12 лет (7,1%).

Два обычая: укладывание пояса вдоль тела умершего и сопровождение захороненного набором украшений в берестяных коробочках, туесках или глиняных сосудах – были широко распространены в III-V вв. н.э. Первые сведения о поясе, положенном вдоль тела погребенного, относятся к ананьинскому времени. Так же укладывали пояс в могилах IV-II вв. до н.э. карабызской культуры на р.Белой. Аналогичные находки были сделаны в одной пятой части всех могил III-V вв. чегандинской культуры. Пояса этого времени представляют собой уникальное явление. Они украшены накладками оригинальных форм и составными наконечниками.

Другой интересный обряд связан с помещением в могилу дополнительного набора украшений: браслетов, височных подвесок, гривен, ожерелий из бус и пронизок, а также мелких орудий – шильев, ножей. Это – подарки умершему родственнику для загробной жизни. По наблюдениям А.Х.Пшеничнюка (1973, с.178), этот обычай возник у карабызского

населения в III-II вв. до н.э., а окончательно оформился к рубежу эр. Почти 20% всех могил III-V вв. содержат подарочные наборы. Известны находки двух и трех наборов в одной могиле с количеством вещей более 20. Подобные наборы более всего характерны для женских могил, в мужских они редки, они известны и в других финно-угорских культурах Поволжья и Приуралья: худяковской, ванвиздинской, городецкой, ломоватовской.

В чегандинских памятниках поражает обилие и разнообразие как поясных, так и обувных застежек, известных в науке как «застежки с неподвижным крючком» (рис.52-3,4,8,11,12; 60-3; 71-13,14). Особый интерес представляют оригинальные застежки – фибулы. В III-V вв. были распространены так называемые «бабочковидные» фибулы – один из местных вариантов замечательных застежек (рис.42-7). Среди своеобразных изделий – деревянные или берестяные ножны с бронзовыми наконечниками (рис.71-10).

В мужских могилах найдены железные ножи, костяные, бронзовые и железные наконечники стрел (рис.71-6), колчаные крючки, мечи или детали их оформления, части конской упряжи, удила, каменные точила. Количество людей, погребенных с предметами вооружения и сбруей невелико (13,1%). Большинство сопровождалось одним видом вооружения – копьем и стрелами. При этом отсутствовали специализированные военные образцы (боевые топоры, бронебойные стрелы и т.д.). Как правило, нет и защитных средств. Основная часть оружия сконцентрирована в возрастной группе мужчин 17-29 лет. Интересно, что некоторые виды вооружения встречались не только в мужских, но и в женских захоронениях. Общий облик носителей оружия восстанавливается скорее как коллектив охотников, а не воинов. При этом охотой занимались не только мужчины, но и молодые женщины.

Число вещей в женских могилах нередко превышает 300 экземпляров. Характерный предмет женского костюма удмуртского Прикамья – эполетообразная застежка (рис.48-5; 52-15; 61-1,2; 64; 71-16). Названная так по особенностям формы, застежка служила для крепления поясного ремня. Эполетообразные застежки – визитные карточки древнеудмуртского населения пьяноборского времени. Именно здесь древние мастера придумали такую форму застежки и делали ее в разных вариантах более тысячи лет (от III в. до н.э. до VII в. н.э.). Она состоит из круглого диска, прикрепленного к кожаному поясу и соединенного бронзовыми жгутами с треугольной пластиной, на обратной стороне которой находился бронзовый крючок. На него и надевали петлю, закрепленную на другом конце ремня. Ранние экземпляры эполетообразных застежек имеют длину 4,5 см, наиболее поздние – 35 см. К настоящему времени известно более 190 экземпляров таких застежек, происходящих из 49 памятников (Лаптева Т.А., 1994). Типология и картографирование этих предметов показали, что они возникли в чегандинской культуре в III-II вв. до н.э., получив дальнейшее развитие в первой половине I тыс. н.э. на правобережье Камы и на Вятке, а в середине и второй половине I тыс. н.э. продолжали бытовать на Вятке и в Среднем Поволжье.

Судя по материалам могильников, на голове чегандинские дамы носили платок, стянутый сверху повязкой из ткани, украшенной бронзовыми бляшками, бусами, или тонкими медными пластинами (рис.51-2-4). Концы кос были заправлены в металлические наконечники (рис.71-17). В женских захоронениях встречались височные подвески в виде колец со стержнем, на который иногда была надета бусина (рис.42-3; 71-8; 72-14), конических трубиц (рис.52-7; 71-9) или овальных пластин. Височные подвески – предшественницы современных сережек. Но поскольку они были очень массивны, то подвешивались к головному убору или одевались с помощью ремешков на ушную раковину. Женщины любили носить их даже не по одной, а по 2-6 с каждой стороны. Шею подчеркивали гривны (рис.42-2; 55-5), ожерелья из бус и медных подвесок (рис.42-4). Руки украшали перстнями (рис.48-2) и браслетами (рис.48-3; 52-14), как бронзовыми, так и железными. Область груди на нижней одежде акцентирована нагрудниками различных вариантов (рис.49-2; 51-2; 55-2), на верхней – различны-

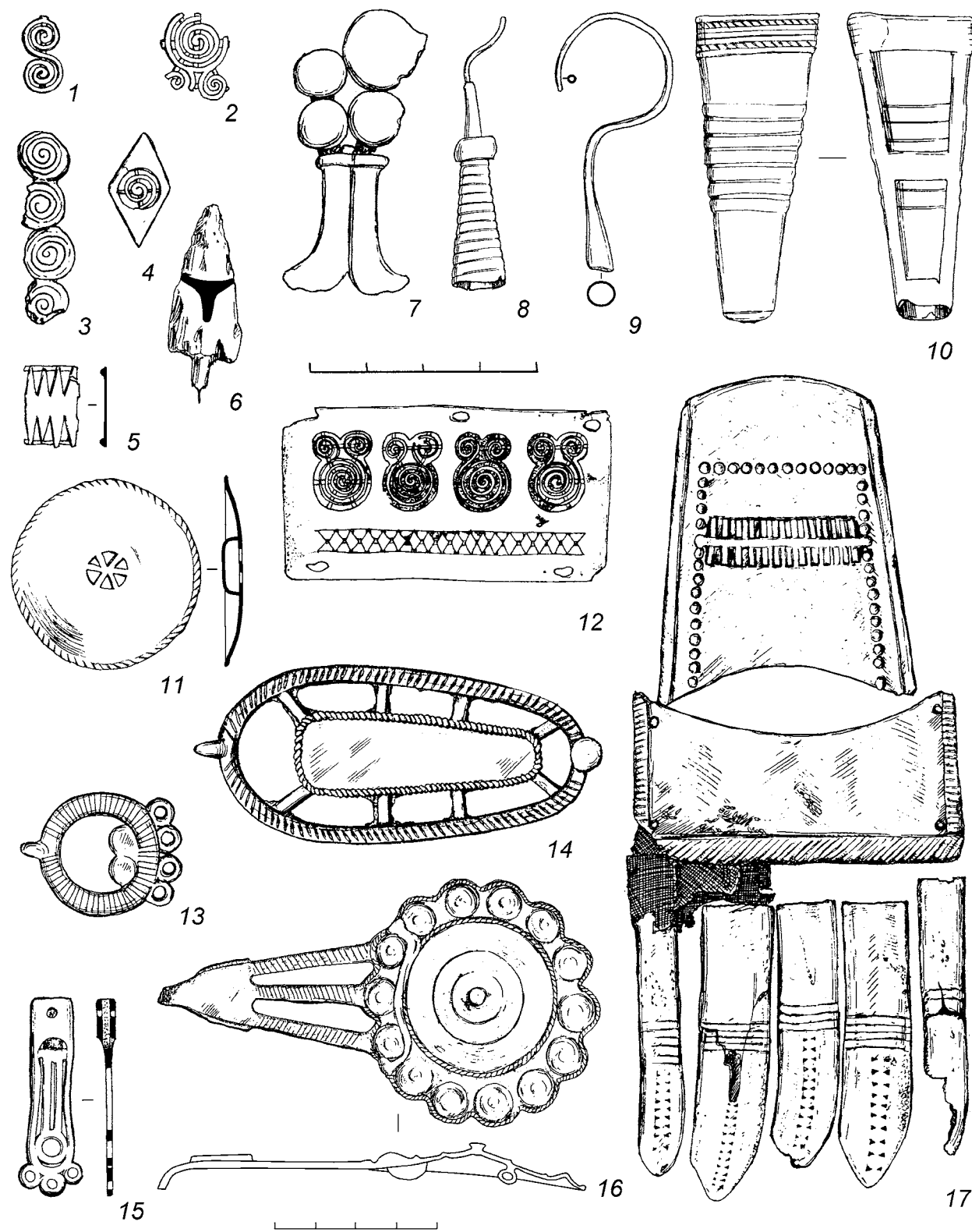

Рис. 71. Вещи I в. до н.э. – II в. н.э. Нырғындынского I могильника. 1-5, 12 – наклейки; 6 – наконечник стрелы; 7 – пронизки; 8, 9 – височные подвески; 10 – наконечник ножен; 11 – бляшка; 13, 14, 16 – застежки; 15 – наконечник ремня; 17 – наконечник. 1-5, 7, 9-16 – бронза; 6 – железо; 8 – бронза, стекло; 17 – бронза, ткань

ми бляхами (рис.71-11,12) и подвесками (рис.42-1; 52-1). Медными накладками и бляшками (рис.71-1-5,7; 72-8) расширяли нагрудники, края подола, низ и продольную среднюю линию рукавов. Верхняя одежда подпоясывалась ремнем с наконечниками (рис.71-15), различными вариантами пряжек (рис.72-9,10,13) и накладок (рис.72-1-7), а на груди скреплялась застежками-фибулами (рис.72-11,12) и сюльгами (рис.72-16,17). Иногда пояс украшали раковинами (рис.72-15). Кожаные сапожки, расшитые пронизками, бусами, бляшками, накладками, стягивались на щиколотке ремешками с бронзовыми застежками.

Антропологические материалы чегандинской культуры известны относительно плохо, и это дало возможность М.С.Акимовой сформулировать тезис о преемственности антропологических типов Прикамья от ананьинской общности, через пьяноборскую (чегандинскую) к современным финноязычным и отчасти тюркоязычным народам Поволжья и Приуралья (Акимова М.С., 1961; 1968). Формирование прикамского морфологического пласта с преобладанием европеоидных черт в основном завершилось в пьяноборскую эпоху – к концу I тысячелетия до н.э. Чегандинцы – европеоиды с некоторой примесью монголоидности, близки по антропологическому облику современным удмуртам.

Глиняная посуда чегандинской культуры хорошо известна как по материалам могильников (рис.42-6), так и поселений. Наиболее представительные серии происходят с городища Чеганда I, Нырғында II, Зуевключевского I, а также Барановского I, Быргындинских IV (рис.6-14-21), V (рис.7-1,2,5,7,8) селищ. Посуда из восьми могильников чегандинской культуры исследована О.А.Казанцевой (1996) с помощью технико-технологического анализа, который позволил дать ее многостороннюю характеристику, невозможную при визуальном изучении. Выяснилось, что для изготовления посуды использовалась местная природная ожелезненная глина высокой пластичности. В глину добавляли измельченные обломки раковин пресноводных моллюсков, шамот (толченую керамику), сухую глину, кальцинированные кости. Чаще всего использовался в качестве примеси птичий помет. Кстати, это пока единственное свидетельство, что население разводило в Прикамье домашних птиц, ведь кости птиц, поскольку они очень мелки, плохо сохраняются. Разводили, скорее всего, кур.

Поверхность сосудов подвергалась механической обработке: заглаживанию, лощению, выбиванию, обвариванию для придания сосудам особой прочности. По форме сосуды круглодонные с разной степенью профилированности верхней части или без нее. О.А.Казанцева по форме поделила посуду на три группы: средние (горшки), низкие (миски) и промежуточные (подражания горшкам или мискам) (1996, с.15). Четких стандартов форм посуды не было.

Орнаментирована посуда довольно скудно. Процент орнаментации колеблется от 38,5% на могильниках (Казанцева О.А., 1996, с.13) до 47,2%-60% – на поселениях (Клюева Г.Н., 1984, с.26; Иванов В.А., Останина Т.И., 1983, с.120). В основном украшена шейка сосудов одним горизонтальным рядом редких круглых или ромбических ямок, реже оттисками шнура или гладкого штампа, а также ногтевыми вдавлениями. В целом орнамент керамики чегандинской культуры отражает фазу ремиссии после нарядной ананьинской передовой – фазой расцвета орнаментальных композиций, которая наступила после VI в. н.э.

Гончарное дело чегандинского времени находилось на стадии доремесленного производства, о чем свидетельствуют отсутствие гончарного круга, однородность и бедность форм, неразвитость технологических приемов, отсутствие специальных устройств для обжига керамики. Все эти признаки были присущи почти всем прикамским культурам до XIV-XV вв. н.э.

В одном из глиняных сосудов на городище Чеганда I Т.И.Останиной обнаружены остатки лекарственных трав, среди которых д.б.н. В.В.Туганаевым и к.б.н. А.В.Туганаевым определены семена горошка волосистого, льнянки обыкновенной, лютика едкого, воробейника полевого, мари многосемянной, щавеля малого, болиголова крапчатого, свербиги

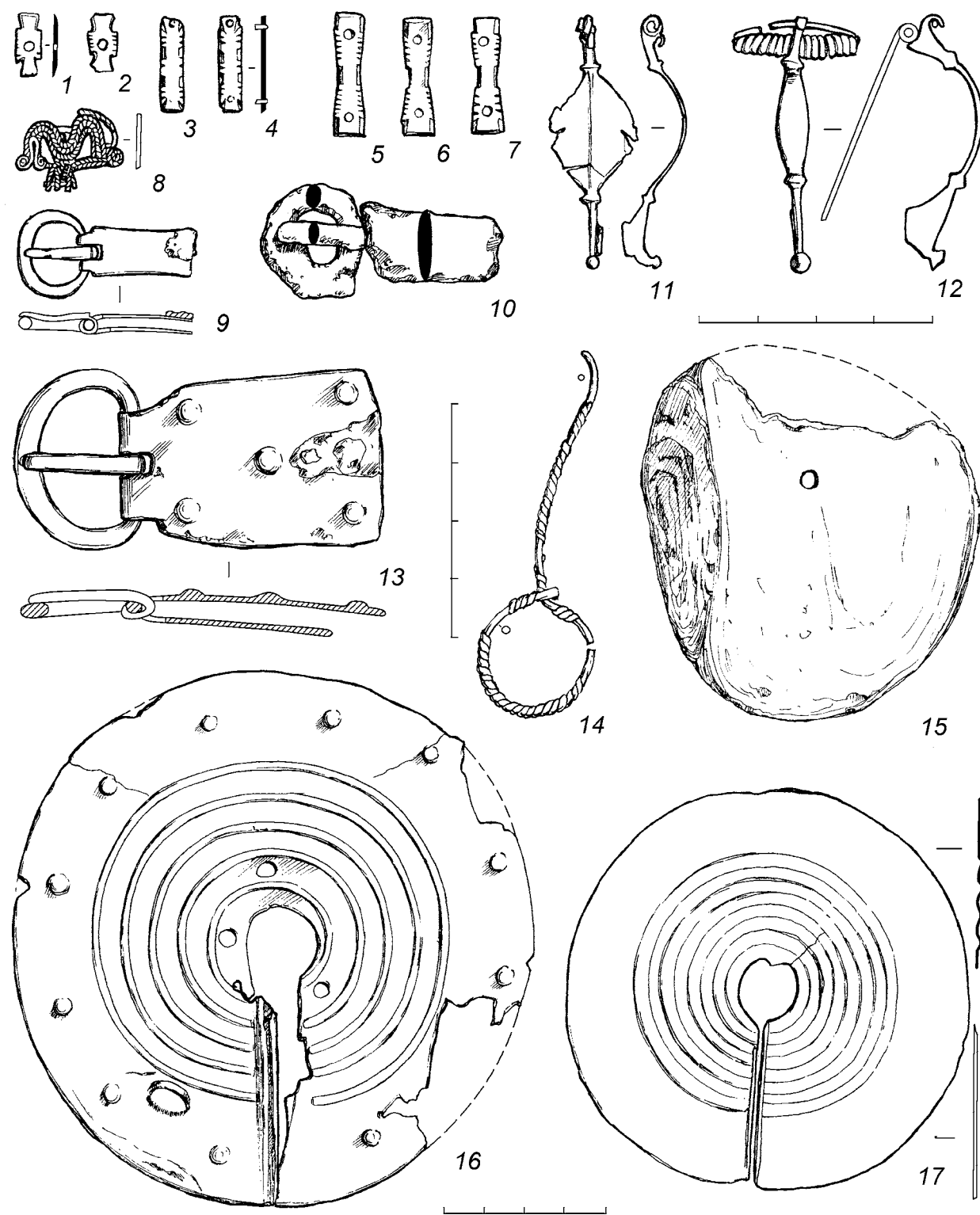

Рис. 72. Вещи III в. н.э. Ныргындинского I могильника. 1-7 – поясные накладки; 8 – фрагмент подвески; 9, 10, 13 – пряжки; 11, 12 – фибулы; 14 – височная подвеска; 15 – поясная накладка; 16, 17 – застежки-сюльгамы. 1-9, 11-14, 16, 17 – бронза; 10 – железо; 15 – раковина

восточной (История Удмуртии..., 2007, с.172). Это лекарственный (знахарский) и, возможно, шаманский сбор.

Заключительный этап развития чегандинской культуры – мазунинский – датируется, как показали исследования В.Ф.Генинга и Т.И.Останиной, III -V вв. н.э. Основываясь на многочисленных новых материалах, следует признать генетическую связь чегандинского и мазунинского населения. Многие чегандинские памятники использовались в III в. и позже.

Существование памятников длительного бытования (Тарасовский – I-V вв., Бирский – III-VII вв., Ижевский – III-V вв., Ныргында I – I-III вв. н.э.) убеждает в спокойном, плавном развитии материальной культуры местного населения до V в. н.э., и нет никаких оснований отделять мазунинские комплексы от чегандинских. Своеобразие их определяется хронологическими изменениями, воздействием соседей, но не сменой общественно-экономического уклада или населения. Тщательный анализ и сопоставление погребальных обрядов ананьинской, чегандинской культур и мазунинского типа, выполненный О.В.Арма тынской, показал, что ананьинские и чегандинские могильники имеют коэффициент сходства 87,6%, а чегандинские и мазунинские – 91,8% (1991, рис.3). Поэтому, признавая оригинальность материалов III-V вв., считаем возможным рассматривать их как позднюю стадию чегандинской культуры. Существование же в это время могильников короткого периода бытования (Нивский, Мазунинский – III-IV вв., Чепанихинский – III в., Покровский, Усть-Сарапульский, Тураевский I – IV-V вв.) объясняется возросшей плотностью населения и освоением новых территорий. Такие памятники известны не только в удмуртском Прикамье, но и в Башкирии (Ангасяжский, Югомашевский, Старо-Кабановский и другие могильники). Таким образом, чегандинская культура Прикамья датируется III-II вв. до н.э. – V в. н.э. и проходит в своем развитии три этапа: ранний – III-I вв. до н.э., средний – I-II вв. н.э. и поздний – III-V вв. н.э.

В начале пьяноборской эпохи произошли серьезные изменения в социально-экономическом развитии. На рубеже V-IV вв. до н.э., в конце ананьинского времени, железо заняло прочное положение в качестве единственного сырья для производства основных орудий труда и оружия, а из бронзы стали делать преимущественно украшения. В пьяноборское время производство железных, как и бронзовых, изделий обособилось в самостоятельное ремесло.

Формирование и отделение ремесла – процесс длительный, и далеко не все отрасли были охвачены им одновременно. Такие занятия, как изготовление тканей и глиняной посуды, выделка шкур и деревянных изделий, еще долго оставались в рамках домашних производств, когда в каждой семье производили тот или иной продукт по мере необходимости. Но металлообрабатывающее производство развивалось в этот период особенно быстрыми темпами и стало высокоспециализированным ремеслом, обеспечивающим широкий спрос населения.

На городище Чеганда I обнаружено несколько ям, которые В.Ф.Генингом расценивались как специальные приспособления для варки железа (1970, с.99-100). В таких ямах могли одновременно сварить 1-2 кг железа. Объемы разового получения железа быстро нарастали: уже в IV-V вв. приуральские мастера в домницах получали до 5 кг железа (Генинг В.Ф., 1980, с.131).

Обособление ремесленников от остальных общинников проявилось не только в материалах поселений, но и могильников. В могиле 88 Худяковского могильника на Средней Вятке наряду с ложкой для разлива металла найдено скопление различных вещей: железные ральник, удила, скобель, топор, а также бронзовые пряжки, браслет, фибулы, пояс с накладной застежкой, халцедоновый диск, височные подвески и другие предметы.

Ремесленный характер металлообрабатывающего производства виден и по резко возросшему числу железных изделий. Если в могильниках ананьинского времени предметы из железа редки и представлены застежками, ножами, редко – мечами, то в погребениях пьяноборской общности много разнообразных изделий из этого металла. Было налажено массовое

производство из железа не только предметов вооружения, но и орудий труда. В одной из ям II-III вв. н.э., раскопанных на Буйском городище на р.Вятке, найдено 186 железных мотыг, 9 железных наконечников копий и 6 бронзовых гривен. Очевидно, далеко не случаен факт массового производства железных мотыг. Это стало возможным только в условиях возросшей потребности в этих орудиях для обработки почвы при подсечно-огневой форме земледелия.

По наблюдениям этнографов, подсека, как наиболее древняя форма земледелия у народов Урала, встречалась еще в конце XIX в. По сообщениям И.И.Лепехина, например, у коми-зырян озими располагались «среди огромных лесов, в которых они пространные вырубают места и, сожегши лес, на пепле сеют свой хлеб. Сих мест они не пашут, но, выжегши лес, прямо сеют и, заборонив, совершают посев» (1822, с.210). При подсеке в первый год вырубали и просушивали лес, на второй год его сжигали и сеяли рожь, а на третий год снимали урожай. Корчевка пней и вспашка на участке не производились, семена высевались прямо в золу, которая являлась хорошим удобрением (Белицер В.Н., 1958, с.37). Подсеки давали обильные урожаи. Такие участки использовались под зерновые на протяжении нескольких лет, затем служили для других хозяйственных нужд (сенокос, выгон). Основным орудием для вырубки леса служил железный топор, который повсеместно распространился во II-V вв. Из орудий для обработки зерна на поселениях встречались песты-терочники из крупных речных галек и каменные жернова. На Осинском городище в жилищах были собраны зерна полбы (3585 экз.), ячменя (1340), мягкой пшеницы (7) и овса (3 экз.) (Генинг В.Ф., 1959а, с.176). Развитие земледельческого хозяйства косвенно отразилось в идеологии населения Урала: появились разнообразные большие и малые круглые бляхи в металлической пластике, символизирующие, очевидно, солнечный диск.

Широкое распространение подсечно-огневой системы земледелия сыграло важнейшую роль в изменении географии расселения оседлого прикамского населения – начали осваиваться лесные пространства вдоль малых рек, практически была заселена вся территория Прикамья, пригодная для ведения хозяйства. Видимо, с этого времени получает распространение дисперсное расселение жителей Камско-Вятского междуречья. Оно сохранилось и в более позднее время. Как отмечал А.А.Спицын «жили вотяки прежде не деревнями, а одворицами: где кто расчистил кулигу, тот там и жил» (1893, с.97).

В условиях лесной и лесостепной зон земледелие не могло полностью обеспечить население продуктами питания, поэтому хозяйство оставалось комплексным, при котором наряду с земледелием развивалось и пастушеское скотоводство, в основном мясо-молочного направления, охота, рыболовство и собирательство. Соотношение лошадей и крупного рогатого скота в стаде было приблизительно одинаковым. Кроме того, разводили свиней, мелкий рогатый скот, птицу. С интенсивным развитием земледелия и необходимостью сохранить урожай зерна до весны связано появление у населения Приуралья именно в это время домашней кошки. Интересно, что присутствие кошки впервые отмечено на именьковских памятниках.

Дальнейшее совершенствование производящего хозяйства и, в особенности, развитие ремесла привели к увеличению избыточного продукта, превращению его в прибавочный, то есть такой, который мог производиться одним человеком, а присваивался другим. Регулярность получения прибавочного продукта создала реальные возможности для общественного разделения труда, эксплуатации и других явлений, приведших в результате к возникновению классового общества. Именно появление прибавочного продукта создало прочную основу для торговли. Прибавочный продукт не просто расширил сферу обмена, но и сделал его необходимым, потому что в условиях неразвитой внутриобщинной специализации большая часть излишков могла реализовываться только через торговлю для получения престижно значимых ценностей. С явлениями, свидетельствующими о дальнейшем развитии межобщинных отношений и регулярном обмене на пути к торговле, связаны обычаи госте-

приимства, а также побратимства, хорошо известные по этнографическим материалам. О развивающейся торговле свидетельствуют многочисленные украшения, серебряная утварь, привезенные из стран Средиземноморья и Востока.

Примером массового импорта являются бусы. Они появляются в Прикамье в начале I тыс. до н.э. Именно бусы, а не какие-то другие яркие привозные изделия демонстрируют постоянство и систематичность связей Прикамья с Причерноморьем. На Ананьинском могильнике, по данным А.В.Збруевой, в могиле Н найдены 486 бусин из зеленоватой египетской пасты; в могиле М – 1 крупная и 560 мелких бусин такого же качества, в могиле Д – 711 мелких зеленоватых бус из аналогичного материала (Збруева А.В., 1952, с.36, 38, 175).

Число бус на памятниках рубежа эр в Прикамье также весьма значительно. По данным В.Ф.Генинга, более 18% погребений могильника Чеганда II содержали бусы. Число их в одной могиле достигало 180 и более экземпляров. В нескольких ожерельях были обнаружены изделия из голубого египетского фаянса в виде фигурок львов, жука-скарабея, миниатюрных башенок (Генинг В.Ф., 1970, с.54-55). Скорее всего, бусы рубежа эр поступали в Прикамье из Причерноморья через сармат.

На Тарасовском могильнике I-V вв. н.э. на Средней Каме в 577 захоронениях обнаружено 18512 экземпляров бус. Из них явно привозные: стеклянные (18379 экз.), хрустальные (55 экз.), халцедоновые (17), янтарные (35), из раковины (10 экз.). Основную массу стеклянных составляет бисер (более 90%) бирюзового (30,8%), желтого (19,7%), желто-зеленого (9,5%), различных вариантов синего (8,1%) цветов, а также с металлической прокладкой (6,8%). Большинство стеклянных бус (84,3%) сделано способом членения трубочки, лишь 14,1% выполнено из палочки.

Подобное соотношение зафиксировано Т.И.Останиной на нескольких некрополях III-V вв. Среднего Прикамья, где собрано 21336 бусин. В основном это одноцветный бисер – 20683 экз. (85,5%), 54 полихромных и 40 хрустальных бус. Как и в Тарасово, основной техникой изготовления бисера было членение стеклянной трубочки, разрезаны из палочки лишь 6,9%. Цветовая гамма также близка бусам Тарасово – синие – 33,3%, желтые – 32,2%, с металлической прокладкой – 7,0% (Останина Т.И., 1997, с.55-57, табл.19). Интересно, что большинство наборов бус Тарасово относятся к образцовым и основным комбинациям, что свидетельствует об их одномоментном попадании в Прикамье при минимальном количестве посредников (Кузьминых Н.В., 2001, с.74-75). Анализ бус Приуралья пьяноборского времени показал, что они были привезены с Кавказа, из Северного Причерноморья, Сирии, Египта и других стран.

Пути проникновения импорта на Урал различны. Одним из главных каналов импорта из Причерноморья был доно-волжский. Этим путем поступали в Прикамье бусы, множество вариантов римских провинциальных фибул, римские ковши и кастрюли. Один из таких предметов – медная «литая римская кастрюля с ручкой» была найдена возле д.Чеганда (№167), второй ковш куплен А.А.Спицыным в 1898 г. у крестьян д.Нырғында (№163). Он украшен концентрическим орнаментом по тулову, а также головками птиц на конце рукояти и растительным орнаментом у ее основания (рис.62). Ковш был произведен в римской провинции Галлия, в области Лугдун (Лион) в I-III вв. н.э. и относится к хорошо известному в науке гэдкерскому типу римских ковшей. Нырғындынский ковш получил широкую известность в западноевропейской научной литературе (Шелов Д.Б., 1972, с.210).

Предметы государств Средней и Передней Азии поступали на Урал, скорее всего, по сухопутному пути через степи Северного Казахстана, по рр.Урал, Белая и Кама. Одним из ярких свидетельств существования сухопутного пути из Средней Азии, через северное Приуралье на р.Белую и оттуда – на Каму, являются находки оригинальных створок раковин моллюсков *Turbo margaratus* семейства *Turbinidae*, обитавших в тропических зонах Тихого

и Индийского океанов. Эти раковины в III-IV вв. в изобилии обнаружены на Средней Каме. Они имели значительные размеры от 3,5 до 11 см и использовались для украшения поясов, рукоятей мечей, а также для изготовления подвесок и бус. Поясных блях из раковин сейчас известно около 130 и происходят они из 9 могильников мазунинского типа (Ижевск, Покровка, Чепаниха, Афонино, Мазунино, Ныргында I, Тарасово, Заборье, Боярка), сосредоточенных в удмуртском Прикамье. Подвесок из таких раковин насчитывается более 100. Только в Бирском могильнике собрано 267 бусин из подобных раковин (Останина Т.И., 1997, табл.18, 19). По наблюдению Т.И.Останиной, поясные бляхи из раковин в III-IV вв. были распространены преимущественно на правом берегу р.Камы, на территории Удмуртии, а в V в. раковины этого типа оседали в основном в пределах современной Республики Башкортостан, на правом берегу р.Белой, где местное население изготавливало из них подвески и бусы. Целые же экземпляры, найденные в двух погребениях Бирского могильника, по ее мнению, представляли собой заготовки для подвесок (Останина Т.И., 1997, с.62-63). Поскольку на самом южном памятнике мазунинского типа на р.Каме – Тураевском I могильнике, ни поясные бляхи, ни подвески из раковин не обнаружены, вряд ли эти раковины поступали на Среднюю Каму волжским путем. находка такой раковины в кургане 43 могильника Покровка 10 (Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008, рис.162-5) на левобережье среднего течения р.Урал определенно указывает на сухопутный среднеазиатский путь. Косвенным подтверждением того, что раковины *Turbo margaratus* шли в Прикамье через Среднюю Азию, являются их находки в могилах второй половины I тыс. до н.э. на Памире, где они выполняли роль наглазников для покойных и поступали сюда, как считал Б.А.Литвинский, из Индии (1972, табл.47).

В последнее время выявилась еще одна группа изделий, свидетельствующих о контактах Прикамья со странами Азии. В захоронении мужчины 18-20 лет Тарасовского могильника (№782) обнаружены меч, изготовленный из тигельного железа*, халцедоновые бусина и навершие-диск, железный нож в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет, пояс с накладками, пряжкой и наконечником; уздечка с накладками и железными удилами, шлем с каркасом из железа и бронзовыми накладками, а также железная круглая крица, весом 5,2 кг (Голдина Р.Д., 2003, табл.339-342). Две подобные крицы обнаружены в ограбленном погребении 1679 этого же памятника. В нем найдено также бронзовая фигурка бобра с гребнем на спине, слиток латуни и несколько накладок. Обе железные крицы имели округлую форму, диаметр 12-18 см, толщину до 5 см и вес 5 и 5,1 кг. Стандартная форма и близкие размеры позволяют предположить, что все три крицы изготовлены в одной кузнице.

Металлографическое исследование, проведенное С.Е.Первошниковым, показало, что микроструктура всех криц представлена видманштеттовой, ферритной и феррито-перлитной структурами, переходящими одна в другую. Содержание углерода 0,21-0,78%. Крицы хорошо прокованы, в них практически отсутствуют незаваренные пустоты, поры в металле мелкие. По мнению С.Е.Первошниковой, эти изделия – полуфабрикат для обмена (Первошников С.Е., Нагиев З.Ш., 2005, с.140). Показателем высокого качества металла тарасовских криц является и то обстоятельство, что при подобных размерах новгородские крицы весили почти в 2 раза меньше тарасовских – до 3 кг (Колчин Б.А., 1959, с.12-13).

Еще один сюжет связан с металлообработкой и получением для нее сырья из южных областей. В погребении 1679 Тарасовского могильника обнаружен слиток цветного металла, весом 980 г. с содержанием меди 64,12%, цинка 35,71%, так называемая «золотоподобная латунь». Уникальное скопление из 67 слитков латуни обнаружено на Щербетьском поселении IV-VII вв. именковской культуры в Республике Татарстан, возле остатков двух металлур-

* Определение ст. научного сотрудника Института истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, к.и.н. С.Е.Первошниковой

гических мастерских. Спектральный анализ показал, что к основному компоненту – меди, был добавлен цинк (до 30%) (Сидоров В.Н., Старостин П.Н., 1970, с.233-237). Подобных слитков в Приуралье известны десятки, но, к сожалению, многие из них ни спектрально, ни химически не проанализированы. Одним из древнейших центров производства латуни была Индия (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2007, с.27). По мнению А.Н.Егорькова и О.А.Щегловой, производство латуни в Персии в VI-VII вв. переживало период расцвета (Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001, с.289). Прикамские находки указывают на непосредственные контакты населения Прикамья с народами, обслуживающими среднеазиатский отрезок Великого шелкового пути. Большое количество привозных предметов свидетельствует о налаженной, хорошо организованной торговле, что возможно только в развитом обществе, располагающем специализированным хозяйством и прибавочным продуктом, достаточным для обмена.

Материалы поселений Урала I тыс. н.э. убедительно свидетельствуют о развитии специализированной охоты на пушного зверя: соболя, куницу, белку, бобра. Кости пушных зверьков преобладают среди костей диких животных как на памятниках раннего железного века, так и I тыс. н.э. Среди наконечников стрел этого времени встречаются экземпляры с тупым концом, специально приспособленные для пушной охоты. Использование пушнины в качестве основного эквивалента при торговых операциях, подтверждается лингвистическими материалами: употребление термина *ур* у народов коми в старом денежном счете обозначало белку, *коньы* – белка (удм.) – копейку, *коньдон* – стоимость белки – деньги.

Патриархальные семьи постепенно обособлялись от рода, самостоятельно вели свое хозяйство, хотя и жили в одном поселке с другими семьями, составляя первобытную соседскую общину, которая стала основной социально-экономической ячейкой общества. У нее была общая территория, общинное землевладение, общинные органы управления, общая идеология. Но отдельные патриархальные семьи, являясь сами по себе коллективными собственниками, выступали по отношению к другим семьям уже как частные собственники. Для больших семей эпохи разложения первобытного общества характерны следующие черты: совместный труд и потребление; совместное владение средствами производства и другим имуществом; сохранение внутри семьи начал первобытного коллективизма; включение в состав семейного коллектива неполноправных членов (рабов) (Ковалевский М., 1939, с.64).

Большая патриархальная семья состояла, как правило, из нескольких поколений ближайших родственников по отцовской линии. Численность такой семьи в Прикамье в пьаноборское время достигала 20-30 человек (Генинг В.Ф., 1970, с.117; Агеев Б.Б., 1992, с.95; Журавлева Г.Н., 1995, с.20-21), которые обитали в домах площадью 50-80 кв.м.

Половина членов семьи – дети и подростки. В ее составе 2-4 брачные семьи с 3-6-ю детьми, 2-3 пожилых родственника. До старческого возраста доживало незначительное число людей. Высокая рождаемость сопровождалась высокой детской смертностью. Дети умирали в возрасте до 3-х лет, средняя продолжительность жизни женщин была 20-25 лет, мужчин – 20-40 лет (Журавлева Г.Н., 2002, с.153). Женщины умирали раньше мужчин вследствие их раннего вступления в брак, тяжелого физического труда и чудовищной антисанитарии при родах.

Поскольку памятников чегандинского типа довольно много, было сделано несколько попыток высчитать численность населения этой культуры. В.Ф.Генинг считал, что количество людей в чегандинском союзе одновременно составляло 5000 (Генинг В.Ф., 1970, с.127), Б.Б.Агеев – 8000-24000 (1992, с.82-100).

Могильники этого времени нередко содержат захоронения членов одной общины и сравнительно невелики. В частности, на Мазунинском могильнике на Средней Каме изучено 70 могил. Вместе с тем иногда использовались и большие некрополи (200 и более могил – Чеганда II, Тарасово и др.) с обособленными отдельными группами или рядами за-

хоронений, которые также можно рассматривать как места погребений отдельных патриархальных семей. Наряду с большими семьями существовали, вероятно, и их объединения – патронимии, группы родственных семей, поддерживавших хозяйственные, родственные и духовные связи (Косвен М.О., 1963, с.97). По данным Т.И.Останиной, на Ижевском могильнике хоронили своих родственников не менее семи патронимий (1991, с.43-47).

Развитие производящих отраслей хозяйства создавало условия для уменьшения численности основного производственного коллектива, а это, в свою очередь, способствовало разделению семей и освоению глубинных территорий. В это время были освоены бассейны р.Иж (Карлутские городища и могильник), р.Сивы (Сосновское городище и др.), мелких притоков р.Валы (городище Пек-Жикья) и другие районы.

Население Каракулинского района затронули и процессы, называемые в исторической науке великим переселением народов. Так обозначен период со II по VII вв. н.э., который характеризуется перемещением различных народов на довольно значительные расстояния, вызванным изменениями климатических и физико-географических условий обитания, а также уровнем общественно-экономического развития варварских обществ Евразии. Ухудшение климата создало неблагоприятные условия для хозяйственной деятельности населения в некоторых регионах лесных и лесостепных областей. Плохие условия для жизни и производства, все большая ограниченность природных ресурсов, рост народонаселения – все это способствовало нарастанию тенденций к перемещению населения как из северных в более южные широты и наоборот, так и с запада на восток и в противоположном направлении. Перемены климата совпали у многих варварских обществ Европы с разложением первобытнообщинных отношений и расцветом военной демократии. Социальное расслоение общества также толкало определенные слои к захвату не только новых земель, но и новых престижных ценностей.

В конце IV – начале V в. чуть западнее границы Каракулинского района, на правом берегу р.Камы отложился известный в Европе памятник – Тураевские курганы. Они были оставлены военной, по-видимому, гото-славянской группировкой, появившейся в Поволжье и Прикамье из степей Северного Причерноморья.

Мигранты принесли более совершенные виды оружия: мечи высокого качества, но, в особенности, многочисленные защитные средства – шлемы, кольчуги, панцири, щиты. Их отличал и более высокий уровень военной организации – это была дружина воинов, возглавляемая предводителями. Особым богатством инвентаря отличаются погребение 1 кургана V и погребение 1 кургана VII. В первом сохранились 5 железных «топоров», шлем с бармицей, кольчуга весом 16 кг, деревянный, выкрашенный красной краской щит, железный топор, стеклянный сосуд, деревянный сосуд, окрашенный в красный цвет с ручками в виде головок собак, меч с серебряным навершием в ножнах. Меч и ножны окрашены красной краской и имели аппликации из серебряных пластин, орнаментированных тиснеными узорами. В могиле собраны также железный кинжал в деревянных ножнах, точильный брусок, наконечник копья, 2 железные косы, удила, медная палочка, нож, серп, деревянный сосуд с бронзовой пластиной-оковкой, 3 серебряных наконечника ремней и 2 серебряные пряжки, 8 бронзовых пряжек, 2 кольца, 2 накладки, 8 медных наконечников ремней, подвеска-лунница, 6 железных пряжек, янтарные и стеклянные бусы и другие вещи (Генинг В.Ф., 1976, с.69-72).

Не менее выразительны и остатки, обнаруженные в погребении 1 кургана VII. Это парное погребение мужчин, в котором у одного умершего отсутствовал череп. В могиле найдены железный кинжал, меч, «коса», наконечник копья, удила, пряжки и наконечник ремня, халцедоновая бусина. Другое захоронение располагалось в той же яме, но в отдельном, значительно большем гробу. Вокруг скелета размещались железный шлем с серебряными пластинами, панцирь из железных пластин, железные наконечник копья, топор, уди-

ла, 3 наконечника стрелы, пряжка, кинжал, меч в ножнах, 2 бронзовые палочки-заготовки, бронзовые: 3 пряжки, 8 наконечников ремней, 3 накладки; 3 серебряные пряжки и 2 наконечника ремней, янтарная бусина, деревянный сосуд с медной обкладкой. Замечателен и набор из пряжки и 2-х наконечников ремней с золотыми перегородками и инкрустацией камнями и стеклом (Генинг В.Ф., 1976, с.74-78). Оба описанных захоронения принадлежали людям неординарным, занимающим особое положение в обществе, скорее всего, вождям.

Хронологически время функционирования Тураевских курганов следует непосредственно за разгромом алан гуннами в 370 г., и вполне возможно, что появление на Нижней Каме инородных племен, оставивших курганы, связано именно с этими событиями, когда небольшая пришлая группа пыталась покорить мазунинское население в Нижнем Прикамье.

Рядом с Тураевскими курганами раскопано 266 грунтовых погребений мазунинского типа, без сомнения, оставленных местным населением. В погребальном обряде прослеживаются черты, характерные для местного обряда III-V вв. н.э.: многочисленность сопровождающего инвентаря (почти 90% всех могил), присутствие погребальных даров, положение пояса вдоль умершего. Сравнение погребального обряда бескурганых захоронений Тураево I с другими некрополями мазунинского типа на основе выяснения коэффициента парного сходства показало наиболее сильные связи с Тарасовским (85,7) и Ижевским (85,5) могильниками. Исследованные бескурганые могилы датируются второй половиной IV – V в. и в какой-то части одновременны курганам.

По данным Т.И.Останиной, мазунинская группировка, располагаясь в очень благоприятных физико-географических условиях – устье р.Белой, впадающей в Каму – была довольно многочисленной. Сейчас известно 425 памятников мазунинского типа (Останина Т.И., 1997, с.201-206).

Пришлая группа, оставившая Тураевские курганы, была малочисленной – 15-20 человек, но не менее 15 (именно столько захоронено под курганами) и представляла собой, скорее всего, военный разведочный отряд именьковцев. Становится понятным присутствие в погребении 1 кургана III именьковского сосуда. Большая часть этого отряда погибла при первом столкновении с мазунинцами. Как было сказано, у двух погребенных под курганами были отсечены головы (погр.1 кургана I и погр.1б кургана VII). В первом случае череп располагался в небольшом прикопе глубиной 45 см в юго-западном углу могилы, во втором – он отсутствует. Практически во всех могилах есть следы грабежа, лишь в 7 случаях из 15 грабители не достигли дна могилы. При этом грабительские ямы накладывались почти безошибочно на могилу, что подтверждает древность этих действий.

Таким образом, население, оставившее бескурганную часть Тураевского I могильника, фактически защитило южные форпосты мазунинского объединения и предотвратило дальнейшее продвижение южных мигрантов на основную территорию мазунино.

Оставшаяся в живых часть пришельцев активно контактировала с местным населением. Большинство курганов локализовано несколько изолированно в юго-западной части памятника. Однако один курган (IX) располагался посреди грунтовых могил, которые плотно окружали его, перекрывая канавки и полы кургана. Возможно, оставшиеся пришельцы и местные жили на одном поселении. Тесные контакты аборигенов и переселенцев подтверждаются и находками импортных украшений в могилах местных женщин. Так в захоронении №73, принадлежавшем женщине 18-20 лет, обнаружены 2 трапециевидные подвески, украшенные по краю в характерной манере чеканки с изнаночной стороны (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, табл.72-4,5). Они имеют аналогии в именьковских (Матвеева Г.И., 1981, рис.14,5,6) и заруби-нецких (Кухаренко Ю.В., 1964, табл.17-1-3) материалах. В женской могиле 267 найдена также нехарактерная для Прикамья подвеска-лунница с фигурными концами, оформленными трилистниками и эмалевыми вставками (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, табл.181-1-4). В могиле

106, вероятно, тоже женской, зафиксирована золотая круглая подвеска и две грибовидные янтарные подвески (там же, табл.73-2-4) южного происхождения.

Появление инородной военной дружины оказало влияние и на общественную структуру аборигенов. В погребениях местного населения нет мечей, шлемов, кольчуг, панцирей, «кос». Предметы вооружения найдены лишь у 38 костяков (13,5%). При этом в большинстве местные мужчины были вооружены лишь каким-либо одним видом – копьем (11 случаев, 29%), луком и стрелами (9 погребений, 23,8%), дротиком (5 случаев, 13,2%), топором (1 случай, 2,6%).

Однако с приходом степняков и в результате контактов с ними у финно-пермян активизируется выделение собственной военной верхушки. В бескурганной могиле 171, где был похоронен мужчина 40-50 лет, обнаружены железный меч с навершием в виде халцедонового диска, наконечник копья, нож, 4 железных и 2 костяных наконечника стрел, уздечка, украшенная бронзовыми накладками. Под мечом расчищен лежащий вдоль тела погребенного кожаный пояс с бронзовыми накладками (Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010, табл.120-122). Инвентарь носит явно смешанный характер. Местные черты проявились в значительно меньшей глубине могилы, в присутствии костяных наконечников стрел и кожаного пояса с накладками, а меч с халцедоновым навершием и нарядная уздечка – явление, несвойственное для местного населения и явно связанное с пришлым.

Уникальность Тураевского I могильника заключается в том, что на нем курганная часть, явно принадлежащая воинам-мигрантам, соседствует со значительной бескурганной, без сомнения оставленной местным финно-угорским населением. Это дает возможность оценить процессы интеграции материальной культуры двух разных этносов.

На других финно-угорских некрополях этого времени среди обычных могил с инвентарем местного производства обнаружено несколько захоронений с оружием и престижным защитным снаряжением (шлемы, панцирь, кольчуга, мечи, наконечники копий, «косы», по 5-6 топоров), выделяющим эти погребения среди остальных. Почти все эти захоронения принадлежат молодым мужчинам в возрасте 18-30 лет. Очевидно, этот нехарактерный для аборигенов инвентарь был добыт в качестве трофеев или куплен у мигрантов – тураевцев-именьковцев, и принадлежал местной военной верхушке.

Появление в Прикамье милитаризованной группы тураевцев, непосредственно контактировавших с местным населением, привело к изменению характера расселения древних финно-угров в Южной Удмуртии. Большие могильники типа Тарасово исчезли с побережья Камы, слишком активно использовавшейся водной артерией, и население стало осваивать междуречье Камы и Вятки, расселяясь небольшими общинами. В пределах Каракулинского района сегодня выявлено около 20 объектов мазунинского типа, среди них 2 могильника – Быргындинский I и Боярский «Арай».

Характер многочисленных могильников мигрантов Приуралья (Голдина Р.Д., 1999, рис.127) не оставляет сомнений в том, что их общественный строй отличался признаками, присущими военной демократии и периоду разложения первобытнообщинных отношений. В эпоху великого переселения народов роль военных мероприятий в жизни общества все более возрастала. Ближние и дальние миграции и сопутствующие им грабежи давали возможность быстрого изъятия как прибавочного, так иногда и необходимого общественного продукта, престижных ценностей и в результате – обогащения победителей. Война стала важнейшим фактором, способствующим дифференциации общества и последующему классовому образованию. Военные походы стимулировали развитие металлургического производства, так как они требовали новейших, совершенных видов вооружения как наступательного, так и, в особенности, оборонительного (шлемы, кольчуги, щиты). Последним владела наиболее состоятельные воины. Появление пришельцев способствовало разрушению традиционных кровнород-

ственных связей и утверждению территориальных, а это, в свою очередь, ускорило темпы централизации власти. Соседство с агрессивными военизированными мигрантами порождало у местного населения стремления к формированию более сильных, централизованных общественных структур, которые также содействовали разложению традиционных обществ и активизации процессов классового образования. Как ни парадоксально это звучит, война способствовала распространению и культурных достижений определенного времени.

Большое влияние на население удмуртского Прикамья оказала именковская культура, которая в IV-VII вв. занимала территорию устья Камы и прилегающего Поволжья. Именковское население представляло собой наиболее крупный массив древних славян. У именковцев были хорошо развиты железоделательное и бронзолитейное производства. Они были успешными животноводами, разводили новые, более рослые породы крупного рогатого скота южного происхождения, у них было популярно овцеводство, умели разводить верблюдов (Петренко А.Г., 1984, с.140). Более прогрессивным, нежели у финно-угорского населения, было пашенное земледелие. На поселениях именковцев, кроме сошников, часто находят косы-горбуши, серпы, мотыги, лесорубные топоры. Состав возделываемых культур был весьма широк: пшеница, просо, рожь, овес, полба, ячмень, горох. Пребывание именковцев отразилось и в языке пермян. В.В.Напольских нашел в пермских языках заимствования из диалектов праславянского и считает возможным соотносить их носителей с населением именковской культуры (Напольских В.В., 1996, с.197-206).

Довольно многочисленна коллекция именковской глиняной посуды на Благодатском I городище в Алнашском районе Удмуртии. На Кузубаевском городище, раскопанном проф. Т.И.Останиной, именковская керамика составляет около 70% всей обнаруженной посуды – 839 сосудов. Здесь исследовано квадратное жилище размерами 6,6х6,6 м полуземляночного типа, углубленное в материк на 78 см. В центре жилища располагался очаг-кострище. По мнению Т.И.Останиной, жилище оставлено именковцами, жившими здесь в VII в. (Останина Т.И., 2002, с.12-13, 42-47). Именковская посуда найдена и на городище Чеганда II (№117) и Ныргында II (№1).

В VI-IX вв. Южная Удмуртия (в том числе и Каракулинский район) входила в ареал верхнеутчанской культуры. Она занимала бассейны правобережных притоков р.Камы: Сивы, Ижа, Тоймы, а также притока р.Кильмези – Валы. Выделена Р.Д.Голдиной (1987, с.21-22) и Т.К.Ютиной (1984, с.76-79), исследована в 80-90-е гг. Т.К.Ютиной. Известно около 100 памятников этого времени. Среди них более 30 неукрепленных поселений – селищ. Они тяготели к руслам рек, занимая обычно мысы. Площадь их варьирует от 250 до 6000 кв.м. Селища группировались вокруг городищ, которые располагались, как правило, на предшествующих ананьинско-чегандинских. Городища преимущественно мысовые, одноплощадочные, укреплены одной линией обороны. Среди городищ Т.К.Ютиной выделены административные центры, убежища, сторожевые крепости.

Из могильников верхнеутчанской культуры пока исследован лишь один – Петропавловский (Семенов В.А., 1976, с.3-50) в д.Петропавлово Алнашского района Удмуртии. Его особенности указывают на изменение структуры общества: коллективы стали небольшими и были способны обеспечить себе довольно гармоничное существование. На Петропавловском могильнике VI-VII вв. исследовано 28 захоронений. Могилы располагались нечеткими рядами и группами. Ориентировка могильных ям двух видов – широтная и меридиональная. Глубина ям небольшая – 0,38-0,76 м. Размеры их соответствуют размерам погребенных людей. Зафиксированы два обряда погребения: труположение в гробовище, вытянуто на спине (17 захоронений) и трупосожжение на стороне, без вещей, причем остатки праха ссыпали в гроб довольно компактной массой (9 случаев). Украшения и сопровождающий инвентарь бросали в могилу по мере ее засыпания. Характер находок от способа захоронения не зависел.

Уникальной находкой является бронзовая культовая пластина размерами 10x18,2 см, найденная А.А.Спицыным в 1898 г. возле д.Нырғында (рис.38). А.А.Спицын написал о ней: «великолепная поделка... огромный весьма типичный ящер, длинный, изогнутый, с коротким пушистым хвостом и короткими лапами, на сильно вывернутой нижней челюсти и на шее – волоса, верхняя челюсть иззубрена. По туловищу семь рыб для обозначения водного существа. Сульде (человеко-лось) со сложенными вперед ногами, также очень типичен: крылья длинные, трехперые с глазками. Из головы сульде, головы и крестца ящера выступают длинные головы лося с выступающими из них фигурами кричащих птиц; у голов лося перистые уши и подбородки, у птиц перистые бока и уши. Отдельные головы: две человеческие и 11 звериных, группами и в одиночку» (1906, с.52). Эта пластина представляет собой один из выдающихся образцов пермского звериного стиля, расцвет которого падает на VI-IX вв. С точки зрения художественной композиция совершенна: мастер не только воплотил в бронзе сложные многофигурные элементы, но и живо передал стремительность движения, полета всех составляющих его фигур. Нырғындынский ящер датируется VI-VIII вв.

Из случайных находок верхнеутчанской культуры следует отметить быргындинскую височную подвеску (№139, рис.53-1). Подобные изделия известны в Прикамье в комплексах VII в. на Аверинском II могильнике (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис.45-41), на Кузубаевском городище (Останина Т.И., 2002, рис.2-10) и Петропавловском могильнике (Семенов В.А., 1976, табл.V-8) в Южной Удмуртии. На верхнеутчанских памятниках Т.К.Ютиной выделено несколько комплексов глиняной посуды (1994, с.9-10). Собственно верхнеутчанский, местный, связан происхождением с чегандинско-мазунинским. Керамика имеет характерную, довольно низкую округлодонную чашевидную форму с разными вариантами оформления горловины: профилированную открытую и закрытую, а также непрофилированную прямостенную. Глиняное тесто этой посуды содержит традиционно камские примеси: толченую речную раковину, шамот, растительные остатки в разных сочетаниях. Однако поверхность их не так тщательно заглажена, как в ананьинско-чегандинское время. Орнамент нанесен по верхнему срезу горловины сосудов в виде насечек или одного или нескольких рядов вдавлений различной формы по шейке. Около 40% посуды не украшено.

Ссылки некоторых скептиков, что памятников для выделения культуры пока мало, безосновательны, так как всего каких-то 40 лет назад в Удмуртии не были известны объекты ни мезолита, ни неолита, ни энеолита. Сейчас число их выросло за сотню. Поэтому, уверены, что спустя некоторое время, верхнеутчанская культура будет представлена также многочисленными разнообразными памятниками, поскольку уже сейчас их выявлены десятки.

Появившиеся на рубеже VII-VIII вв. в Нижнем Прикамье и прилегающем Поволжье тюркоязычные болгары разрушили многие именьковские поселения. Ранее кочевники-болгары жили в степях Подонья, Приазовья и Крыма, где в VII в. они создали могущественное племенное объединение – Великую Болгарию. Однако со смертью болгарского князя Кубрата Великая Болгария распалась. Часть болгар во главе с Аспарухом ушла на Дунай, другая – откочевала в Среднее Поволжье (Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964, с.110-131). Здесь болгары вынуждены были отвоевывать новую родину у именьковцев. Территория их расселения почти полностью совпадает с ареалом именьковской культуры. Жители ее были частью уничтожены, а частью вынуждены уйти в Поднепровье на свои исторические места, где они в последующем оставили памятники волынцевской культуры (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986, с.162; Седов В.В., 1994, с.315). На рубеже IX-X вв. в Среднем Поволжье сложилось государство Волжская Болгария. В этнической консолидации болгарского населения на основе тюркского языка огромную роль сыграли как социально-экономические (развитие земледелия, скотоводства, ремесел, процессы классообразования), так и идеологические факторы (арабская письменность, принятие мусульманства). В состав Волжской

Болгарии вошли и довольно значительные группы пермского населения ломоватово-неволинско-поломского типа. В некоторых районах приуральское население по численности не уступало болгарскому (Казаков Е.П., 2002, с.187-189).

Несмотря на то, что археологические памятники Южной Удмуртии X-XIV вв. изучены пока недостаточно, их своеобразие позволяет говорить об особой чумойтлинской культуре. Население использовало старые укрепленные крепости, возведенные еще в предшествующие эпохи (Каменный Лог, Елабужское). Строительство новых прекратилось. Очевидно, население нашло иные способы защиты от неприятеля, например сокрытие в глухом лесу, в избушках-схронах, так как при совершенствовании способов осады земляные валы с деревянными заборами уже не спасали от врагов.

Утрата традиции сооружения укрепленных городищ привела к рассредоточению селищ по мелким рекам. Они уже не были связаны с городищами, поэтому обнаружить их трудно. К тому же, постоянная угроза нападения – приток нового населения: славяне, болгары, кочевники-тюрки – заставляла население искать все более укромные места и уходить подальше от устьев даже небольших рек.

Среди вещей чумойтлинского времени в Каракулинском районе найдена шумящая коньковая подвеска (№139, рис.53-3), тип которой хорошо известен в Верхнем Прикамье в X-XI вв. и в Приладожье в комплексах этого же времени (Рябинин, 1981, с.20-21). Сюда же следует отнести еще одну шумящую подвеску – арочной формы с тремя умбонами посредине (рис.6-3), происходящую с Быргындинского IV поселения (№16). Подвески такого типа найдены в комплексах XI-XII вв. Аверинского I могильника (Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989, рис.72-12).

Керамический материал чумойтлинской культуры отражает происходившие в ней культурные процессы. Наряду с посудой, продолжавшей местные традиции ананьинско-пьяноборской керамики, известно еще несколько вариантов: слабопрофилированная с ямками, цилиндрошейная, с шнуровой орнаментацией и чашевидная, скудно орнаментированная. Особый интерес представляет оригинальная группа керамики ручной лепки с округлым туловом и преимущественно цилиндрошейным или слегка закрытым горлом, содержащая в тесте примесь толченой раковины. Ее горловина украшена довольно плотным поясом из горизонтальных оттисков шнура, расположенных таким образом, что две парные линии имели противоположное направление, образуя своеобразные «косички». У основания шнурового пояса размещены различные варианты узоров, выполненных гребенчатым штампом. Эта посуда впервые была выделена Т.А.Хлебниковой по материалам болгарских памятников – Танкеевского могильника, Алексеевского городища, Остолоповского селища (1974, с.65) и обозначена как VII группа домонгольского комплекса. Датирована X-XI вв., хотя использовалась в несколько трансформированном виде до начала XIII в. (Хлебникова Т.А., 1984, с.106-112). Т.А.Хлебникова считала, что эта посуда появилась в результате взаимодействия носителей неволинской и ломоватовской культур и принадлежит пермскому этносу.

Начиная с X в. ситуацию в Камско-Вятском междуречье определяли несколько противоборствующих сил – Болгарское и Русское государства, кочевники башкирских степей, поэтому есть смысл период X-XIV вв. выделить в самостоятельный хронологический этап.

Первая половина этого периода характеризуется расцветом Болгарского государства. В это время возникли крупные города: Болгар, Биляр, Сувар и др. Столицей государства стал город Болгар. Болгарские монеты чеканились как в Болгаре, так и в Суваре. Высокоразвитое ремесленное производство позволило болгарам вести оживленную торговлю с окружающими народами, в том числе и с пермянами. Наиболее значительным было воздействие болгар на население Пермского Прикамья, где в XI – начале XIII в. на некоторых поселениях, возможно, постоянно обитало болгарское население. На Рождественском городище на р.Обве до 35%

всей глиняной посуды составляла болгарская керамика. Вероятно, здесь располагалась торговая фактория болгар (Белавин А.М., 1991, с.9-10). Однако на других памятниках Верхнего Прикамья болгарская посуда встречалась значительно реже, а на средневековых поселениях на р.Чепце (Иднакар, Гурьякар) она составляла менее 2% (Иванова М.Г., 1990, с.47). Влияние болгар на финно-пермский мир ощутимо и в языке. В частности, в удмуртском языке сохранилось множество болгарских заимствований, связанных с развитием животноводства, торговли, ткачества, сельского хозяйства (Тараканов И.В., 1987, с.14). Однако во второй половине этого периода в результате неудачного соперничества с Русью болгары потеряли контроль над значительной частью Волжского торгового пути, что вызвало их особую активность на Камском торговом направлении (Казаков Е.П., 2002, с.187-189). В это время продолжались торговые, политические и другие контакты болгар с пермянами и волжскими финнами.

В 30-е гг. XIII в. произошло драматическое событие – вторжение в Поволжье монголов, которые разрушили не только многие русские поселения, но и Болгарское государство. В 1236 г. был взят и сожжен г.Болгар. В ходе последующих походов были разорены и уже не возродились многие болгарские города. Оставшееся население покинуло разгромленные городские центры. Центральная часть Волжской Болгарии опустела, а население бежало на ее бывшие окраины и сопредельные территории (Руденко К.А., 1993, с.37; Казаков Е.П., 2002, с.187-189).

Среди чумойтлинской керамики в небольших количествах присутствуют и раннеболгарские сосуды – результат торговых контактов с Волжской Болгарией (Голдина Р.Д., 1999, рис.148-10), но в Южной Удмуртии X-XV вв. постоянных болгарских поселений не было, лишь в XVI – начале XVII в. здесь появились первые очень немногочисленные татарские селения (Фахрутдинов Р.Г., 1975, рис.3). Чумойтлинская культура генетически связана с населением, оставившим памятники XVI-XVIII вв. на территории Удмуртии. В настоящее время в Удмуртии известно более 80 могильников XVII-XIX вв. (Шапран И.Г., 1984, с.120-133; Шутова Н.И., 1987; 1990), о которых хорошо осведомлено современное местное население. Около 50 из них находятся в Южной Удмуртии. Эти могильники характеризуются общностью черт, которые следует рассматривать как проявление этнического своеобразия древнеудмуртской материальной культуры. Одним из таких памятников является Быргындинский II могильник XVI-XVII вв. (№122), где раскопаны 4 погребения, одно из них – с ножом, височной подвеской и остатками льняного пояса (рис.43). Картографирование древнеудмуртских могильников показало их совпадение с ареалом распространения удмуртского населения в начале XVIII в. Почти все могильники XVI-XIX вв. соответствуют удмуртским поселениям, существовавшим в начале XVIII в., и отмечены в переписи 1716 г. (Гришкина М.В., 1976, с.124-133).

Массовое заселение удмуртского Прикамья русскими по письменным источникам началось со второй половины XVI в. (Гришкина М.В., 1994, с.52-53). Лишь с покорением Казанского ханства в 1552 г., ликвидацией серии восстаний и заключением договоров между Иваном Грозным и местной элитой о включении Прикамья в состав Русского государства в 1557-1558 гг., появилась реальная возможность для массовой русской колонизации края. Для закрепления этой территории власти форсируют строительство крепостей. В 1574 г. возникла Уфа, а в конце XVI – начале XVII в. – Оса и Сарапул, в середине-второй половине XVII в. – Елабуга, Челны, Пьяный Бор, Мензелинск, Каракулино, Бирск и другие крепости. Письменные источники освещают историю края лишь с конца XVI – начала XVII в., да и то крайне скудно (Макаров Л.Д., 2009, с.240).

Археологические материалы показывают, что уже в XII-XIII вв. в Каракулинском крае появляются первые древнерусские находки. В 1894 г. при осмотре распаханной поверхности Ныргындинского I (Ильнешского) городища Ф.Д.Нефедов обнаружил булаву XII-XIII вв.

(№101). В 1894 г. возле д.Быргында найден горшок с оплавленными серебряными слитками неправильной формы весом более 4 пудов (№138).

В 1970-1972 гг. при исследовании Зуевоключевского I городища были обнаружены остатки усадьбы XVI-XVII вв. и различные железные предметы хозяйственного назначения: 2 косы-горбуши, 4 удила (рис.17-4), 3 ножа, обломки обуха и лезвия плотницкого топора, боевой топор (рис.17-3), 2 замка (рис.17-1) и ключ (рис.17-2), светец, струг, штырь, 2 накладки, втулка и обломок какого-то предмета. Некоторые из перечисленных изделий имели хождение и в более раннюю пору – в XIII-XIV вв. (Макаров Л.Д., 2009, с.238).

В раскопках Е.М.Черных 1997 г. был найден фрагмент древнерусского горшка с линейно-волнистым орнаментом и примесью раковины в тесте, а также обломок днища с добавками дресвы и шамота. Л.Д.Макаров датирует остатки этого поселения XIV-XV вв. С этим памятником связан и древнерусский могильник (5 погребений, №126), расположенный на площадке Зуевоключевского I городища (там же, с.239). На соседнем мысу – Зуевоключевском II городище (№99), обнаружены остатки металлообрабатывающего комплекса: куски руды, шлаки, молот-дробильник (рис.33-7), фрагмент сильно ошлакованной глиняной лепешки, готовые изделия – железный серп (рис.33-6), нож (рис.33-1). На памятнике найден обломок чугунного котла (рис.33-2), который позволяет установить дату остатков не ранее XIV-XV вв.

Находки древнерусских вещей на других памятниках Каракулинского края, в частности на Быргындинском IV поселении (№16) – железных кольчатых удила и булавки-спицы, подтверждают присутствие в этом крае древнерусского населения.

Таким образом, Каракулинский край был заселен с эпохи камня и до современности. Каменный век представлен пока очень слабо, очевидно, потому, что памятники этого времени располагались преимущественно на небольших возвышенностях в пойме и, создав Нижнекамское водохранилище, наши современники погубили почти все объекты этого времени. Сейчас успешно размываются поселения эпохи бронзы, размещенные на невысоких площадках первой надпойменной террасы (Партизанские поселения). Скоро и их не будет, и археологи будут только фантазировать об особенностях культуры этого времени. Лучше сохранились древности раннего железного века: ананьинской и чегандинской культур – они расположены на более возвышенных местах. Но мощный антропогенный фактор воздействует и на них: дачное, жилое, нефтедобывающее строительство, сельскохозяйственная деятельность. Любопытство местных жителей, потрясающая неграмотность населения, жажда наживы на древностях («черные археологи»), слабость охранных действий властей – все это способствует уничтожению памятников археологии. Небольшой кучке специалистов этот процесс не остановить. Одна из целей предлагаемой книги – спасти уцелевшие памятники древности от варварского разрушения. О любых случаях разграбления и разрушения памятников археологии просим сообщать по адресу: г.Ижевск, ул.Университетская, 1, УдГУ, 2 корпус, кафедра археологии и истории первобытного общества, тел.916187. Только совместными усилиями можно хотя бы замедлить этот процесс разрушения древностей, которые пока еще хранит каракулинская земля. Мы все должники перед прошлым, ведь это благодаря ему мы есть, мы живем, и в долгу перед будущим. Мы еще можем для следующих поколений сохранить то, что накоплено столетиями, но, к сожалению, слишком быстро, часто сознательно, теряем.

Библиография

Архивные материалы

Абрамова, 2008 / Абрамова Л.А. Зуевский могильник раннего железного века в Удмуртском Прикамье / Дипломная работа. Ижевск, 2008 // Архив ИИКНП. Ф.1. Д.866.

Арматынская, Отчет 1987 г. / Арматынская О.В. Отчет о работах в Менделеевском районе Татарской АССР, Кишертском районе Пермской области и разведывательных работах в Каракулинском районе Удмуртской АССР в 1987 году // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.242. 39 с. 174 илл.

Ашихмина, Отчет 1969 г. / Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях, проведенных летом 1969 года в Каракулинском районе Удмуртской АССР // Архив кабинета археологии Уральского университета.

Ашихмина, Отчет 1970 г. / Ашихмина Л.И. Отчет о разведке в Каракулинском районе Удмуртской АССР в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4193.

Ашихмина, Отчет 1971 г. / Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях, проведенных в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 года // Архив ИА РАН. Р-1. №4559.

Ашихмина, Отчет 1972 г. / Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР, проведенных летом 1972 года // Архив ИА РАН. Р-1. №4685.

Ашихмина, Отчет 1975 г. / Ашихмина Л.И. Отчет об исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской АССР в 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №5666.

Брызгалова, Отчет 1986 г. / Брызгалова С.Н. Отчет о разведочных работах в Каракулинском районе УР в 1986 г. (Рукопись).

Бухтеева, Отчет 1954 г. / Бухтеева М.А. Отчет о разведке в районе д.Нырғында по правому берегу р.Кама Каракулинского района / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 году // Архив ИА РАН. Р-1. №963.

Быкова, 2003 / Быкова Н.Е. Археологическая карта бассейна р.Кырыкмас / Дипломная работа. Ижевск, 2003 // Архив ИИКНП. Ф.1. Д.668.

Генинг, Отчет 1954 г. / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 году // Архив ИА РАН. Р-1. №963.

Генинг, Отчет 1955 г. / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1955 году // Архив ИА РАН. Р-1. №1105.

Генинг, Отчет 1956 г. / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1956 году // Архив НМУР. Д.5. 271 л.

Генинг, Итоги трехлетних... / Генинг В.Ф. Итоги трехлетних работ Удмуртской археологической экспедиции (1954-1956 гг.) // Архив ИА РАН. Р-1. №1378.

Генинг, Стоянов, Семенов, Отчет 1956 г. / Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Семенов В.А. Отчет об археологических раскопках могильника у д.Быргында Каракулинского района УАССР // Архив ИА РАН. Р-1. №1378.

Генинг, Отчет 1968 г. / Генинг В.Ф. Отчет о полевых исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3741.

Генинг, Одинцов, Отчет 1968 г. / Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырғында II (Каракулинский район Удмуртской АССР), произведенных Удмуртским отрядом Нижнекамской экспедиции / Генинг В.Ф. Отчет о полевых исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3741.

Генинг, Трофименко, Отчет 1968 г. / Генинг В.Ф., Трофименко В.С. Отчет об археологических раскопках стоянки Нырғында на р.Каме, в Удмуртской АССР, произведенных в 1968 г. / Генинг В.Ф. Отчет о полевых исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3741.

Генинг, Отчет 1970 г. / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Быргындинской стоянки и Верхнемошкарковского городища, проведенных в 1970 году // Архив ИА РАН. Р-1. №4156.

Генинг, Отчет 1971 г. / Генинг В.Ф. Отчет об исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской АССР летом 1971 года // Архив ИА РАН. Р-1. №4545.

Голдина, Отчет 1969 г. / Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции летом 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4129.

Голдина, Отчет 1970 г. / Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции летом 1970 г. Свердловск // Архив ИА РАН. Р-1. №4098.

Голдина, Отчет 1971 г. / Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Нырғындинского I могильника. Свердловск // Архив ИА РАН. Р-1. №4459.

Голдина, Отчет 1995 г. / Голдина Р.Д. Отчет о разведке, проведенной летом 1995 года в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.326.

Голдина, Отчет 1998 г. / Голдина Р.Д. Отчет о раскопках в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1998 г. Раскопки Нырғындинского II городища // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.360.

Кадиков, Отчет 1954 г. / Кадиков Б.Х. Отчет о разведках в районе с.Чеганда – рч.Ямаша за 1954 г. / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №1055.

Карпова, Отчет 1954 г. / Карпова Г.И. Отчет о разведке в районе с.Красный Бор – с.Нырғында / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №963.

Клюева, Отчет 1975 г. / Клюева Г.Н. Отчет о раскопках Нырғындинского I могильника, проведенных летом 1975 года // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.50.

Клюева, Отчет 1977 г. / Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1977 года в Каракулинском и Сарапульском районах Удмуртской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. №6572.

Клюева, Отчет 1978 г. / Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1978 года в Елабужском районе Татарской АССР и в Каракулинском районе Удмуртской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. №7097.

Клюева, Отчет 1979 г. / Клюева Г.Н. Отчет об исследованиях, проведенных летом 1979 года в Каракулинском районе Удмуртской АССР // Архив ИА РАН. Р-1. №7873.

Клюева, Отчет 1980 г. / Клюева Г.Н. Отчет об археологических работах, проведенных летом 1980 года в Каракулинском и Сарапульском районах Удмуртской АССР // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.122.

Клюева, Отчет 1982 г. / Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Быргындинского IV поселения в Каракулинском районе Удмуртской АССР в 1982 году // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.241.

Карпушкина, Отчет 2008 г. / Карпушкина О.А. Отчет о разведочных работах, проведенных летом-осенью 2008 года в Сарапульском и Каракулинском районах УР // Архив ИИКНП. Ф.2, Д.500.

Лещинская, Отчет 1996 г. / Лещинская Н.А. Отчет об охранных археологических раскопках Барановского III селища в Каракулинском районе Удмуртской Республики, выпол-

ненных согласно договора №П-18/2 от 02.09.1996 г. с Институтом археологии АН России // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.342.

Лукшин, Отчет 2001 г. / Лукшин Е.В. Отчет о разведочных работах в Каракулинском районе УР осенью 2001 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.394.

Лукшин, Отчет 2003 г. / Лукшин Е.В. Отчет о разведочных работах, проведенных осенью 2003 г. в Каракулинском районе УР // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.413.

Матвеева, Отчет 1954 г. / Матвеева Г.И. Отчет об археологических разведках по берегу р.Камы от д.Тарасово Камбарского района до д.Чеганда Каракулинского района Удмуртской АССР / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Удмуртской археологической экспедиции в 1954 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №963.

Митряков, Отчет 2009 г. / Митряков А.Е. Отчет о разведочных работах, проведенных в 2009 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.526.

Останина, Отчет 1998 г. / Останина Т.И. Отчет об археологических раскопках I Чегандинского городища, проведенных в июле 1998 г. // Архив НМУР. Д.1456-1457. 50 л. +82 л. илл.

Пастушенко, Отчет 1992 г. / Пастушенко И.Ю. Отчет о разведочных работах, проведенных летом 1992 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.325.

Перевозищikov, Отчет 1995 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики в 1995 г. (исследования Зуевключевского II поселения) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.324.

Перевозищikov, Отчет 1996 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет об охранных археологических раскопках Зуевключевских поселений и могильников, выполненный согласно договора №П-18/3 с Институтом археологии АН России // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.341.

Перевозищikov, Отчет 1998 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет об археологических раскопках Зуевключевских поселений и могильников, проведенных в 1998 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.372.

Перевозищikov, Отчет 2004 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет о разведочных работах, проведенных осенью 2004 г. в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.434.

Перевозищikov, Отчет 2005 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет о работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных осенью 2005 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.448.

Перевозищikov, Отчет 2006 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет о разведках в Каракулинском, Завьяловском и Воткинском районах Удмуртской Республики, проведенных летом 2006 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.464.

Перевозищikov, Отчет 2006а / Перевозищikov С.Е. Отчет об охранных работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики (Каракулинское IV городище «Крепость»), проведенных летом 2006 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.468.

Перевозищikov, Отчет 2007 г. / Перевозищikov С.Е. Отчет о работах, проведенных осенью 2007 года в Каракулинском районе Удмуртской Республики // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.483.

Поляков, Отчет 1969 г. / Поляков Ю.А. Отчет о полевых работах 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №4079.

Прокопов, Отчет 1969 г. / Прокопов А.В. Отчет о разведке в Каракулинском районе УАССР / Голдина Р.Д. Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т.1. Свердловск // Архив ИА РАН. Р-1. №4129.

Решетников, Отчет 1981 г. / Решетников Н.Л. Отчет о разведочных работах в Каракулинском районе Удмуртской Республики, Агрызском районе ТАССР, проведенных летом 1981 г. // Архив МИКСИ. Ф.608. Оп.3. Д.514.

Решетников, Отчет 1983 г. / Решетников Н.Л. Отчет о разведочных работах в Сарапульском, Каракулинском районах УАССР, Актанышском районе ТАССР, проведенных в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №10630.

Решетников, Отчет 1988 г. / Решетников Н.Л. Отчет об археологическом исследовании Дербешкинского поселения в Актанышском районе ТАССР и разведочных работах на Зуево-Ключевском поселении в Каракулинском районе УАССР, проведенных в 1988 году // Архив ИА РАН. Р-1. №13091.

Решетников, Отчет 1995 г. / Решетников Н.Л. Отчет об археологических исследованиях Партизанских поселений и Партизанского могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. №19263.

Решетников, Отчет 1996 г. / Решетников Н.А. Отчет об охранных археологических раскопках Партизанского IV поселения в Каракулинском районе Удмуртской Республики, выполненный согласно договора №П-18/4 с Институтом археологии АН России // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.340.

Решетников, Отчет 1997 г. / Решетников Н.Л. Отчет об археологических исследованиях Сарапульского поселения (г.Сарапул) и Партизанского поселения в Каракулинском районе УР, проведенных в 1997 г. // Архив МИКСИ. Д.1140.

Рощупкин, 2005 / Рощупкин О.В. Мамонтовая фауна Удмуртии: материалы к археологической карте / Дипломная работа. Ижевск, 2005 // Архив ИИКНП. Ф.1. Д.926.

Сабилов, Отчет 2001 г. / Сабилов Т.Р. Разведочные работы в Каракулинском районе УР в 2001 году // Рукописный архив ИИКНП УдГУ. Ф.3.

Стоянов, Отчет 1956 г. / Стоянов В.Е. Отчет о разведках археологических памятников по течению р.Ижболдинки и Бимы в Каракулинском районе УАССР / Генинг В.Ф. Итоги трехлетних работ Удмуртской археологической экспедиции (1954-1956 гг.) // Архив ИА РАН. Р-1. №1378.

Стоянов, Отчет 1957 г. / Стоянов В.Е. Отчет об археологических разведках в южных районах УАССР / Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях Уральской археологической экспедиции в 1957 г. // Архив НМУР. Д.6.

Стоянов, Ашихмина, Бельтикова, Отчет 1968 г. / Стоянов В.Е., Ашихмина Л.И., Бельтикова Г.В. Отчет о раскопках ананьинских поселений правобережья Средней Камы / Генинг В.Ф. Отчет о полевых исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №3741.

Черных, Отчет 1997 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1997 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.343.

Черных, Отчет 1998 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1998 г. Т.1. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.344.

Черных, Отчет 1999 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуево-Ключевских II и IV селищ в Каракулинском районе Удмуртской республики летом 1999 года. Т.1. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.351.

Черных, Отчет 1999а г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе Удмуртской Республики летом 1999 г. Т.2. (Зуевключевское I городище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.355.

Черных, Отчет 1999б г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР летом 1999 г. Т.3. (Зуевключевское I городище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.399.

Черных, Отчет 2000 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском и Сарапульском районах УР летом 2000 г. Т.1. (Зуевключевские I городище, II селище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.369.

Черных, Отчет 2001 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР летом 2001 г. Т.1. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.392.

Черных, Отчет 2001а г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР летом 2001 г. (Зуево-Ключевское III городище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.398.

Черных, Отчет 2002 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе УР летом 2002 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.401.

Черных, Отчет 2002а г. / Черных Е.М. Отчет об археологическом исследовании Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе УР летом 2002 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.421.

Черных, Отчет 2003 г. / Черных Е.М. Отчет о спасательных работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе УР летом 2003 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.422.

Черных, Отчет 2003а г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Зуевключевского I городища в Каракулинском районе УР, проведенных летом 2003 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.423.

Черных, Отчет 2004 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях в Каракулинском районе УР летом 2004 г. (Зуевключевское I городище) // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.435.

Черных, Отчет 2004а г. / Черных Е.М. Отчет о работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе УР, проведенных летом 2004 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.438.

Черных, Отчет 2005 г. / Черных Е.М. Отчет о спасательных работах на Боярском («Арай») могильнике в Каракулинском районе УР летом 2005 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.449.

Черных, Отчет 2007 г. / Черных Е.М. Отчет об археологическом исследовании Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе УР, проведенных летом 2007 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.484.

Черных, Отчет 2008 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе УР, проведенных летом 2008 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.495.

Черных, Отчет 2009 г. / Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского («Арай») могильника в Каракулинском районе УР, проведенных летом 2009 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.518.

Черных, Отчет 2009а г. / Черных Е.М. Отчет об археологических разведках в Каракулинском районе УР осенью 2009 г. // Архив ИИКНП. Ф.2. Д.523.

Чистякова, Отчет 1970 г. / Чистякова М.Н. Отчет о разведке, проведенной в 1970 году в Каракулинском районе Удмуртской АССР // Свердловск, 1970. (Рукописный архив Р.Д.Голдиной).

Шабердин, 1928 / Шабердин Д.В. Памятники старины Среднего Прикамья. Рукопись 1928 г. / Коллекция документов о деятельности научного общества по изучению Вотского края (НОИВК) и Областного краеведческого музея ВАО по изучению памятников археологии Удмуртии, 1926-1932 гг. // ОПИ НМУР.

Литература

Абаев В.И., 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М. С.26-37.

Агеев Б.Б., 1992. Пьяноборская культура. Уфа. 140 с.

Акимова М.С., 1961. Антропологические данные по происхождению народов Волго-Камья // Вопросы антропологии. Вып.7. С.29-40.

Акимова М.С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М. 119 с.

Алексеев В.П., 1981. К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. №4. М. С.53-62.

Андреева Е.Г., 1967. Животные Прикамья ананьинского времени по костным остаткам из археологических памятников // УЗ ПГУ. №148. Пермь. С.171-186.

Арма тынская О.В., 1991. Особенности погребальных традиций населения Камско-Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. - V в. н.э.) // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.92-104.

Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье, 1981. М. 209 с.

Археологические памятники Центрального Закамья, 1988. Казань.

Ашихмина Л.И., 1976. Исследования Зуево-Ключевского I городища // АО 1975 года. М. С.158.

Ашихмина Л.И., 1977. Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С.139-166.

Ашихмина Л.И., 1978. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар. С.38-70.

Ашихмина Л.И., 1985. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар. (МАЕСВ, вып.9). С.55-80.

Ашихмина Л.И., 1985а. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье. Сыктывкар. 28 с.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1973. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1972 года. М. С.155-156.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1977. Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С.93-138.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., 1986. Ананьинские жилища Зуево-Ключевского I городища // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар. С.54-70.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., 1972. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1971 года. М. С.182-183.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Одинцов В.В., Стоянов В.Е., 1970. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1969 года. М. С.138-139.

Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф., Голдина Р.Д., Прокопов А.В., Чистякова М.Н., 1971. Работы Удмуртского отряда Нижнекамской экспедиции // АО 1970 года. М. С.147-149.

Бадер О.Н., 1950. Археологические памятники Прикамья и их научное выявление / Пособие для начинающих археологов и краеведов. Молотов. 116 с.

Белавин А.М., 1991. Волжская Болгария и Пермское Приуралье в X-XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Белицер В.Н., 1958. Очерки по этнографии народов коми // Труды Института этнографии. Новая серия. Т.45. М.

Беркутов Л.А., 1914. Разведки и раскопки, произведенные Л.А.Беркутовым по поручению Сарапульского земского музея в 1910-13 гг. // Известия Сарапульского земского музея. М. Вып.2. С.35-89.

Бернц В.А., Богданов А.В., Вязников А.М., Лукшин Е.В., Салангина С.В., Черных Е.М., Урмацких М.А., Сабиров Т.Р., 2002. Разведочные работы Камско-Вятской археологической экспедиции в Удмуртии // АО 2001 года. М. С.328-329.

Богаткина О.Г., 1992. Остатки млекопитающих животных из раскопок городища Сорочьи горы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань.

Борзунов В.А., 1992. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург. 188 с.

Буров Г.М., 1966. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. №1. М. С.155-173 с ил.

Буров Г.М., 1967. Древний Синдор. М. 220 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев. 112 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. У истоков истории самарского Поволжья. Куйбышев. 230 с.

Вечтомов А.Д., 1967. Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. №148. Пермь. С.133-155.

Волков С.Р., Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А., Соловей В.М., 1994. Разведочные работы в Каракулинском районе Удмуртской Республики // АОУП. Йошкар-Ола. С.30-32.

Волкович А.М., 1941. К южным связям Прикамья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л. Т.1.

Вотякова О.П., Клюева Г.Н., Лещева Т.П., Пушкарева Т.С., 1978. Разведочные работы Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской АССР // АО 1977 года. М. С.161-162.

Выборнов А.А., 2008. Неолит Волго-Камья. Самара. 490 с.

Вязников А.М., Дерендяев Д.С., Черных Е.М., 2001. Исследования памятников раннего железного века Зуево-Ключевского микрорайона // АО 1999 г. М. С.179-181.

Генинг В.Ф., 1954. Археологическая экспедиция в Удмуртии // Молот. №2. Ижевск. С.62-64.

Генинг В.Ф., 1956а. Что должен знать юный турист об археологических памятниках Удмуртии. Ижевск. 67 с.

Генинг В.Ф., 1956б. Исследования Удмуртской археологической экспедиции в 1955 г. // Молот. №1. Ижевск. С.61-64.

Генинг В.Ф., 1957. Очерк работ Удмуртской археологической экспедиции в 1954 году // Записки УдНИИ. Ижевск. Вып.18. С.160-178.

Генинг В.Ф., 1958. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск. 192 с.

Генинг В.Ф., 1959. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань. Вып.2. С.157-219.

Генинг В.Ф., 1959а. Осинское городище // ОКВАЭ. Вып.1. М. С.164-195.

Генинг В.Ф., 1962. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // ВАУ. Свердловск. Вып.4. С.5-52.

Генинг В.Ф., 1967. Городище Чеганда I в мазунинское время // Памятники мазунинской культуры / ВАУ. Ижевск. Вып.7. С.141-163.

Генинг В.Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.I. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.10. Ижевск; Свердловск. 224 с. (Приложение табл.I-XXX).

Генинг В.Ф., 1971. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч.II. Археологические памятники чегандинской культуры (III в. до н.э. – II в. н.э.) // ВАУ. Вып.11. Ижевск; Свердловск. 160 с. (Приложение табл.I-XXX).

Генинг В.Ф., 1975. Новый могильник сейминско-турбинского типа в Удмуртском Прикамье // Памятники древней истории Евразии. М. С.211-220.

Генинг В.Ф., 1976. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронения военачальников) // Из истории Волго-Камья. Казань. С.55-108.

Генинг В.Ф., 1980. Опутятское городище – металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск. С.92-135. Рис.1-27.

Генинг В.Ф., 1988. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М. 240 с.

Генинг В.Ф., 2003. Автобиография научной деятельности // Мельникова О.М. Свердловская научная археологическая школа В.Ф.Генинга (1960-1974 гг.) Ижевск. С.145-181.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1977. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар. МАЕСВ. Вып.7. С.38-70.

Генинг В.Ф., Ашихмина Л.И., 1984. Зуево-Ключевская стоянка // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар. С.123-137.

Генинг В.Ф., Мырзина Е.М., 1967. Мазунинский могильник // ВАУ. Вып.7. Свердловск. С.85-115.

Генинг В.Ф., Оборин В.А., 1960. К вопросу о гляденовской культуре // УЗ ПГУ. Т.XII. Вып.1. Пермь. С.160-174 (карт.).

Генинг В.Ф., Одинцов В.В., 1969. Новые раскопки пьяноборского могильника Ныргында II // АО 1968 года. М. С.157-158.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., 1961. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Свердловск. Вып.1. С.76-90.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М. 196 с. с ил.

Голдина Р.Д., 1976. Исследования памятников Южной Удмуртии в 1969-1970 гг. // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С.75-92.

Голдина Р.Д., 1977. Основные итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции за 1973-1975 гг. // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск. С.10-44.

Голдина Р.Д., 1987. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов. С.6-36.

Голдина Р.Д., 1995а. Жизнь после смерти: следы происхождения южных удмуртов // Памятники Отечества. Полное описание России: Удмуртия / Альманах Всеросс. Общества охраны памятников истории и культуры. М. Вып.33 (№1-2). С.35-36.

Голдина Р.Д., 1995б. Зуевы Ключи – археологический заповедник Удмуртского Прикамья // Удмуртская Республика: проблемы и перспективы. Ижевск. С.34-48.

Голдина Р.Д., 1996. Силуэты растаявших веков. Ижевск. 213 с.

Голдина Р.Д., 1999. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск. 464 с.

Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т.II. Ижевск. 721 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник – уникальный памятник великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск. 499 с.

Голдина Р.Д., Волков С.Р., Салангин Д.А., 2000. Исследования Ныргындинского II городища в Каракулинском районе Удмуртской республики // АО 1998 года. М. С.225-226.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск. 216 с.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1985. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1976-1980 гг. // Новые источники по древней истории Приуралья. Устинов. С.54-110.

Голдина Р.Д., Черных Е.М., 1987. Итоги работ Камско-Вятской археологической экспедиции в 1981-1985 гг. // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск. С.5-55.

Гришкина М.В., 1976. Численность и расселение удмуртов в XVIII в. // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск. С.95-133.

Гришкина М.В., 1994. Удмурты. Этюды из истории IX-XIX вв. Ижевск. 168 с.

Гусенцова Т.М., 1993. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 240 с.

Девель Т.М., 1950. Обзорение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им.Н.Я.Марра АН СССР // СА. М., Л. Т.XII. С.289-327.

Денисов В.П., Кузьминых С.В., Черных Е.Н., 1988. Могильники сейминско-турбинского типа в Волго-Камье // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань. С.46-69.

Древности Камы..., 1933. Древности Камы по раскопкам А.А.Спицына в 1898 г. // Материалы ГАИМК. Л. Вып.2.

Длужневская Г.В., 2007. Уральский регион в исследованиях Императорской археологической комиссии // Известия Уральского государственного ун-та. Екатеринбург. №49. С.118-133.

Егорьков А.Н., Щеглова О.А., 2001. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск. С.280-292.

Ефимова С.Г., 1981. К краниологии Волго-Камья эпохи раннего железа // Вопросы антропологии. Вып.67.

Журавлева Г.Н., 1995. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 22 с.

Журавлева Г.Н., 2002. Народонаселение Среднего Прикамья в пьяноборскую эпоху (опыт палеодемографических реконструкций) // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск. С.131-156.

Журбин И.В., 2004. Геофизика в археологии: методы, технология и результаты применения: Монография. Ижевск. 154 с.: ил.

Журбин И.В., Черных Е.М., 2005. Методика комплексных исследований многослойных памятников (по материалам Зуевключевского I городища) // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения В.Ф.Генинга): Сб. науч. трудов. Екатеринбург. С.187-194.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. Вып.30. Т.V. М. 322 с.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. М.

Збруева А.В., 1960. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. №80. М.

ИАК, 1914. Известия Императорской Археологической Комиссии [прибавление к вып.52]. СПб.

Иванов А.Г., 2007. Археологические исследования И.Н.Смирнова // Этнография восточно-финских народов: история и современность / Матер. Всерос. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения проф. И.Н.Смирнова. Ижевск. С.34-43.

Иванов В.А., 1984. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). М. 86 с.

Иванов В.А., Останина Т.И., 1983. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.

Иванова М.Г., 1990. Этнокультурные связи северных удмуртов в эпоху средневековья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С.45-53.

Иессен А.А., 1952. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. №XVI. С.206-231.

Ильин А.А., 1921. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг. 62 с. (Тр. Нумизматической комиссии РАИМК. I).

История Удмуртии, 2007 / История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. Ижевск. 304 с.

Казаков Е.П., 2002. Ранние болгары в Поволжье // История татар с древнейших времен в семи томах. Т.I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Изд-во «Рухият». С.185-194.

Казанцева О.А., 1996. Гончарная технология населения среднего Прикамья первой половины I тыс. н.э. (по данным некрополей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 21 с.

Карпушкина О.А., 2005. Место Зуевключевского III (Хижняковского) городища в системе Зуевключевского археологического микрорайона железного века // VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвящ. 245-летию Ижевска. Мат. конф. Ч.I. Ижевск. С.109-110.

Карпушкина О.А., 2005а. Сторожевые городища в оборонительной системе археологических микрорайонов (на примере Зуевключевского микрорайона Прикамья) // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Кудымкар. С.60-62.

Карпушкина О.А., Черных Е.М., 2007. Новые данные о расселении в Удмуртском Прикамье на рубеже новой эры // Пермские финны: археологические культуры и этносы: Матер. I Всерос. науч. конф. Сыктывкар. С.88-91.

Киржнер Е.Э., Арматынская О.В., 1990. Бронзовая ананьинская секира из с.Галаново // СА. №3. С.256-259.

Клюева Г.Н., 1980. Изучение памятников железного века в зоне затопления Нижне-Камской ГЭС // АО 1979 года. М. С.150-151.

Клюева Г.Н., 1984. Быргындинское IV поселение – памятник пьяноборского времени на Средней Каме // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. Вып.2. С.20-35.

Ковалевский М., 1939. Очерки происхождения и развития семьи и собственности. М.

Колчин Б.А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. №65. М. С.7-120.

Корепанов К.И., 1990. О факторах формирования ананьинского искусства звериного стиля (к постановке проблемы) // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь. С.106-111.

Король Г.Г., Конькова Л.В., 2007. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в центральной Азии // СА. №2. С.25-32.

Косвен М.О., 1963. Семейная община и патронимия. М. 220 с.

Косменко М.Г., 1971. Вторая Деуковская мезолитическая стоянка на р.Ик // КСИА. Вып.126. М. С.78-86 с ил.

Коренюк С.Н., Цыганов Ю.Ю., 1989. Новые исследования палеолитических памятников Пермского Прикамья // АОУП. Сыктывкар. С.67-69.

Королькова Е.Ф., 2010. Браслеты со звериными головками из погребений Гумаровского и Зуевского могильников // Нижневолжский археологический вестник. Вып.11. Волгоград. С.300-305.

Красноперов А.А., 2009. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья. Сб. статей к 70-летию П.Н.Старостина. Казань. С.92-105.

Краткий отчет..., 1913 / Краткий отчет о деятельности Музея Сарапульского уездного земства за время с 5-го апреля 1911 года по 1 января 1912 года // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул. Вып.3. С.61-67.

Кривошеков И.Я., Зеленев И.И., 1911. Народонаселение Прикамья в прошлом и настоящем. Пермь.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.). М. 278 с. с ил., карт.

Кузьминых Н.В., 2001. Бусы Тарасовского могильника в контексте римского стеклоделательного производства // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ижевск. С.74-75.

Кузьминых С.В., 1983. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. М. 255 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А., 2009. Предисловие // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология евразийских степей». Вып.8. Елабуга. С.4-5.

Куликов К.И., 1991. Первое удмуртское научное общество «Боляк» («Соседство») и археологические исследования в Удмуртии в период его деятельности // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск. С.4-13.

Кухаренко Ю.В., 1964. Зарубинецкая культура // САИ. Вып.Д1-19. М. 68 с. с ил., карт.

Лаптева Т.А., 1994. Эполетообразные застежки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск. С.128-155.

Лепехин И.И., 1822. Дневные записки путешествий по разным провинциям Российского государства в 1771 г. Спб.

Лещинская Н.А., Волков С.Р., Лаптева Т.А., 1997. Раскопки Барановского III поселения // АО 1996 года. М. С.258-259.

Литвинский Б.А., 1972. Древние кочевники «крыши мира». М. 270 с.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: Учебное пособие. Ижевск. 143 с.

Макаров Л.Д., 2003. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск. Т.6. С.192-232.

Макаров Л.Д., 2009. Среднее Прикамье – объект русской колонизации (XII-XVII вв.) // «100 лет – это повод»: Материалы научно-практ. конф. «Институт культуры: баланс традиций и инноваций». Сарапул. С.237-249.

Макаров Л.Д., Перовщиков С.Е., 2006. Новый христианский могильник периода русской колонизации Удмуртского Прикамья // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск. Т.9. С.169-177.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т., 2008. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. М.

Матвеева Г.И., 1981. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев. С.52-73.

Материалы по статистике Вятской губернии, 1892. Т.7. Сарапульский уезд. Ч.2. Подворная книга. Вятка.

Мельникова О.М., 2004а. Удмуртская археологическая экспедиция в контексте истории археологии в Удмуртии // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Ижевск. С.14-29.

Мельникова О.М., 2004б. Археологические исследования Л.А.Беркутова в Среднем Прикамье (по материалам ЦГА УР) // Вестник УдГУ. История. Ижевск. №3. С.145-149.

Митряков А.Е., 2011. Проблемы функционирования поселений эпохи бронзы Удмуртского Прикамья (по материалам керамического комплекса Зуевоключевского II поселения) // Вестник Удмуртского университета. Вып.1. С.50-54.

Напольских В.В., 1996. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тысячелетия н.э.: данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т.П. Сыктывкар.

Нефедов Ф.Д., 1899. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // Материалы по археологии восточных губерний. Вып.3. М. С.42-74.

Никитин В.В., 2002. Отражение календарных схем в предметах быта и украшениях древности // Структурно-семиотические исследования в археологии. Донецк. Т.1. С.275-282.

ОАК за 1892 г. Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1892 г. Спб., 1894.

ОАК за 1894 г. Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1894 г. Спб., 1896.

ОАК за 1898 г. Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1898 год. Спб., 1901.

Оборин В.А., Чагин Г.Н., 1988. Чудские древности Рифея: Пермский звериный стиль / Серия «Искусство Прикамья». Пермь. 183 с.

Обыденнов М.Ф., 1994. История археологического изучения Урала XVIII – начала XX в.: Учеб. пособие. Уфа. 80 с.

Обыденнова Г.Т., 2002. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье (XVIII – конец XX в.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ижевск. 38 с.

Оконникова Т.И., 2002. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск. 173 с.

Основы финно-угорского языкознания, 1974. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М. 483 с.

Останина Т.И., 1991. Ижевский могильник. Погребальный обряд, социальная структура общества // Удмуртия: новые исследования. Ижевск. С.31-47.

Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III-V вв.: Монография. Ижевск. 326 с.: ил.

Останина Т.И., 2000а. Археологические исследования В.Ф.Генинга на территории Удмуртии // Музей: история и современность. Ижевск. С.30-51.

Останина Т.И., 2000б. Исследования Национального музея Удмуртской Республики // АО 1998 года. М. С.249-250.

Останина Т.И., 2002. Кузбаевское городище IV-V, VII вв. Ижевск. 112 с.

Останина Т.И., 2004. Археологические коллекции Национального музея Удмуртской Республики им.К.Герда: Каталог. Ижевск. 232 с.

Отчет правления..., 1917 // Известия Общества изучения Прикамского края. Сарапул. Вып.1. С.102-114.

Ояева Е.И., 2003. Нырғындинская пластина // АСГЭ. Вып.36. С.125-133.

Ояева Е.И., 2009. Нырғындинская пластина // Ояева Е.И., Игнатьева О.В., Белавин А.М. Пермский звериный стиль в сокровищнице Государственного Эрмитажа: Монография. Пермь. С.106-115.

Памятники истории и культуры, 1979 / Памятники истории и культуры Удмуртской АССР: Каталог. Ижевск. 134 с.

Памятники истории и культуры, 1990 / Памятники истории и культуры Удмуртии. Каталог. Изд-е второе, перераб.. Ижевск. 156 с.: ил.

Перовошиков С.Е., 2000. Исследования памятников в д.Зуевы Ключи // АО 1998 года. М. С.250-251.

Перовошиков С.Е., Широбокова Н.Ф., 1996. Исследования Зуево-Ключевских II поселения и могильника // АО 1995 года. М. С.284-285.

Перовошиков С.Е., Широбокова Н.Ф., Салангин Д.А., 1997. Исследования Зуево-ключевских могильников и стоянки // АО 1996 года. М. С.273-274.

Перовошиков С.Е., Нагиев З.Ш., 2005. Из истории металлургии Камско-Вятского междуречья I половины I тыс. н.э. // Седьмая научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г.Ижевска. Ч.1. Ижевск. С.139-141.

Перовошиков С.Е., 2009. Работы в Каракулинском, Завьяловском, Воткинском районах Удмуртской Республики // АО 2006 года. М. С.480.

Петренко А.Г., 1978. Фауна мезолитической стоянки Деуковская II // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань. С.143-144.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М. 175 с.

Поляков Ю.А., 1970. Исследование городищ гляденской и пьяноборской культур // АО 1969 года. М. С.139-140.

Прокошев Н.А., 1949. Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье (VII-II вв. до н.э.) // Записки УдНИИ. Ижевск. Вып.11. С.34-60.

Пшеничнюк А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население Центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.V. Уфа. С.162-243.

Решетников Н.Л., 1996. Исследования поселений в Удмуртском Прикамье // АО 1995 года. М. С.285-286.

Руденко К.А., 1993. Волжские булгары, финно-угры и славяне в Среднем Поволжье и Прикамье в XIII-XIV вв. (по данным археологии) // Историческое познание: традиции и новации. Ч.1. Ижевск. С.35-37.

Рябинин Е.А., 1981. Зооморфные украшения древней Руси X-XIV вв. // САИ. У1-60. Л. 124 с.

Седов В.В., 1994. Славяне в древности (Славяне в древности и раннем средневековье). М. 343 с.

Семенов В.А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С.3-50.

Семенов В.А., 1978. К истории археологических исследований в Удмуртии // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск. С.3-48.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н., 1970. Остатки раннесредневековых литейных мастеров с Щербетьского поселения // СА. №4. С.233-237.

Смирнов А.П., 1938. Производство и общественный строй у народов Прикамья в I тысячелетии н.э. (по данным археологии) // Записки Удм.НИИ. Ижевск. Вып.8. С.202-250.

Смирнов А.П., 1949. Могильники пьяноборской культуры (к вопросу о дате) // КСИИМК. Вып. XXV. С.22-32.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М. №28. 276 с.

Смирнов А.П., 1970. Происхождение рабовладения // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М. С.113-132.

Смирнов А.П., 1975. Возникновение производящего хозяйства и финно-угры // Congressus Quartus internationalis fenno-ugristarum. Budapest.

Смирнов И.Н., 1894. Отчет о раскопках // ОАК за 1892 год. СПб. С.69-70.

Смирнов И.Н., 1895. Каракулинский могильник // Известия общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете. Казань. Т. XII. Вып.4. С.263-272.

Спицын А.А., 1893. Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. Вып.1. 191 с.

Спицын А.А., 1906. Шаманские изображения // ЗОРСА РАО. Т.8, вып.1. СПб. 117 с.

Спицын А.А., 1916. Заметки из поездки 1898 г. // Известия Археологической комиссии. СПб. Вып.60.

Стрельцов Ф.В., 1914. Шихан на правом берегу р.Белой // Известия Сарапульского земского музея. Сарапул. Вып.4. С.97-98.

Стрельцов Ф.В., 1926. Археологические памятники Вятского края (Руководящая статья) // Труды научного общества по изучению Вотского края. Ижевск. Вып.1. С.53-59.

Талицкая И.А., 1952. Материалы к археологической карте бассейна р.Камы // МИА. М. №27. 226 с.

Тальгрэн А.М., 1917. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Сарапул. Вып.1. С.20-24.

Тараканов И.В., 1985. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Устинов. 44 с.

Трофимова Т.А., 1941. Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры // УЗ МГУ. Вып.63. М.

Труды IV Уральского археологического совещания, 1967 // УЗ ПГУ. №148. Пермь.

УРЭ, 2000 / Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. 800 с.: ил.

Фахрутдинов Р.Г., 1975. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань. 220 с.

Федотов П.А., 1989. Коневодство. М. 271 с.

Халиков А.Х., 1953. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып.50. М. С.31-42: ил.

Халиков А.Х., 1980. Приказанская культура // САИ. М. Вып.В1-24. 127 с.

Хлебникова Т.А., 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М. 240 с.

Худяков М.Г., 1917. Древности Малмыжского края // Труды ВУАК. Вып. I-II. Отд.3. С.1-59.

Худяков М.Г., 1920. Вотские родовые деления // ИОАИЭ. Казань. Т.30. Вып.3. С.339-356; Т.31. Вып.1. С.1-16.

Худяков М.Г., 1923. Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет. Казань. С.72-126.

Худяков М.Г., 1929. «Эполетообразные» застежки Прикамья: (Материалы для изучения элементов культуры камских финнов) // Сборник [аспирантов ГАИМК]. Л. Вып.1. С.41-50.

Худяков М.Г., 1933а. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А.Спицына в 1898 г. Л. С.5-10.

Худяков М.Г., 1933б. Нырғындынский I и II могильники // Древности Камы по раскопкам А.А.Спицына в 1898 г. Л. С.15-18.

Худяков М.Г., 1934. Культурно-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового строя: (Солнце и его разновидности) // ПИДО. №11-12. С.76-97.

Чарнолуцкий В.В., 1965. Легенда об олене-человеке. М. 140 с.

Черных Е.М., 1996. Культурный комплекс Аргыжского городища на р.Вятке // Святилища и жертвенные места финно-угорского населения Евразии. Пермь. С.91-93.

Черных Е.М., 1999. Юбилейный год археологических исследований в окрестностях д.Зуевы Ключи // Тезисы докл. 4-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск. Ч.1. С.3-4.

Черных Е.М., 2000а. Новые исследования Зуево-Ключевского I городища // АО 1998 года. М. С.260-261.

Черных Е.М., 2000б. Некоторые результаты исследований Зуевключевского I городища в 1997-99 гг. // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: Материалы междунар. науч. конф. Ижевск. С.274-276.

Черных Е.М., 2001. Культурные комплексы Зуево-Ключевского I городища в Среднем Прикамье // XV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. междунар. науч. конф. Оренбург. С.148.

Черных Е.М., 2004. Зуевключевское I городище в Удмуртском Прикамье: Некоторые итоги исследований // Удмуртской археологической экспедиции 50 лет: Сб. статей. Ижевск. С.113-131.

Черных Е.М., 2008. Жилища Прикамья (эпоха железа): Монография. Ижевск. 272 с.

Черных Е.М., 2008а. Камско-Вятская археологическая экспедиция и охранная археология // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. Ижевск. С.235-241.

Черных Е.М., 2009. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (К 150-летию открытия Ананьинского могильника): Серия «Археология евразийских степей». Вып.8. Елабуга. С.76-97.

Черных Е.М., Журбин И.В., 1999а. Археогеофизические исследования Зуево-Ключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.-Омск. С.121-123.

Черных Е.М., Журбин И.В., 1999б. Методы естественных наук в исследованиях Зуево-Ключевского I городища в 1998-1999 гг. // 120 лет археологии восточного склона Урала: Первые чтения памяти В.Ф.Генинга. Екатеринбург. С.70-72.

Черных Е.М., Перовиков С.Е., Лаптева Т.А., 1999. К 100-летию исследования Зуевского могильника: возобновление раскопок комплекса памятников у д.Зуевы Ключи // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. Челябинск. С.125-127.

Черных Е.М., Вязников А.М., Богаткина О.Г., Решетников Н.Л., Салангин Д.А., 2001. Работы Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета // АО 2000 года. М. С.186-188.

Черных Е.М., Журбин И.В., Карпушкина О.А., 2002. Исследования памятников железного века в Удмуртском Прикамье // АО 2001 года. М. С.369-370.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В., 2001. Комплексные исследования Камско-Вятской археологической экспедиции на Зуево-Ключевском I городище летом 2000 г. // Тез. докл. 5-й Российской университетско-академической научно-практической конференции. Ижевск. Ч.2. С.8-9.

Черных Е.М., Вязников А.М., Карпушкина О.А., Лукшин Е.В., Перовиков С.Е., 2003. Работы Камско-Вятской археологической экспедиции в Удмуртском Прикамье // АО 2002 года. М. С.303-305.

Черных Е.М., Журбин И.В., Сергеев А.В., Туганаев А.В., 2002. Использование междисциплинарного подхода к изучению многослойных археологических памятников в Удмуртском Прикамье: предварительные итоги исследования // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск. С.81-83.

Черных Е.М., Лаптева Т.А., Бернц В.А., Перовиков С.Е., Карпушкина О.А., Красноперов А.А., 2003. Исследования Боярского («Арай») могильника // АО 2002 года. М. С.305-306.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., 2004. Раскопки Зуево-Ключевского I городища // АО 2003 года. М. С.342-343.

Черных Е.М., Медведева Т.А., 2003. Каменные диски с Зуевключевского I городища // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь. С.134-135.

Черных Е.М., Красноперов А.А., Лаптева Т.А., Перовиков С.Е., 2004. Исследования Боярского («Арай») могильника // АО 2003 года. М. С.344.

Черных Е.М., Крылов Е.В., Перовикова С.А., 2005. Работы на Зуевключевском I городище // АО 2004 года. М. С.378-380.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перовиков С.Е., 2005. Исследование могильника Боярский (Арай) // АО 2004 года. М. С.377-378.

Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. №4. М. С.145-151.

Черных Е.М., Цыгвинцева Т.А., 2006. Каменные диски с Зуевключевского I городища // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа. С.180-186.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перовиков С.Е., Перовикова С.А., 2007. Исследование памятников железного века в Удмуртском Прикамье // АО 2005 года. М. С.398-400.

Черных Е.М., Останина Т.И., 2007. Население Удмуртии в эпоху раннего железа // История Удмуртии: С древнейших времен до XV века. Ижевск. С.123-182.

Черных Е.М., Русинова А.А., 2009. Археологические памятники в системе особо охраняемых природных территорий Удмуртского Прикамья: к проблеме использования // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. Самарская Лука. Т.18. №3. С.38-46.

Черных Е.М., Карпушкина О.А., Перовиков С.Е., 2010. Исследование Боярского (Арай) могильника // АО 2007 года. М. С.393-394.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. №172. М. 176 с.

Шапран И.Г., 1984. Позднесредневековые могильники на территории Удмуртской АССР (материалы к археологической карте) // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.2. Ижевск. С.120-133.

Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. 351 с.

Широбокова Н.Ф., 2002. Основные итоги исследований Камско-Вятской археологической экспедиции на разрушающихся памятниках (1973-2000 гг.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. С.102-140.

Шмидт А.В., 1934. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества // Известия ГАИМК. Вып.106. М.; Л. С.13-96.

Шутова Н.И., 1987. К истории изучения удмуртских погребальных памятников XVI-XIX вв. // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск. С.61-88.

Шутова Н.И., 1990. Погребальный обряд удмуртов XVI-XIX вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск. С.4-34.

Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX вв.: по данным могильников: Монография. Ижевск. 264 с.: ил.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987. // Археология СССР. М. 468 с.

Ютина Т.К., 1984. Предварительные итоги изучения археологических памятников эпохи средневековья в Южной Удмуртии // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып.2. Ижевск. С.71-94.

Ютина Т.К., 1994. Археологические памятники VI-XIV вв. Южной Удмуртии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 19 с.

Eggers H.J., 1951. Der römische import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte 1. Hamburg.

Tallgren A.M., 1916. Collection Zausailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors.

Tallgren A.M., 1919. L'époque dite d'Ananino dans le Russie orientale // SMA. XXXI. Helsinki.

Список сокращений

АО – Археологические открытия
 АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
 ГАКО – Государственный архив Кировской области
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ИАК – Императорская Археологическая Комиссия
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
 ИКН – Историко-культурное наследие
 КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
 КОКМ – Кировский областной краеведческий музей
 ЛЭП – Линия электропередач
 МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
 МА МГУ – Музей антропологии Московского государственного университета
 МАЭ – Музей антропологии и этнографии
 МИКСП – Музей истории и культуры Среднего Прикамья (г.Сарапул)
 МТФ – Молочно-товарная ферма
 НМУР – Национальный музей Удмуртской Республики
 ОАК – Отчеты Археологической Комиссии
 ПО – Производственное объединение
 САИ – Свод археологических источников
 СМ РСФСР – Совет Министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
 УАССР – Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
 УАЭ – Уральская археологическая экспедиция
 УдГУ – Удмуртский государственный университет
 УОПИК – Управление охраны памятников истории и культуры
 УрГУ – Уральский государственный университет
 УРЭ – Удмуртская Республика: Энциклопедия

Указатель памятников	№ стр.
Барановское I селище	19
Барановское II селище	19
Барановское III поселение	19
Барановское IV селище	20
Барановское V селище	22
Барановское VI селище	22
Барановское VII селище	22
Бельско-Островное местонахождение палеофауны	95
Бочкаревские (Марковские) находки	95
Боярский («Арай») могильник	84
Боярское городище	55
Боярское I поселение	23
Боярское II поселение	23
Боярское селище	22
Быргындинская I стоянка	24
Быргындинская II стоянка	25
Быргындинские I находки	95
Быргындинские II находки	95
Быргындинские III находки	95
Быргындинский I могильник	85
Быргындинский II могильник	85
Быргындинское I («Архиерейская Рёлка», «Под Клименом») городище	55
Быргындинское II («Каменный Лог») городище	55
Быргындинское I селище	25
Быргындинское II селище	26
Быргындинское III селище	26
Быргындинское IV поселение	26
Быргындинское V поселение	27
Быргындинское VI селище	28
Быргындинское VII («Каравай») селище	29
Быргындинское VIII селище	29
Быргындинское IX поселение	29
Быргындинское X поселение	29
Вятский (Мошкаровский) могильник	86
Вятское (Мошкаровское верхнее) городище	57
Вятское (Мошкаровское нижнее) городище	59
Вятское местонахождение керамики	96
Вятское I селище	30
Вятское II селище	30
Вятское III селище	30
Галановские I находки	96
Галановская II находка	96
Галановские находки костей ископаемых животных II	97
Галановские находки костей мамонта I	96

Указатель памятников	№ стр.
Галановское городище	59
Галановское I селище	31
Галановское II селище	31
Галановское III селище	31
Гремячевская находка	97
Дубровский клад	97
Дубровское I селище	31
Дубровское II поселение	32
Желановское селище	32
Зуевоключевская I находка	97
Зуевоключевская II находка	98
Зуевоключевская I стоянка	33
Зуевоключевская II стоянка (поселение)	33
Зуевоключевская III стоянка	33
Зуевоключевское I городище	60
Зуевоключевское II городище	64
Зуевоключевское III (Хижняковское) городище	64
Зуевоключевское («Сучья гора») местонахождение палеофауны	98
Зуевоключевское I поселение	38
Зуевоключевское II поселение	38
Зуевоключевское III поселение	39
Зуевоключевское I селище	34
Зуевоключевское II селище	34
Зуевоключевское III селище	35
Зуевоключевское IV селище (поселение)	35
Зуевоключевское V селище (поселение)	36
Зуевоключевское VI селище	37
Зуевоключевское VII селище (поселение)	37
Зуевоключевское VIII селище	37
Зуевоключевской II могильник	87
Зуевоключевской III могильник	88
Зуевский (Зуевоключевской I) могильник	86
Ильнешский клад	98
Ильнешское городище	66
Ильнешское I селище (поселение)	40
Ильнешское II селище	40
Калмашинские находки	98
Камское селище	40
Каракулинская стоянка	41
Каракулинские находки палеофауны	99
Каракулинский клад	99
Каракулинский («Вятский Клест», «Хлест», Первомайский) могильник	89
Каракулинский II могильник	90
Каракулинский III могильник	90

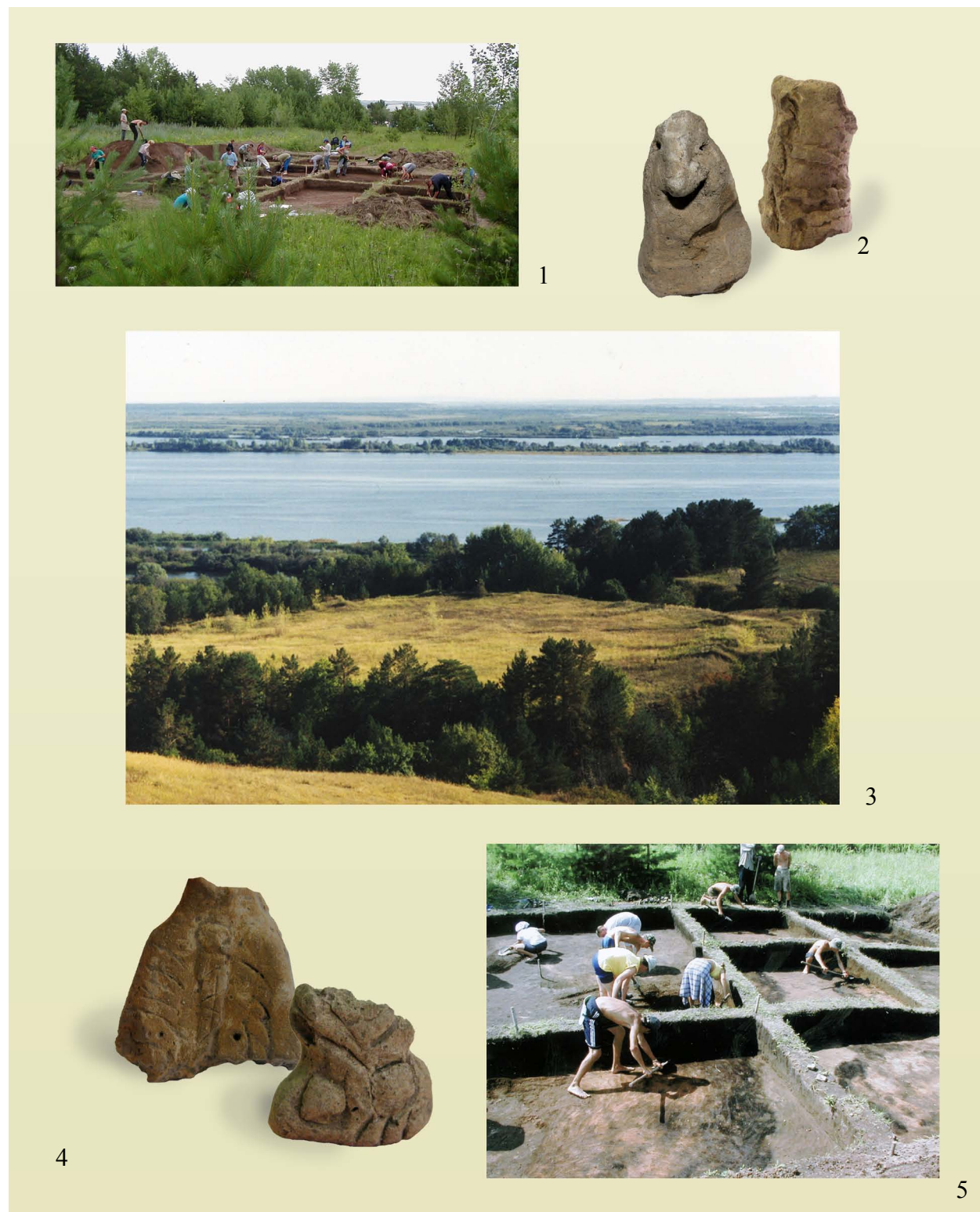
Указатель памятников	№ стр.
Каракулинское I (Нижнее) городище	66
Каракулинское II (Верхнее, Пермьяковское) городище	66
Каракулинское III (Партизанское, «Половинный Лог») городище	66
Каракулинское IV («Крепость») городище	67
Каракулинское местонахождение керамики	100
Колесниковское I городище	68
Колесниковское II городище	69
Колесниковское местонахождение каменного долота	100
Колесниковское местонахождение керамики	100
Колесовские находки	100
Колесовские находки палеофауны	100
Коростинские находки	101
Коростинский клад	100
Коростинское I селище	41
Коростинское II селище	41
Коростинское III селище	41
Коростинское IV селище	41
Коростинское V селище	42
Коростинское VI селище	42
Коростинское VII селище	42
Коростинское VIII селище	42
Кудекса селище (поселение)	42
Кулевские находки	101
Кухтинские находки	102
Кухтинское городище	69
Кухтинское селище	43
Кухтинское II селище	43
Ломовское I селище	43
Ломовское II селище	43
Максимов Лог, селище	44
Малочегандинское I («Поляна») селище	44
Малочегандинское II селище	44
Ныргындинская стоянка	45
Ныргындинские находки	102
Ныргындинский I могильник	90
Ныргындинский II могильник	91
Ныргындинское I («Ола-Курук», Ильнешское?) городище	70
Ныргындинское II городище	71
Ныргындинское III городище	73
Ныргындинское IV городище	75
Ныргындинское I селище	45
Ныргындинское II селище	46
Ныргындинское III селище	46
Ныргындинское IV селище	46

Указатель памятников	№ стр.
Ныргындинское V селище	46
Ныргындинское VI селище	47
Ныргындинское VII поселение	47
Обуховское городище	75
Партизанский могильник	92
Партизанское I (Каракулинское, Партизан I) селище	47
Партизанское II поселение	47
Партизанское III поселение	48
Партизанское IV поселение	48
Партизанское V поселение	49
Партизанское VI поселение (Каракулинская стоянка)	50
Пестеревские находки	102
Саузовский (Бельский Шихан) клад	102
Саузовский (Бельский Шихан) могильник	92
Саузовское (Бельский Шихан) городище	77
Святица, селище	50
Сухаревское городище	76
Трошковский клад	103
Устьбельское I («Плоское место») селище	50
Устьбельское II селище (Быргындинское, «Каменный Лог», «Под Клименом»)	51
Устьбельское III селище	52
Цигвинцевское («Алексеевская гора», «Чиганы») городище	77
Чегандинская находка	104
Чегандинский I («Над амбарами») клад	103
Чегандинский II клад	103
Чегандинский III клад	103
Чегандинский IV клад	104
Чегандинский II могильник	93
Чегандинское I городище	78
Чегандинское II городище (селище)	81
Чегандинское III городище (селище)	81
Чегандинское I местонахождение палеофауны	104
Чегандинское II местонахождение палеофауны	104
Чегандинское I («За морями») селище	52
Черновское городище	82
Юньгинское I городище	82
Юньгинское II городище	83
Юньгинское I селище	52
Юньгинское II селище	53
Юньгинское III селище	53
Юньгинское IV селище	53
Ямаша I, селище	54
Ямаша II, селище	54

Галановская секира с двойным зооморфным изображением: сверху – сова (филин?), сбоку – волк (дракон, ящер). Случайная находка

Зуевоключевское I городище. 1 – раскопки городища в 2004 г.; 2, 4 – глиняные статуэтки из раскопок; 3 – вид на площадку городища; 5 – процесс раскопок в северной части городищенской площадки (фото Е.М.Черных, Р.Д.Голдиной)

1 – вид на Колесниковское I городище; 2 – костяной гребень (Зуевоключевское I городище); 3 – вид на площадку Юньгинского III селища; 4 – бронзовый наконечник копья (Зуевоключевской I могильник); 5 – вид на Юньгинские городища (фото А.Е.Митрякова)

1

3

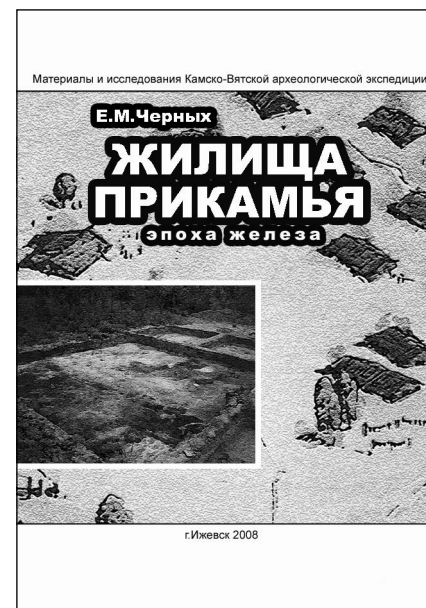

2

4

Боярский («Арай») могильник: 1 – вид на площадку памятника; 2 – зарисовка погребений; 3 – участники конференции 2005 г. знакомятся с особенностями погребальной практики древних; 4 – глиняный сосуд из погребения 104 (фото Е.М.Черных, С.Е.Первощикова, Т.Р.Сабирова)

Е.М.Черных
Жилища Прикамья
Монография

В монографии обобщены материалы по жилищам железного века Прикамья, дана критика имеющейся источниковой базы. Систематизация и типология жилища на основе предложенной программы нормированного описания, учитывающей степень сохранности источника, позволили автору определить характерные черты местного домостроительства на протяжении двух тысячелетий, направления и факторы эволюции домостроительных традиций, показать динамику в изменении типов древних и средневековых построек, их генетическую связь с традиционной архитектурой финно-угорских народов Прикамья.

Книга адресована археологам, этнографам, историкам архитектуры, краеведам.

Формат 60x84¹/₈. – Ижевск, 2008. – 272 с.

Черных Е.М.
У истоков уральского домостроительства:
древние и средневековые жилища Прикамья
Научно-популярное издание

Книга посвящена истории становления традиционной жилой архитектуры у народов Урала. На значительном материале, полученном в ходе археологического изучения уральских поселений (от палеолита до средневековья) автор рассказывает об эволюции жилища, о древнем искусстве строить прочное и теплое жилье в различных природно-климатических условиях. Особое внимание уделено конструкции и планировке жилых строений финно-угров Прикамья.

Книга рекомендована для чтения лекций по археологии, этнографии, истории архитектуры, в преподавании краеведения в вузах и школах. Издание будет интересно всем, кому не безразлично культурное наследие народов Урала и Прикамья.

Формат 60x84¹/₁₆. – Ижевск, 2010. – 160 с.

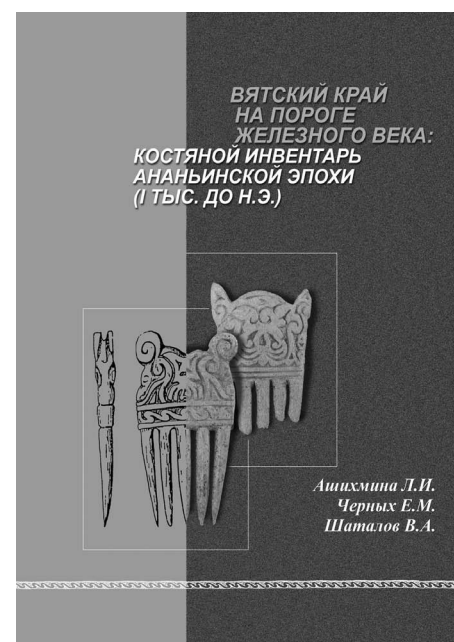
Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.
Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь
ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.).
Монография

В книге впервые за последние 50 лет рассматриваются богатейшие коллекции изделий из кости и рога с городищ раннего железного века. Этот период – «ананьинская эпоха» – ознаменовался в Прикамье невиданным прежде развитием обработки кости и рога, сферы использования этого материала носили поистине всеохватный характер. Следующий всплеск в обработке кости в Прикамье придется на рубеж I-II тысячелетий н.э. Собрание из более чем 1000 предметов анализируется с использованием комплекса методов, на широком фоне аналогий, позволяющих четче обозначить своеобразие местной индустрии в I тыс. до н.э.

Издание рассчитано на археологов, историков, краеведов и всех, кому небезразлична судьба культурного наследия автохтонных народов Прикамья.

Формат 60x84¹/₈. – Ижевск, 2006. – 220 с., илл.

По вопросам приобретения данных книг обращаться на кафедру археологии и истории первобытного общества УдГУ по адресу: 426034, г.Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.2, к.409. Тел.(3412)916-187, 917-309, e-mail: arch@uni.udm.ru

Научное издание

Голдина Римма Дмитриевна

Черных Елизавета Михайловна

**Археологическая карта Каракулинского района
Удмуртской Республики**

Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
Том 18

Компьютерная подготовка и верстка В.Г.Базановой
Художественное и графическое оформление: Л.И.Липина, И.Г.Соловьева

Сдано в производство
Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Усл. печ. л. . Заказ
Тираж 300